

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет»,
424000, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1

Зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-74708 от 29.12.2018 г.)

Подписной индекс в каталоге
«Газеты. Журналы»
ОАО «Агентство «Роспечать» 70745
Тел.: (8362) 68-79-97 (1565)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
424002, Россия, Республика
Марий Эл, г. Йошкар-Ола,
ул. Кремлевская, 44, переход,
к. 303

e-mail: vestnik.margu@mail.ru
<http://vestnik.marsu.ru>

Территория распространения:
Российская Федерация,
зарубежные страны

Оригинал-макет подготовлен к печати
в редакции научных журналов
ФГБОУ ВО «Марийский государственный
университет». 424002, г. Йошкар-Ола,
ул. Кремлевская, 44, переход, к. 303
и отпечатан в типографии «Принтекс».
424000, г. Йошкар-Ола, бул. Победы, 14

Тем. план 2021 г. № 59.
Подписано в печать 27.12.2021 г.
Дата выхода в свет 27.12.2021 г.
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 16,74.
Уч.-изд. л. 12,17. Тираж 500.
Цена свободная.

Литературные редакторы:
О. С. Крылова, Е. А. Бухвалова,
П. Г. Марченко

Перевод
Е. А. Бухвалова

Компьютерная верстка
Г. И. Галлямова

Дизайн обложки
И. В. Шишкарева

© ФГБОУ ВО «Марийский
государственный университет», 2021

ISSN 2072-6783 (print), 2686-8679 (online)

Том 15. № 4. 2021

Сквозной номер выпуска – 44

ВЕСТНИК

**МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

DOI: 10.30914/2072-6783

ВЕСТНИК

МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Марийского государственного университета» публикует оригинальные научные статьи (Full Articles) на русском и английском языках, ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Журнал осуществляет научное рецензирование («двойное слепое») всех поступающих в редакцию материалов с целью экспертной оценки. Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования, изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Комитета по этике научных публикаций. Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

Рукопись статьи направляется на рецензирование для оценки ее научного содержания нескольким ведущим специалистам соответствующего профиля, имеющим научную специализацию, наиболее близкую к тематике статьи.

Редакция журнала реализует принцип нулевой толерантности к плагиату. Мониторинг некорректного цитирования осуществляется с помощью системы «Антиплагиат».

Цель издания – распространение научного знания, информационное сопровождение достижений ученых в области педагогических, психологических, филологических наук, повышение авторитетности и влияния российского научно-информационного и научно-издательского сегмента в мировом сообществе.

Журнал предоставляет открытый доступ к полным текстам публикации, исходя из следующего принципа: открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями

Включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (с 06.06.2017), по следующим научным специальностям (уточнение от 26.03.2019):

10.01.01 – Русская литература (филологические науки);

10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки),

10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки),

10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки);

10.01.09 – Фольклористика (филологические науки);

10.02.01 – Русский язык (филологические науки);

10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки).

10.02.04 – Германские языки (филологические науки);

10.02.19 – Теория языка (филологические науки);

10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки);

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки);

13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки);

13.00.05 – Теория, методика и организация социально-культурной деятельности (педагогические науки);

13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки).

Архивируется и индексируется в:

Академия Google, AcademicKeys, East View, ePrints, РИНЦ, ResearchBib, Ulrich's Periodicals Directory, «КиберЛенинка», EBSCO.

Выходит с 2007 года.

Журнал является членом Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ),

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Периодичность издания: 4 раза в год.

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“Mari State University”, 1 Lenin Sq.,
Yoshkar-Ola 424000, Republic of Mari El,
Russian Federation

Journal Registration Certificate
for print publication no. ФС 77-74708
issued by the Federal Service for
Supervision of Communications,
Information Technology and Mass
Media on December 29, 2018

Subscription index in the catalog
“Newspapers. Journals”
of Agency “Rospechat” 70745
Telephone: (8362) 68-79-97 (1565)

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:

44, Kremlevskaya St., office 303
(passage), Yoshkar-Ola 424002,
Republic of Mari El, Russian Federation
e-mail: vestnik.margu@mail.ru
<http://vestnik.marsu.ru>

Distributed in the Russian Federation
and foreign countries

The layout original was prepared for printing
in the editorial board of academic journals
of the Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education “Mari State
University”. 44 Kremlevskaya St., office 303
(passage), Yoshkar-Ola 424002 and was print-
ed at the printing house “Printecs”. 14,
Victory Boulevard, Yoshkar-Ola 424000

Thematic plan of 2021 no. 59.
Signed to print 27.12.2021.
Date of publishing 27.12.2021.
Sheet size 60×84/8.
Conventional printed sheets 16,74.
Number of copies 500. Free price.

Editors:

*O. S. Krylova, E. A. Bukhvalova,
P. G. Marchenko*

Translation

E. A. Bukhvalova

Desktop publishing:

G. I. Gallyamova

Cover design

I. V. Shishkareva

© Mari State University, 2021

ISSN 2072-6783 (print), 2686-8679 (online)

Vol. 15, no. 4. 2021
Continuous issue – 44

VESTNIK

OF THE MARI STATE UNIVERSITY

Scientific journal

DOI: 10.30914/2072-6783

VESTNIK

OF THE MARI STATE UNIVERSITY

The scholarly journal **Vestnik of the Mari State University** publishes original scientific articles (full articles) in Russian and English, which have not been previously published in other publications.

The journal carries out the reviewing (scientific double-blind peer-review) of all submitted materials with the view of their expert assessment. The journal adheres to the standards of editorial ethics in accordance with international practice of editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE). The point of view of the Editorial board may not coincide with the point of view of the authors.

The manuscript of the article is sent for review to several leading specialists of the corresponding profile, who have scientific specialization closest to the subject of the article, to evaluate the scientific content.

The Editorial Board follows the principle of zero tolerance to plagiarism. Plagiarism check is carried out by using Anti-Plagiarism software.

The journal aims to disseminate scientific knowledge and provide information support for the achievements of scientists in the field of pedagogical, psychological and philological sciences, to increase the authority and influence of the Russian scientific information and scientific publishing segment in the world community.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals, where the main scientific results of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences theses (06.06.2017) on the following scientific specialties should be published (updated 26.03.2019):

10.01.01 – Russian Literature (Philological Sciences);

10.01.02 – Literature of the peoples of the Russian Federation (indicating a specific literature or a group of literatures) (Philological Sciences),

10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries (indicating a specific literature) (Philological Sciences),

10.01.08 – Theory of Literature. Textology (Philological Sciences);

10.01.09 – Folklore Studies (Philological Sciences);

10.02.01 – Russian Language (Philological Sciences);

10.02.02 – Languages of the peoples of the Russian Federation (indicating a specific language or language family) (Philological Sciences),

10.02.04 – Germanic Languages (Philological Sciences);

10.02.19 – Language Theory (Philological Sciences);

10.02.20 – Historical Linguistics, Typological Linguistics, Comparative Linguistics (Philological Sciences);

13.00.01 – General Pedagogics, History of Pedagogics and Education (Pedagogical Sciences);

13.00.02 – Theory and Methods of Training and Education (by fields and levels of education) (Pedagogical Sciences);

13.00.05 – Theory, Methods and Organization of Sociocultural Activities (Pedagogical Sciences);

13.00.08 – Theory and Methods of Professional Education (Pedagogical Sciences).

The titles and content of the sections of the scientific journal “Vestnik of the Mari State University” correspond to the branches of science and groups of specialties of scientific workers, in accordance with the Nomenclature of specialties of scientific workers:

13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES;

10.00.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES.

The journal is indexed and archived in:

Academy Google, AcademicKeys, East View, ePrints, Russian Science Citation Index (RSCI), ResearchBib, Ulrich’s Periodicals Directory, “CyberLeninka”, EBSCO.

The journal is a member of the Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP).

The journal’s materials are available under the Creative Commons “Attribution” 4.0 Global License

Published since 2007.

Publication frequency: 4 times per year.

Главный редактор: **Кондратенко Елена Валентиновна**, кандидат педагогических наук, профессор, директор педагогического института, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия, inped@marsu.ru

Ответственный секретарь: **Крылова Ольга Сергеевна**, зав. редакцией научных журналов, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия, vestnik.margu@mail.ru

Редакционная коллегия:

Абукаева Любовь Алексеевна	доктор филологических наук, Марийский научно-исследовательского институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (Йошкар-Ола, Россия), sylne@mail.ru
Антонов Юрий Григорьевич	доктор филологических наук, доцент, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Саранск), antonov-ug69@yandex.ru
Баранов Александр Аркадьевич	доктор психологических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (Ижевск, Россия), baranovaa@udsu.ru
Баранова Эльвира Авксентьевна	доктор психологических наук, доцент, Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева (Чебоксары, Россия), baranova-ea@yandex.ru
Бирюкова Наталья Алексеевна	кандидат педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Россия), natbir316@mail.ru
Брэдли Джереми	доктор философии, Венский университет (Австрия), jeremy.moss.bradley@univie.ac.at
Галимзянова Ильхамия Исаковна	доктор педагогических наук, профессор, Казанская государственная консерватория им. Н.Г. Жиганова (Казань, Россия), illagalim@rambler.ru
Глухова Наталья Николаевна	доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Россия), gluhnatalia@mail.ru
Золотова Татьяна Аркадьевна	доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Россия), zolotova_tatiana@mail.ru
Калинина Алевтина Анатольевна	доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Россия), kalinina.07@inbox.ru
Кондратьева Наталья Владимировна	доктор филологических наук, доцент, Удмуртский государственный университет, профессор (Ижевск, Россия), nataljakondratjeva@yandex.ru
Крылов Дмитрий Александрович	кандидат педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Россия), krilda@mail.ru
Кудрявцева Раисия Алексеевна	доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Россия), kudsebs@rambler.ru
Лелюгене Ирена	доктор педагогических наук, профессор, Институт эдукологии и социальной работы Университета им. Миколаса Ромериса (Литовская Республика), irena.leliugiene@gmail.com
Морова Наталья Сергеевна	профессор, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Россия), morovans@gmail.com
Мухтарова Шакира Мукашовна	доктор педагогических наук, профессор, Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова (Караганда, Казахстан), shak.ira.53@mail.ru
Мышкина Альбина Федоровна	доктор филологических наук, доцент, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова (Чебоксары, Россия), alb-myshkina@yandex.ru
Ракин Анатолий Николаевич	доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Коми НЦ РАН (Сыктывкар, Россия), anatolij.rakin@mail.ru
Ситников Валерий Леонидович	доктор психологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия), sitnikov@mail.ru
Старыгина Наталья Николаевна	доктор филологических наук, профессор, Поволжский государственный технологический университет (Йошкар-Ола, Россия), starigina@yandex.ru
Токтарова Вера Ивановна	доктор педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Россия), toktarova@yandex.ru
Фёдорова Светлана Николаевна	доктор педагогических наук, профессор, начальник Центра методологии высшей школы, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Россия), svetfed65@rambler.ru
Хайруллин Руслан Зинатуллович	доктор педагогических наук, профессор, Негосударственное образовательное учреждение ВПО «Российский новый университет» (Москва, Россия), rhairullin@mail.ru
Хайруллина Эльмира Робертовна	доктор педагогических наук, профессор, Казанский национальный исследовательский технологический университет (Казань, Россия), elm.khair@list.ru
Яниогло Мария Александровна	доктор педагогики, конференциар университетар, Комратский государственный университет (Республика Молдова), mariayan11@mail.ru

Editor-in-chief: **Elena V. Kondratenko**, Ph. D. (Pedagogy), Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation, inped@marsu.ru

Executive Editor: **Olga S. Krylova**, Head of the editorial board of scientific journals, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation, vestnik.margu@mail.ru

Editorial board:

- Lyubov A. Abukaeva** Dr. Sci. (Philology), Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev (Yoshkar-Ola, Russian Federation), sylne@mail.ru
- Yuriy G. Antonov** Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), Head of the Department of Finno-Ugric Literatures, antonov-ug69@yandex.ru
- Aleksandr A. Baranov** Dr. Sci. (Psychology), Full Professor, Udmurt State University (Izhevsk, Russian Federation), Director of the Institute of Pedagogy, Psychology and Social Technologies, baranovaa@udsu.ru
- Elvira A. Baranova** Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev (Cheboksary, Russian Federation), Head of the Department of Developmental, Pedagogical and Special Psychology, baranova-ea@yandex
- Natalya A. Biryukova** Ph. D. (Pedagogy), Associate Professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Pedagogy and Educational Systems, natbir316@mail.ru
- Jeremy Bradley** Ph. D., Assistant Professor, Vienna University (Austria), jeremy.moss.bradley@univie.ac.at
- Ilkhamiya I. Galimzyanova** Dr. Sci. (Pedagogy), Full Professor, Kazan State Conservatory named after N. Zhiganov (Kazan, Russian Federation), Head of the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, illagalim@rambler.ru
- Natalya N. Glukhova** Dr. Sci. (Philology), Full Professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Head of the Department of Finno-Ugric and Comparative Philology, gluhnatalia@mail.ru
- Tatyana A. Zolotova** Dr. Sci. (Philology), Full Professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Professor of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, zolotova_tatiana@mail.ru
- Alevtina A. Kalinina** Dr. Sci. (Philology), Full Professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Professor of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, kalinina.07@inbox.ru
- Natalya V. Kondratieva** Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Udmurt State University, (Izhevsk, Russian Federation), Director of the Institute of Udmurt Philology, Finno-Ugric Studies and Journalism, nataljakondratjeva@yandex.ru
- Dmitry A. Krylov** Ph. D. (Pedagogy), Associate Professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Head of the Department of Theory and Methods of Technology and Professional Education, krilda@mail.ru
- Raisiya A. Kudryavtseva** Dr. Sci. (Philology), Full Professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Professor of the Department of Finno-Ugric and Comparative Philology, kudsebs@rambler.ru
- Irena Leliugiene** Dr. Sci. (Pedagogy), Full Professor, Institute of Educology and Social Work of the University named after Mykolas Romeris (Lithuanian Republic), irena.leliugiene@gmail.com
- Natalya S. Morova** Dr. Sci. (Pedagogy), Full Professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), morovans@gmail.com
- Shakira M. Mukhtarova** Dr. Sci. (Pedagogy), Full Professor, Karaganda State University named after Academician E.A. Buketov (Karaganda, Kazakhstan), Professor of the Department of Social Work and Social Pedagogy, shak.ira.53@mail.ru
- Albina F. Myshkina** Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov (Cheboksary, Russian Federation), Professor of the Department of Chuvash Philology and Culture, alb-myshkina@yandex.ru
- Anatoliy N. Rakin** Dr. Sci. (Philology), Institute of Language, Literature and History of Komi Scientific Center of RAS (Syktyvkar, Russian Federation), Senior Researcher of the Language Sector, anatolij.rakin@mail.ru
- Valeriy L. Sitnikov** Dr. Sci. (Psychology), Full Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation), sitnikov@mail.ru
- Natalya N. Starygina** Dr. Sci. (Philology), Full Professor, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation), starigina@yandex.ru
- Vera I. Toktarova** Dr. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), toktarova@yandex.ru
- Svetlana N. Fedorova** Dr. Sci. (Pedagogy), Full Professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation), Head of the Department for Methodology of Higher School, Professor of the Department of Preschool and Social Pedagogy, svetfed65@rambler.ru
- Ruslan Z. Khairullin** Dr. Sci. (Pedagogy), Full Professor, Russian New University (RosNOU) (Moscow, Russian Federation), Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, rhairullin@mail.ru
- Elmira R. Khairullina** Dr. Sci. (Pedagogy), Full Professor, Kazan National Research Technological University (Kazan, Russian Federation), Dean of the Faculty of Design and Software Engineering, elm.khair@list.ru
- Maria A. Yanioglo** Dr. Sci. (Pedagogy), Comrat State University (Republic of Moldova), Associate Professor of the Department of Pedagogy, mariayan11@mail.ru

Т. 15

№ 4

2021

ВЕСТНИК

МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

О С Н О В А Н В 2 0 0 7 Г О Д У

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....405

С. И. Кошкин

Педагогические аспекты использования военно-спортивных многоборий
в подготовке современной молодежи к службе в армии 405

Т. Н. Петрова, М. Н. Филимонова, И. В. Воробьева

Основные средства физического саморазвития студентов – будущих специалистов
в области физической культуры и спорта 411

В. И. Токтарова, Д. А. Семенова, Р. Н. Зарипов

Оценка эффективности проектной деятельности студентов
на основе цифрового следа 420

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....430

Е. Е. Демидова

Макроконцепт *власть* в аспекте мотивирующих признаков 430

Г. О. Ибраимова, А. А. Касимова

Концептуализация родства в русской лингвокультуре: мирское, сакральное
и десакрализованное (на примере макроконцепта *мать* и концепта *сын*) 438

В. В. Катермина, Н. Б. Шершнев

Профессиональные неонимации в англоязычном дискурсе 447

М. Д. Лагуткина, И. С. Карабулатова

Эвфемизмы в современном манипулятивном дискурсе СМИ 454

Е. Н. Петрова

Фронтальная лирика удмуртского поэта Ф. Г. Кедрова 464

Е. С. Степанова

Мифы о врачебных ошибках: лингвистические и аксиологические аспекты 471

<i>А. М. Туктамышова</i> Реализация языковой политики в Республике Татарстан: многоязычие и обучение языкам	477
<i>А. Ф. Уткина</i> К вопросу о функционировании союза <i>шуыса</i> в удмуртском языке.....	489
<i>М. Г. Юрченко</i> Актуализация понятийных признаков концепта <i>воспитатель</i> в словарях синонимов	495
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МАГИСТРАТУРЫ МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА	503
Филология в системе современного гуманитарного знания	503
Языковое образование в области русского языка и русской литературы.....	522
РЕЦЕНЗИЯ	533
<i>В. А. Поздеев</i> Рецензия на учебно-методическое пособие: Золотова Т. А., Плотникова Е. А., Ефимова Н. И. Традиции фольклора в отечественной культуре XX–XXI веков / Марийский гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2020. 155 с.	533

Vol. 15
No. 4
2021

VESTNIK

OF THE MARI STATE UNIVERSITY

P U B L I S H E D S I N C E 2 0 0 7

CONTENTS

PEDAGOGICS.....405

S. I. Koshkin

Pedagogical aspects of the use of military sports all-around
in the preparation of modern youth for military service..... 405

T. N. Petrova, M. N. Filimonova, I. V. Vorobyeva

The main means of physical self-development of students – future specialists
in the field of physical culture and sports..... 412

V. I. Toktarova, D. A. Semenova, R. N. Zaripov

Assessment of the effectiveness of students' project activities
based on a digital footprint 420

PHILOLOGY430

E. E. Demidova

Macroconcept *power* in the aspect of motivating signs 430

G. O. Ibraimova, A. A. Kasymova

Conceptualization of kinship in Russian linguoculture: mundane, sacred
and desacralized (on the example of the macroconcept *mother* and the concept *son*)..... 438

V. V. Katermina, N. B. Shershneva

Professional neonominations in English discourse 447

M. D. Lagutkina, I. S. Karabulatova

Euphemisms in modern manipulative media discourse 454

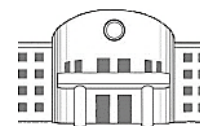
E. N. Petrova

Front-line lyrical poetry of the Udmurt poet F. G. Kedrov 464

E. S. Stepanova

Myths about medical errors: linguistic and axiological aspects 471

<i>A. M. Tuktamyshova</i> Language policy implementation in Tatarstan: multilingualism and language education	477
<i>A. F. Utkina</i> On the issue of functioning of conjunction <i>shuysa</i> in the Udmurt language.....	489
<i>M. G. Iurchenko</i> Actualization of conceptual signs of the educator concept in the dictionaries of synonyms	495
THE MAIN MASTER'S DEGREE PROGRAMS OF THE MARI STATE UNIVERSITY	503
Philology in the system of modern humanitarian knowledge	503
Language education in the field of russian language and russian literature.....	522
REVIEWS	533
<i>V. A. Pozdeyev</i> Review of the teaching aid: Zolotova T. A., Plotnikova E. A., Efimova N. I. Folklore traditions in the Russian culture of the XX–XXI centuries Mari State University, Yoshkar-Ola, 2020, 155 p.	533

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICS

УДК 796.0–93.61/62 + 355.233.11

DOI 10.30914/2072-6783-2021-15-4-405-410

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЕННО-СПОРТИВНЫХ МНОГОБОРИЙ В ПОДГОТОВКЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ К СЛУЖБЕ В АРМИИ

С. И. Кошкин

Шуйский филиал Ивановского государственного университета, г. Шуя, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье раскрыты педагогические аспекты использования военно-спортивных многоборий в системе физического воспитания в общеобразовательных и профессиональных образовательных организациях, подготовке молодежи к службе в армии. **Цель данной статьи:** обобщение теоретических исследований и опыта практической работы по внедрению спортивных многоборий в практику патриотического воспитания и физической подготовки юношей к службе в рядах вооруженных сил Российской Федерации. **Материалы и методы.** Ведущим методом исследования заявленной темы является метод анализа и моделирования, позволяющие рассмотреть данную проблему как целенаправленный и организованный процесс по совершенствованию методики подготовки современной молодежи к службе в армии, развитию физических и моральных качеств. **Результатом** исследования стал анализ педагогических аспектов методики использования военно-спортивных многоборий в системе подготовки обучающихся допризывного возраста к службе в армии. **Обсуждение** подтвердило значимость: практикоориентированных исследований, систематизации работы по внедрению инновационных педагогических подходов использования военно-спортивных многоборий в практике физического воспитания, способствующей эффективной подготовке юношей к службе в армии. **Заключение.** Обобщен практический опыт использования военно-спортивных многоборий в системе физической подготовки и патриотического воспитания юношей, формирования мотивированной готовности к службе в армии. Данная статья полезна для педагогов по физической культуре, заместителей руководителей по воспитательной работе, сотрудников военных комиссариатов, занимающихся вопросами физического развития, патриотического воспитания и мотивированной готовности молодежи к службе в рядах вооруженных сил.

Ключевые слова: военно-спортивные многоборья, физическое воспитание, патриотическое воспитание, военно-профессиональные знания, военно-спортивные мероприятия, служба в рядах вооруженных сил Российской Федерации

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кошкин С. И. Педагогические аспекты использования военно-спортивных многоборий в подготовке современной молодежи к службе в армии // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 4. С. 405–410. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-405-410>

PEDAGOGICAL ASPECTS OF THE USE OF MILITARY SPORTS ALL-AROUND IN THE PREPARATION OF MODERN YOUTH FOR MILITARY SERVICE

S. I. Koshkin

Shuya Branch of Ivanovo State University, Shuya, Russian Federation

Annotation. Introduction. The article discloses pedagogical aspects of the use of military sports all-around in the system of physical education in general and professional educational organizations, the preparation of young people for military service. **The purpose of this article** is to summarize theoretical studies and practical experience

on the introduction of sports all-around in the practice of patriotic education and physical training of young men for service in the armed forces of the Russian Federation. **Materials and methods.** The leading research method of the stated topic is the method of analysis and modeling, which allows us to consider this problem as a focused and organized process to improve the methodology for preparing modern youth for military service, the development of physical and moral qualities. **The result of the study** was the analysis of the pedagogical aspects of the methodology for using military sports all-around in the system of training students of preconscription age for military service. **The discussion** confirmed the importance of practice-oriented research, systematization of work on the introduction of innovative pedagogical approaches to the use of military sports all-around in the practice of physical education, which contributes to the effective preparation of young men for military service. **Conclusion.** The practical experience of using military sports all-around in the system of physical training and patriotic education of young men, formation of motivated readiness for service in the army is summarized. This article is useful for teachers of physical education, deputy leaders for educational work, employees of military commissariats dealing with issues of physical development, patriotic education and motivated readiness of young people to serve in the armed forces.

Keywords: military sports all-around, physical education, patriotic education, military-professional knowledge, military sports events, service in the armed forces of the Russian Federation

The author declares no conflict of interests.

For citation: Koshkin S. I. Pedagogical aspects of the use of military sports all-around in the preparation of modern youth for military service. *Vestnik of the Mari State University*. 2021, vol. 15, no. 4, pp. 405–410. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-405-410>

Введение

Социально-политические процессы, происходящие в мировом сообществе, приводят к выводам о том, что современной России необходима сильная армия, способная отразить любой удар. Вооруженные силы Российской Федерации в ходе реформирования в период 2008–2020 гг. повысили боеготовность: на вооружении стоит новая техника, требующая высокой квалификации офицерского состава, военно-политической и общевоинской подготовки рядовых. В Конституции Российской Федерации в статье 59 записано: «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации» [2]. Следовательно, каждый гражданин мужского пола обязан пройти срочную службу или службу по контракту. Министр обороны России С. К. Шойгу в интервью газете «Московский комсомолец» сказал следующее: «Срочная служба, или служба по призыву, – одна из эффективных форм военной подготовки граждан, освоения ими военной специальности прямо в войсках» [9].

В настоящее время актуальными являются вопросы подготовки молодежи к службе в армии, которые рассматриваются на всех уровнях: от Министерства обороны Российской Федерации до общеобразовательной организации. Сегодня остро встает вопрос о повышении качества подготовки допризывной молодежи к срочной службе в вооруженных силах Российской Федерации с учетом

требований к уровню готовности будущего призывника. Это предполагает, что призывник должен иметь необходимый уровень физической, мотивационной, нравственно-патриотической, психологической готовности, эффективно выполнять служебные обязанности, преодолевать возникающие трудности и препятствия. Все эти навыки современный призывник получает в ходе обучения в общеобразовательных организациях и профессиональных образовательных организациях, которые должны своевременно внедрять эффективные инновационные методики и технологии физической и патриотической подготовки молодежи к службе в армии.

Новизна исследования заключается в том, что впервые проводился педагогический эксперимент использования военно-спортивных многоборий в учебном процессе и одновременно во внеучебной работе в общеобразовательных и средних профессиональных образовательных организациях как средство патриотического воспитания и повышения физической подготовленности молодых людей к службе в вооруженных силах Российской Федерации.

Обзор литературы

В отечественной педагогике большое внимание уделяется вопросам патриотического воспитания молодежи на примерах подвигов героев России, их физической и духовной готовности. В работах Г. Н. Караева описывается богатый исторический

опыт генералиссимуса А. В. Суворова, который своим примером побуждал солдат русской армии к подвигу во имя Отечества [6]. А. В. Суворовым была разработана система обучения и воспитания войск, важное место в которой занимала систематическая физическая подготовка. В трудах другого известного российского общественного деятеля, врача и педагога П. Ф. Лесгафта большое внимание уделяется физическому совершенствованию, оздоровлению и воспитанию активного гражданина-патриота, начиная со школьной скамьи [5].

В истории Советского Союза следует обратить внимание на развитие с 1931 года системы ГТО («Готов к труду и обороне»), благодаря которой к обязательным занятиям физической культурой и сдачей нормативов привлекались все учащиеся школ, профессионально-технических и высших учебных заведений. В 2014 году Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал указ о возрождении системы ГТО [3]. В обновленной системе ГТО предусматривается сдача спортивных нормативов с шести лет и до зрелого возраста по одиннадцати возрастным группам. Школе отводится особая роль в физической подготовке обучающихся, развитию у них потребности в физическом и духовном совершенствовании, здоровом образе жизни.

В работах отечественных исследователей М. М. Бака, С. Н. Зуева, П. Д. Лукашова освещаются актуальные методики физического воспитания допризывной молодежи. И. Я. Аксеновой, В. Г. Ждановым, Н. Я. Мироновым, Н. И. Хромовым описаны дидактические подходы к реализации задач начальной военной подготовки и педагогические аспекты использования технологий военно-спортивного воспитания.

К опыту возрождения военно-спортивных многоборий в системе допризывной подготовки обучающейся молодежи обращаются такие иссле-

дователи, как Н. Ю. Кнител, Н. И. Кутепов, Л. Г. Чернышова, В. Г. Швецов, С. Б. Элипханов и другие. Физическая подготовка в допризывном возрасте должна обладать широтой и прикладностью по своей направленности, в связи с чем в этом возрасте необходимо развивать специальные физические качества и формировать жизненно важные двигательные навыки до уровня, соответствующего нормативным требованиям по физической подготовке, установленным для военнослужащих первого года службы [10].

Исследования П. Г. Виноградова, Е. В. Воробьевой, Н. Н. Гарипова, В. И. Жолдак, А. В. Куршева, И. А. Зенукова, Ю. В. Сысоева и др. свидетельствуют, что повышение эффективности допризывной подготовки учащихся старших классов в ходе физического воспитания в школе будет способствовать целенаправленному формированию готовности к службе в армии юношей допризывного возраста [8]. Однако целостная модель формирования готовности к службе в армии в процессе физического воспитания находится в стадии разработки и концептуальные положения рассматриваются разными педагогическими школами без конкретизации общей концепции.

Обсуждение результатов

Опираясь на теоретические исследования, мы определили основные педагогические аспекты внедрения спортивных многоборий в систему физического воспитания в общеобразовательных и профессиональных образовательных организациях, подготовку молодежи к службе в армии.

На начальном этапе внедрения технологии использования военно-спортивных многоборий в практику физического воспитания мы изучили мнение 300 молодых людей в возрасте 16–18 лет о значении видов физической подготовки к успешному прохождению службы в армии.

Виды подготовки к воинской службе в армии

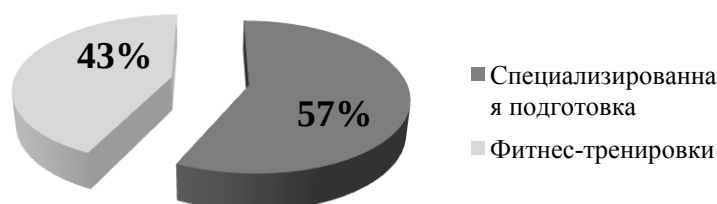

Рис. Значение видов физической подготовки к успешному прохождению службы в армии / Fig. The importance of types of physical training for successful military service

По результатам исследования выяснилось, что 57 % респондентов считают специализированную физическую подготовку необходимым элементом системы физического воспитания; 43 % высказались за преимущества фитнес-тренировок. Анализируя анкетный опрос, мы пришли к выводу, что средства физической подготовки обладают широчайшими возможностями воспитательного воздействия на формирование положительного отношения к службе в рядах вооруженных сил Российской Федерации. Необходимо формировать у современной молодежи компетенции по использованию средств физической подготовки, поскольку они выступают в виде потребностей, которые стимулируют все направления военно-патриотического воспитания.

Не отрицая значимости мнений, мы склонны утверждать, что фитнес-направление – это долг современной моде.

При организации экспериментальной работы мы определили опору на следующие педагогические аспекты подготовки молодежи:

1. Патриотическое воспитание, предполагающее развитие моральных качеств, готовности к преодолению тягот военной службы, жизни по уставу, идейной убежденности и преданности идеалам России;

2. Общую физическую подготовку, способствующую развитию силы, выносливости, ловкости, быстроты, координации, доведению до автоматизма действий, которые являются составной частью различных видов упражнений военно-спортивных многоборий:

3. Освоение элементов военно-спортивных многоборий, формирующих умения в преодолении препятствий, упражнения с элементами риска, способствующие преодолению страха, развитию самообладания, желанию стать сильнее, мужественнее.

С целью формирования объективного подхода к дальнейшим представлениям о физической подготовке, мы провели цикл бесед о значимости физической готовности для решения боевых задач современного солдата, о роли военно-спортивных многоборий как прикладных видов спорта в развитии физических навыков допризывников; организовали «вечерний кинозал», в котором демонстрировались фильмы патриотического содержания («Сталинград», «В бой идут одни старики», «Крым», «Два бойца», эпопея «Освобождение», «Легенда № 17», «Брестская

крепость») с последующим обсуждением просмотренного.

Развивая интерес молодых людей к спортивным многоборьям, включили элементы троеборья и пятиборья (метание гранаты, преодоление полосы препятствий, стрельба, плавание, кросс, гимнастика) в систему занятий физической культурой. Значимым условием являлось использование специальных комплексов физических упражнений для отработки навыков, необходимых в преодолении полосы препятствий, метании гранаты, гимнастики.

Для желающих проводить самостоятельные физические тренировки определили во второй половине дня (во внеучебное время) возможность пользования спортивными и тренажерными залами. Были разработаны индивидуальные системы тренировок в зависимости от физических возможностей и показателей здоровья молодых людей. Учитывая возросший интерес юношей, активизировали работу по проведению соревнований по военно-прикладным видам спорта, создавая ситуации для демонстрации решительности, смелости, готовности преодолевать препятствия, проявления морально-волевых качеств. Лучшие спортсмены награждались дипломами, почетными грамотами, кубками и медалями, их фотографии размещались на спортивных стендах образовательных организаций, что повышало интерес к военно-спортивным многоборьям и системе патриотического воспитания.

Использование инновационных педагогических технологий в военно-патриотическом воспитании позволило обновить систему физической подготовки в экспериментальных группах, развивать физические качества, военно-прикладные навыки, социальную активность и ответственность перед Отечеством за готовность к воинской службе.

По окончании первого года внедрения инновационной модели физической подготовки стали отслеживать результаты юношей, занимающихся по нашей методике. Как показала практика, в экспериментальных группах результаты физической готовности превышали средние показатели контрольных групп (занимающихся по стандартным методикам физической культуры) на 27 процентов.

При сдаче норм ГТО экспериментальные группы продемонстрировали следующие результаты: из 75 юношей 42 получили золотые и серебряные

значки в возрастной группе V ступени (16–17 лет); из 57 юношей возрастной группы VI ступени (18–29 лет) по результатам испытаний 34 человека были вручены золотые и серебряные значки ГТО.

В ходе реализации предложенной нами модели физической подготовки с использованием военно-спортивных многоборий у юношей экспериментальных групп общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций было сформировано чувство патриотизма, осознание значения физической подготовки в военно-профессиональном становлении защитника России; качественно улучшились показатели физического развития, что было продемонстрировано при сдаче норм ГТО, развились такие личностные качества, как воля к победе, уверен-

ность в своих силах, самоуважение, уважение воинских и спортивных традиций, готовность к воинской службе в рядах вооруженных сил Российской армии.

Заключение

Проведенное исследование успешно демонстрирует, что систематизированная работа по внедрению инновационных педагогических подходов использования военно-спортивных многоборий в практике физического воспитания способствует подготовке современной молодежи к службе в армии. Следует отметить у обучающихся экспериментальных групп развитие патриотизма, военно-профессиональных знаний, личностных качеств, необходимых для дальнейшего прохождения срочной воинской службы.

1. Братановский С.Н. Концептуальные подходы к разработке федеральных программ развития физической культуры и спорта // Теория и практика физической культуры. 2021. № 7. С. 107–109. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46340312> (дата обращения: 07.11.2021).

2. Гильмутдинов Т. С., Уваров В. А., Гильмутдинов Р. Т. Разработка структуры и содержания спортивной части – основной фактор реализации внедрения ВФС ГТО и развития массового спорта среди студенческой молодежи в Российской Федерации // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 3 (23). С. 5–14. URL: <http://vestnik.marsu.ru/view/journal/article.html?id=1219> (дата обращения: 09.11.2021).

3. Иванова Д. В., Константинова В. В. Организационно-педагогические условия гражданско-патриотического воспитания студентов вуза // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13. № 3. С. 344–351. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2019-13-3-344-351>

4. Коробейникова Е. И., Демьяненко С. Ю. Физическое воспитание учащихся // Наука-2020. 2019. № 6 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskoe-vozpitanie-uchaschihsya> (дата обращения: 10.11.2021).

5. Лесгафт П. Ф. Педагогика. Избранные труды. М. : Юрайт, 2019. 374 с.

6. Матвеев В. С., Лучинина И. Г., Романов Д.А. Эффективность физического воспитания студентов // Ученые записки университета Лесгафта. 2015. № 11 (129). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-fizicheskogo-vozpitaniya-studentov> (дата обращения: 10.11.2021).

7. Райзих А. А., Петров П. К. Моделирование физического воспитания юношей допризывного возраста в условиях внедрения всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «ГТО» // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2016. Т. 26. № 4. С. 134–139. URL: <https://journals.udsu.ru/philosophy-psychology-pedagogy/article/view/2706/2660> (дата обращения: 13.11.2021).

8. Рябиков А. А. Методы в физическом воспитании // Обучение и воспитание: методики и практика. 2015. № 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-v-fizicheskome-vozpitanii> (дата обращения: 10.11.2021).

9. Урокова С. Б. Взаимосвязь физического воспитания с нравственным воспитанием // Проблемы педагогики. 2021. № 1 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-fizicheskogo-vozpitaniya-s-nravstvennym-vozpitaniem> (дата обращения: 10.11.2021).

10. Яковлева В. Н. Физическое воспитание и физическая подготовленность студенческой молодежи // Science Time. 2014. № 9 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskoe-vozpitanie-i-fizicheskaya-podgotovlennost-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения: 10.11.2021).

Статья поступила в редакцию 15.11.2021 г.; одобрена после рецензирования 06.12.2021 г.; принята к публикации 10.12.2021 г.

Об авторе

Кошкин Станислав Иванович

аспирант, Шуйский филиал Ивановского государственного университета (155908, Российская Федерация, г. Шуя, Кооперативная ул., д. 24), solnishko_57@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Bratanovsky S. N. Kontseptual'nye podkhody k razrabotke federal'nykh programm razvitiya fizicheskoi kul'tury i sporta [Federal physical education and sports development programs: conceptual basics]. *Teoriya i Praktika Fizicheskoi Kul'tury* = Theory and Practice of Physical Culture, 2021, no. 7, pp. 107–109. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46340312> (accessed 07.11.2021). (In Russ.).
2. Gilmudinov T. S., Uvarov V. A., Gilmudinov R. T. Razrabotka struktury i sodержaniya sportivnoi chasti – osnovnoi faktor realizatsii vnedreniya VFSK GTO i razvitiya massovogo sporta sredi studencheskoi molodezhi v Rossiiskoi Federatsii [Elaboration of structure and content of sport exercises as a major factor for realization of the all-Russian Sport Complex “Ready for Labour and Defence” (GTO Complex) and the development of mass sports among students in Russia]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2016, no. 3 (23), pp. 5–14. Available at: <http://vestnik.marsu.ru/view/journal/article.html?id=1219> (accessed 09.11.2021). (In Russ.).
3. Ivanova D. V., Konstantinova V. V. Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya grazhdansko-patrioticheskogo vospitaniya studentov vuza [Organizational and pedagogical conditions of civil and patriotic education of university students]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2019, vol. 13, no. 3, pp. 344–351. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2019-13-3-344-351>
4. Korobeinikova E. I., Demyanenko S. Y. Fizicheskoe vospitanie uchashchikhsya [Physical education of students]. *Nauka-2020* = Science-2020, 2019, no. 6 (31). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskoe-vospitanie-uchashchikhsya> (accessed 10.11.2021). (In Russ.).
5. Lesgaft P. F. Pedagogika. Izbrannye trudy [Pedagogy. Selected Works]. M., Yurayt Publ., 2019. 374 p. (In Russ.).
6. Matveev V. S., Luchina I. G., Romanov D. A. Effektivnost' fizicheskogo vospitaniya studentov [Students' physical education efficiency]. *Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta* = Uchenye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta, 2015, no. 11 (129). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-fizicheskogo-vospitaniya-studentov> (accessed 10.11.2021). (In Russ.).
7. Rayzikh A. A., Petrov P. K. Modelirovanie fizicheskogo vospitaniya yunoshei dopriyvnogo vozrasta v usloviyakh vnedreniya vserossiiskogo fizkul'turno-sportivnogo kompleksa “GTO” [Modeling of physical education of youths of preconscription age under conditions of implementation of the All-Russian sports complex “Ready for Labor and Defense (GTO)”]. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta, seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* = Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2016, vol. 26, no. 4, pp. 134–139. Available at: <https://journals.udsu.ru/philosophy-psychology-pedagogy/article/view/2706/2660> (accessed 13.11.2021). (In Russ.).
8. Ryabikov A. A. Metody v fizicheskom vospitanii [Methods in physical education]. *Obuchenie i vospitanie: metodiki i praktika* = Teaching and Education: Methods and Practice, 2015, no. 22. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-v-fizicheskom-vospitanii> (accessed 10.11.2021). (In Russ.).
9. Uroкова S. B. Vzaimosvyaz' fizicheskogo vospitaniya s nraivstvennym vospitaniem [The relationship of physical education with moral education]. *Problemy pedagogiki* = Problems of Pedagogy, 2021, no. 1 (52). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-fizicheskogo-vospitaniya-s-nravstvennym-vospitaniem> (accessed 10.11.2021). (In Russ.).
10. Yakovleva V. N. Fizicheskoe vospitanie i fizicheskaya podgotovlennost' studencheskoi molodezhi [Physical education and physical fitness of student youth]. *Science Time*, 2014, no. 9 (9). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskoe-vospitanie-i-fizicheskaya-podgotovlennost-studencheskoy-molodezhi> (accessed 10.11.2021). (In Russ.).

The article was submitted 15.11.2021; approved after reviewing 06.12.2021; accepted for publication 10.12.2021.

About the author

Stanislav I. Koshkin

Postgraduate student, Shuya Branch of Ivanovo State University (24 Cooperative St., Shuya 155908, Russian Federation), solnishko_57@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 796.01.3(057.87)

DOI 10.30914/2072-6783-2021-15-4-411-419

ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА ФИЗИЧЕСКОГО САМОРАЗВИТИЯ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Т. Н. Петрова¹, М. Н. Филимонова², И. В. Воробьева³

¹Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

²Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта,
с. Чурапча, Российская Федерация

³Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье авторами представлены основные средства физического саморазвития студентов – будущих специалистов физической культуры и спорта (ФКиС) средствами вузовской спортивно ориентированной среды. **Целью** данной статьи является раскрытие проблемы физического саморазвития студентов – будущих специалистов ФКиС в условиях мотивирующей спортивно ориентированной среды вуза, стимулирующей рост количественных и качественных показателей спортивной подготовленности и определение основных средств физического саморазвития студентов – будущих специалистов в области физической культуры и спорта. **В методологическую основу** данного исследования легли ведущие положения и психолого-педагогические идеи, раскрывающие стратегические ориентиры самостоятельной деятельности и самоорганизации обучающихся по физическому саморазвитию, мониторинги самообследования и самодиагностики и другое. **В основу исследования положены следующие принципы:** развитие учебно-профессиональной мотивации студентов; направленность на физическое саморазвитие и самосовершенствование; ориентация на самостоятельный выбор студентом в рамках будущей профессиональной деятельности определенного вида спорта; использование активных форм и методов физического саморазвития. **Основными методами** данного исследования в контексте заявленной проблемы явились теоретические (традиционное изучение и философско-герменевтический анализ научно-педагогических трудов, обобщение опыта педагогической деятельности вузов России по данному направлению) и практические методы (сравнение и сопоставление, обобщение, моделирование; методы эмпирического исследования: наблюдение, структурное описание процесса физического саморазвития, социальная диагностика, анкетирование, тестирование, изучение результатов деятельности, тесты), методы математической обработки. **Научная новизна** исследования: на основе анализа теории и практики физического воспитания раскрыта проблема физического саморазвития и самосовершенствования учащейся молодежи в условиях непрерывного профессионального образования; определены основные средства физического саморазвития студентов – будущих специалистов в области физической культуры и спорта. **Результаты исследования, обсуждения.** По мнению авторов, для эффективного физического саморазвития студентов – будущих специалистов для сферы ФКиС необходимо, с одной стороны, организовать вузовскую спортивно ориентированную развивающую среду, а с другой стороны, актуализацию и внедрение в учебно-воспитательный процесс вуза воспитательно-образовательный потенциал физического саморазвития и этнопедагогического содержания народной педагогики. **В заключение** авторами делаются выводы о том, что основными универсальными средствами физического саморазвития студентов являются: 1) организация вузовской спортивно ориентированной среды; 2) вовлечение каждого студента в сферу этнической физической культуры, т.е. этносport, что является фактором формирования его социально-этической и физической духовно-нравственной базы и способствует самосовершенствованию и самореализации в будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: физическое воспитание, ресурсы и средства физического саморазвития, здоровый образ жизни, этносport, вузовская спортивно ориентированная среда

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Петрова Т. Н., Филимонова М. Н., Воробьева И. В. Основные средства физического саморазвития студентов – будущих специалистов в области физической культуры и спорта // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 4. С. 411–419. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-411-419>

THE MAIN MEANS OF PHYSICAL SELF-DEVELOPMENT OF STUDENTS – FUTURE SPECIALISTS
IN THE FIELD OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTST. N. Petrova¹, M. N. Filimonova², I. V. Vorobyeva³¹Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation²Churapcha State Institute of Physical Culture and Sports, Churapcha village, Russian Federation³Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev, Cheboksary, Russian Federation

Abstract. Introduction. In the article, the authors present the main means of physical self-development of students – future specialists in physical culture and sports by means of a university sports-oriented environment. **The purpose of this article** is to reveal the problem of physical self-development of students – future specialists in physical culture and sports in a motivating sports-oriented environment of the university, stimulating the growth of quantitative and qualitative indicators of sports readiness and to determine the main means of physical self-development of students – future specialists in the field of physical culture and sports. **The methodological basis** of this study was formed by the leading provisions and psychological and pedagogical ideas that reveal strategic guidelines for independent activity and self-organization of students in physical self-development, monitoring of self-examination and self-diagnosis, etc. The research is based on the following principles: the development of educational and professional motivation of students; focus on physical self-development and self-improvement; orientation towards the student's independent choice within the framework of future professional activity of a certain sport; the use of active forms and methods of physical self-development. **The main methods** of this research in the context of the stated problem were theoretical (traditional study and analysis of scientific and pedagogical works, generalization of the experience of pedagogical activity of Russian universities in this area), and practical methods (comparison and comparison, generalization, modeling; methods of empirical research: observation, conversation, interviewing, questioning, testing, examination, study of the results of activities, pedagogical experiment; questionnaires, observations, tests), methods of mathematical processing (Pearson and Fisher criterion). **Research results, discussions.** The authors of the article conclude that for the effective physical self-development of students – future specialists in the field of physical culture and sports, it is necessary, on the one hand, to organize a university sports-oriented developing environment, and on the other hand, to actualize and introduce into the educational process of the university the educational potential of physical self-development and ethnopedagogical content of folk pedagogy. **Conclusion.** The authors conclude that the main universal means of physical self-development of students are: 1) organization of a university sports-oriented environment; 2) involvement of each student in the field of ethnic physical culture, i.e. ethnosport, which is a factor in the formation of his socio-ethical and physical spiritual and moral base and promotes self-improvement and physical self-development in future professional activities.

Keywords: physical education, means of physical self-development, healthy lifestyle, socio-pedagogical aspect of personal self-development, ethnosport, university sports-oriented environment

The authors declare no conflict of interests.

For citation: Petrova T. N., Filimonova M. N., Vorobyeva I. V. The main means of physical self-development of students – future specialists in the field of physical culture and sports. *Vestnik of the Mari State University*. 2021, vol. 15, no. 4, pp. 411–419. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-411-419>

Введение

Физическая культура и спорт как «...неотъемлемая составная часть нематериального культурного наследия человечества и факт культурного разнообразия призвана нести ответственность за их сохранение перед нынешним и будущими поколениями народов в составе Российской Федерации... Студенческий спорт сегодня – это мощный социальный и политический компонент всестороннего развития молодежи Российской Федерации» [6]. В связи с этим проблема физического саморазвития и самосовершенствования

учащейся молодежи в условиях непрерывного профессионального образования уже в течение многих лет остается актуальной и востребованной для всего мира. Мы считаем, что одним из условий решения этой проблемы является непрерывное профессиональное образование, которое рассматривается нами как символ качества подготовки высокопрофессиональных специалистов сферы физической культуры и спорта. Отечественные и зарубежные средства массовой информации активно пропагандируют здоровый образ жизни (ЗОЖ) в целях самосохранения

и формирования здорового генотипа нации. Это обязывает молодежь к самостоятельным занятиям спортом и физической культурой. На передний план в организации образовательного процесса в высших учебных заведениях выходит первейшая задача организации саморазвития и самосовершенствования личности учащейся молодежи через целенаправленное самостоятельное профессиональное самообразование и выбор здоровьесберегающих технологий для поддержания ЗОЖ с учетом физиологических особенностей организма каждого.

Организация и результаты исследования

Сложность проблемы физического саморазвития современной молодежи определяется тем, что многочасовые физически пассивные положения использования гаджетов и смартфонов (в т.ч. девайсов) ограничивают возможности физического движения и активно развивают гиподинамию, что в свою очередь способствует деградации организма и развитию всевозможных болезней, ухудшению здоровья. В качестве положительного фактора мотивированного стремления к физическому саморазвитию следует признать выбор форм, методов и средств реализации своих физических возможностей и способностей, саморазвития и самопроявления студентов в разных видах физкультурно-спортивной деятельности.

Исследование проведено на базе ФГБОУ ВО «Чурапчинский ГИФКиС», т.е. Чурапчинского государственного института физической культуры и спорта (Саха-Якутия), который представляет собой современное сельское образовательное учреждение и развивается по инновационной модели управления, обеспечивающей преемственность традиционной физической культуры и культивирование этноспорта на основе комплексного осмысления антропологических наук, направленное на развитие массового спортивно-физкультурного движения. В институте создан непрерывный цикл подготовки будущих специалистов сферы ФКиС, спортсменов и тренеров. Свою главную задачу институт видит «...в подготовке квалифицированных компетентных специалистов в области физкультуры и спорта (ФКиС), умело сочетая передовые инновационные технологии обучения с национальными культурными традициями народов и народностей, населяющих северные регионы России. Именно здесь, в суровых условиях севера, как

нигде важны стойкость, выносливость, ловкость, сила тела и духа»¹.

В рамках формирования целостного естественнонаучного мировоззрения и формирования общей и профессиональной культуры будущего специалиста в сфере ФКиС в вузе осуществляется разностороннее самообразование и физическое саморазвитие студентов. Он должен понимать необходимость внесения инновационных форм и методов физкультурно-спортивного образования подрастающего поколения, критически осмыслить существенные проблемы оздоровления молодежи и иметь целостное представление об основных задачах будущей профессиональной деятельности. Это возможно лишь на основе обобщения и анализа современной теории и практики физической культуры и спорта, осознания специфики физического воспитания и образования, физического саморазвития личности на разных ступенях и уровнях подготовки.

Признавая приоритетность физического воспитания, его воздействия на общие процессы формирования личности и овладения специальными знаниями и навыками, наши педагоги начинают работу с использования средств закаливания, физических упражнений (естественных и специально подобранных движений, гимнастических и легкоатлетических комплексов) в неформальной сельской среде, обеспечивающих физическое саморазвитие, двигательную активность и укрепление защитных функций в естественных природно-климатических условиях Севера. Физическое саморазвитие личности студента – это объективный, сознательный и длительный процесс самосовершенствования, приращение количественных и качественных изменений организма. Весьма важно особо отметить, что физическое саморазвитие как неотъемлемая часть развития личности в целом предполагает формирование и развитие у обучающихся системы знаний о физиологических особенностях своего организма и выработку на этой основе умений и навыков для успешного решения ими проблем самосохранения и здоровьесбережения. Ученые-специалисты

¹ Устав Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта»: принят 07.12.2015 г. № 1127 // Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта: офиц. сайт. 2021. URL: [https:// www.chgifkis.ru/upload/iblock/7bb/7bb910f3c1ae785510f277a693795d91.pdf](https://www.chgifkis.ru/upload/iblock/7bb/7bb910f3c1ae785510f277a693795d91.pdf) (дата обращения: 21.10.2021).

в своих трудах отмечают, что системные организованные занятия физической культурой и спортом благоприятствуют развитию силы, выносливости, повышают самооценку личности спортсмена как фактора готовности к соревновательной деятельности, физическому здоровью и самочувствию, кровоснабжению мозга и тому подобное¹ [5; 6].

Обсуждение практики

Специфика физического саморазвития студентов – будущих специалистов сферы ФКиС заключается в том, что здоровая физическая форма повышает самооценку и самоуверенность личности. Занятия физкультурно-оздоровительной деятельностью становится осознанной естественной потребностью. Это значит, что личностное и профессиональное саморазвитие становится важнейшим средством самосовершенствования в области физкультуры и спорта.

В вузе созданы все условия для физического саморазвития студентов – будущих специалистов ФКиС. С целью выявления организационно-педагогических условий эффективности физического саморазвития личности студента нашего института нами проведена экспертная оценка основных ресурсов, форм и средств, которыми обладает наше учебное заведение. Работу со студентами первого курса мы начинаем с ознакомления их со всей вузовской средой, системой разработанных ресурсов здоровьесбережения, в том числе и народнопедагогических, со спецификой деятельности спортивно-оздоровительной работы вуза в свободное от занятий время, средствами приращения показателей спортивно-физической подготовленности и так далее. Исследование показало, что наиболее эффективным средством физического саморазвития обучающихся является вузовская спортивноориентированная среда, которая рассматривается нами как социально-педагогический конструкт и эффективное условие в физическом саморазвитии обучающихся, формирующее особые ментальности здоровьесбережения, субъективную позицию и активный характер личностного физического саморазвития, формирует общую картину мира и обеспечивает индивидуальные достижения в спорте.

Основная миссия института – «обеспечить качественное, доступное, эффективное и современное образование через развитие научных и образовательных технологий с целью подготовки конкурентоспособных специалистов, научных и научно-педагогических кадров новой формации, способных к практической реализации полученных знаний в спорте, науке, производстве во благо развития Республики и России»².

«Целевой ориентир института – современный научно-спортивно-образовательный комплекс с развитой высокотехнологичной инфраструктурой, реализующий многоуровневую систему непрерывного профессионального образования в соответствии с запросами региона», – предусматривает интеграцию многоуровневого образования непрерывной профессиональной подготовки, обеспечивающая единую систему «школа – СПО – ВУЗ» Она «признана наиболее эффективной с точки зрения ее способности гибко реагировать на изменения современного рынка труда, соответствовать образовательным запросам и потребностям личности, предусматривать возможности ресурсной экономии» [3].

В этих целях используются самые современные и передовые спортивно ориентированные ресурсы. Во-первых, институт оснащен богатой спортивной материально-технической базой. Имеется открытый стадион с беговой дорожкой 400 метров по кругу, футбольной, баскетбольной, волейбольной площадками, уличными тренажерами ВСФК ГТО. Универсальный спортивный тир, который является единственным на Дальнем Востоке по оснащенности, где систематично проводятся тренировки по пулевой стрельбе. Также в институте проводятся тренировки по вольной борьбе, боксу, легкой атлетике, стрельбе из лука, по национальным видам спорта: мас-рестлингу, национальной борьбе «хапсагай», национальным прыжкам, северному многоборью. Главная задача тренерско-преподавательского состава вуза – сформировать здоровую в духовном и физическом планах личность [2]. Преподавателями и спортивными тренерами

¹ Педагогика физической культуры : учеб. для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по направлению «Физ. культура» : рек. Учеб.-метод. объединением по образованию / под ред. С. Д. Неверковича. 3-е изд., стер. М. : Academia, 2014. 362 с.

² Устав Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта»: принят 07.12.2015 № 1127 // Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта: офиц. сайт. 2021. URL: <https://www.chgifkis.ru/upload/iblock/7bb/7bb910f3c-1ae785510f277a693795d91.pdf> (дата обращения: 21.10.2021).

в институте в основном работают выпускники этого же вуза, преданные делу спорта, достигшие в науке, образовании, спорте значительных показателей и спортивных высот.

Одним их наиболее значимых средств спортивно ориентированной вузовской среды, обуславливающих индивидуализацию физического саморазвития студентов, следует выделить большой тренажерный зал, где студенты имеют свободный доступ для целевых занятий по самым популярным видам спорта: кроссфиту, бодибилдингу, пауэрлифтингу и таму подобное. Надо особо отметить, что в соответствии с приказом Министерства спорта Российской Федерации ФГБОУ ВО «Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта» признан федеральной экспериментальной (инновационной) площадкой по реализации проекта: «Комплексное обеспечение подготовки спортивного резерва по виду спорта «мас-рестлинг».

С 2015 года в вузе функционирует непрерывная система спортивной учебы по подготовке резерва сборных команд «школа олимпийского резерва – училище олимпийского резерва – региональный центр спортивной подготовки», также Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов труду и обороне».

В сетевую структуру спортивно ориентированной среды вуза входит специально организованное учреждение «Региональный центр спортивной подготовки», который проводит успешную результативную работу по физическому саморазвитию и профессиональной подготовке спортсменов. В этом учреждении созданы все условия для специального физического саморазвития по базовым видам спорта: вольной борьбе, боксу, стрельбе из лука, пулевой стрельбе. «Основной целью деятельности учреждения является:

- организация и обеспечение стабильных условий многолетней круглогодичной специализированной централизованной подготовки спортсменов высокой квалификации и спортивного резерва, их выступлений в составе спортивных сборных команд Республики Саха (Якутия) и Российской Федерации;

- совершенствование и развитие системы спортивной ориентации и отбора к специализированной подготовке для увеличения количества спортивного резерва, способного достичь высоких спортивных результатов в составе сборных команд на всероссийских и международных спор-

тивных соревнованиях»¹. Студенты института, которые занимаются спортом на высоком уровне, параллельно являются и воспитанниками данного центра, что дает импульс для практического, систематического физического саморазвития.

Высокую эффективность данной непрерывной системы спортивной подготовки показывают результаты работы, так, за годы работы данной системы подготовлены 3 участника олимпийских игр, 4 чемпиона мира среди студентов, 5 призеров чемпионата мира среди студентов, 3 чемпиона всемирных интеллектуальных игр, 10 чемпионов России среди студентов, более 80 мастеров спорта Российской Федерации и более 90 мастеров спорта Республики Саха (Якутия), в т.ч. более 30 членов сборных команд Российской Федерации по вольной борьбе, международным шашкам, лыжному спорту, легкой атлетике, боксу и пулевой стрельбе.

Организация вузовской спортивно ориентированной развивающей среды как наиболее эффективного средства обеспечивалась нами высоким учебно-воспитательным и мотивирующим потенциалом, позволяющим обучающемуся систематично и последовательно заниматься физическим саморазвитием и выработать активное участие в спортивно-оздоровительных мероприятиях разного уровня (республиканского, регионального, международного).

Следующим наиболее эффективным средством физического саморазвития студентов, как показала наша практика, является потенциал традиционной физической культуры и этнического спорта. В нем ярко отражается здоровый образ жизни и быт народа, особенности трудовой деятельности, национальные устои. Здесь доминирует динамика опыта, состояний, переживаний человека.

Для теоретического саморазвития студентов в области национальных видов спорта в 2015 году создана и успешно работает профильная кафедра спортивной подготовки и национальных видов спорта. Она обеспечивает образовательный процесс по профилирующим дисциплинам, например, по направлению подготовки 49.03.01 Физическая культура, в части,

¹ Устав государственного бюджетного учреждения «Региональный центр спортивной подготовки»: принят 07.08.2015 г. № 860-р // Региональный центр спортивной подготовки: офиц. сайт. 2021. URL: <http://csp-churapcha.ru/dokumenty/165-ustav> (дата обращения 21.10.2021 г.).

формируемой участниками образовательных отношений введена дисциплина «теория и методика обучения национальным видам спорта»¹.

В народной системе физического развития и саморазвития детей и молодежи природа выступала как основной космобиосоциальный фактор и информационный знак, в процессе совместной трудовой деятельности передавался и народный опыт, активно осуществлялось формирование именно здорового образа жизни. В любой момент и любая ситуация требовала у молодежи выполнения определенных социальных функций и регуляцию социального поведения.

Кроме этого, профильная кафедра рекреации и спортивно-оздоровительного туризма полностью оснащена инвентарем по спортивному туризму, основная цель которого – физическое саморазвитие и самосовершенствование студентов, проявление самостоятельности в преодолении различного рода естественных препятствий, негативных проблем и экстремальных ситуаций. Это необходимо для того, чтобы формировать у будущих специалистов ФКиС способности выживания в дикой природе, преодоления сложных маршрутов и тому подобное.

Забегая вперед, можно признать, что в перспективе руководство и педагогический коллектив вуза надеется приобрести статус Северной академии физической культуры и спорта, пропагандирующей и культивирующей народные этнические виды спорта.

В Республике Саха (Якутия) уже в течение многих лет успешно реализуется Концепция развития национальных видов спорта на 2013–2020 гг., в которой отмечена основная задача – «эффективное использование потенциала культурного наследия для достижения целей государственной политики в области физической культуры и спорта, интеграции во всероссийское и мировое спортивное движение. В связи с продвижением национальных видов спорта Республики Саха (Якутия) на всероссийском уровне, с их интеграцией в международное спортивное движение, возрастает конкурентность в данных видах спорта, что предъявляет новые требования к организации непрерывной системы подготовки

спортсменов на территории республики»². В конечном счете эта Концепция ориентирована на:

- достижение цели образовательного и оздоровительного процесса нации, уровневое содержание этноспортивного опыта в системе предметов национально-региональной компетенции, соответствующее заявленным образовательным ориентирам;

- обеспечение системности и целостности формирования духовно-нравственной и физически здоровой нации, системообразующим фактором которого выступает гуманистическая направленность специфического функционирования этноспорта³.

Целостное физическое саморазвитие личности студентов и воспитательная деятельность в вузе проводится целенаправленно и систематично: в нем внедрена система спартианского движения с привлечением широкого массового актива участников-добровольцев. Особенность внедрения этого движения как средства саморазвития студентов в том, что к спартианским играм (это уникальные спортивные игры и народные забавы, которые представляют «альтернативный», интегрирующий традиционный и инновационный спорт с искусством и творчеством) массово привлекается не только студенческая молодежь, практически все жители села, семьи. Они начинаются с традиционного студенческого фестиваля творчества и проводятся в течение всего учебного года. В завершении проводится национальный праздник «Ысыах» (дословно «Изобилие»), связан, по якутским преданиям, с культом солнечных божеств, с религиозным культом плодородия и является символом начала нового года. Успешная реализация задачи физического саморазвития студентов возможна только в том случае, когда «современный преподаватель физкультуры является энтузиастом своего дела, имеет довольно высокий физический образования, четко представляет ситуацию о современных тенденциях развития спорта, умеет находить оптимальные решения в различных педагогических ситуациях, может быть коммуникабельным

¹ chgifkis.ru: официальный сайт. Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта: сайт. Чурапча, 2021. URL: <http://do.chgifkis.ru/enrol/index.php?id=313> (дата обращения: 21.10.2021). Режим доступа: для зарегистрированных пользователей.

² Концепция развития национальных видов спорта Республики Саха (Якутия) на 2013–2020 гг.: во исполнение распоряжения Президента Республики Саха (Якутия) от 14 апреля 2012 г. № 228-РП «О развитии национальных видов спорта Республики Саха (Якутия)» // Министерство по молодежной политике и спорту Республики Саха (Якутия): офиц. сайт. 2012. URL: <http://www.modun.ru/wp-content/uploads/2018/03/concept.pdf> (дата обращения: 21.10.2021).

³ Там же.

и толерантным»^{1,2}. На этом празднике пристальное внимание уделяется оценке физической подготовленности и спортивному мастерству участников, проявлению творчества, эрудиции, уровню развития их интеллекта, спортивных достижений и результатов, специальной спортивной подготовке. Одной из важных задач этого народного спортивного праздника – привить студентам и жителям села навыки самостоятельного занятия физической культурой и спортом, превратить спорт в массовое движение за здоровый образ жизни. Традиционные виды физической активности и исконные забавы народа – это «элементы его биогенетического наследия, включающие архетип социального поведения, философию и мировоззренческие установки, направленность хозяйственной деятельности, передающиеся от поколения к поколению и обладающие ценным личностно-формирующим потенциалом»³.

Реконструкция народных игр и исконных забав якутского народа в современную практику физического саморазвития студентов позволяет донести до молодого поколения национальный колорит обычаев, оригинальность самовыражения народа, своеобразие языка, формы мышления, т.е. менталитета [7]. В этой работе мы опираемся на принцип природосообразности и исходим из того, что традиционные виды физической активности и исконные забавы народа – это элементы его биогенетического наследия, включающие архетип социального поведения, философию и мировоззренческие установки, направленность хозяйственной деятельности, передающиеся от поколения к поколению и обладающие ценным личностно-формирующим потенциалом. Так, в студенческой среде в последнее время все большую популярность набирают настольные национальные игры: «Хабылык», «Хаамыска», которые развивают умственные способности, координацию, гибкость пальцев и кисти, ловкость, находчивость. По данным играм проводятся республиканские чемпионаты, турниры и первенства. Среди обучающихся Чурапчинского института есть студенты, успешно

занимающиеся данным видом, мастера спорта по национальным настольным играм РС (Я). От общей ориентации образовательно-воспитательной системы на этноспортивную культуру «как интегративного социального и личностного феномена зависит расширение, углубление и личностное принятие объектом образовательного процесса (детьми и взрослыми) общечеловеческих ценностей через этносport» [7].

К традиционным средствам физического саморазвития мы относим гигиену занятий физическими упражнениями, в том числе и народными, «игры и прогулки на свежем воздухе, закаливание, физический труд, который имеет огромное социально-воспитательное значение и является фактором ценностной ориентации молодежи на здоровый образ жизни, на интеллектуальное и гармоническое развитие» [5; 6]. Самостоятельность при этом является одним из эффективных ресурсов самообразования, саморазвития и практического решения задач здоровьесбережения, ценностной ориентации на ЗОЖ. Представление собственного образа в социальном мире в контексте сказанного характеризуется намеренностью личности на создание у окружающих положительного примерного впечатления и фокусирования внимания на себе, о себе и на ценности ЗОЖ.

Резюме

Таким образом, процесс физического саморазвития в условиях вузовской спортивно ориентированной развивающей среды обеспечивается инициативностью студенческой молодежи, ее субъектной позицией. Именно спортивно ориентированная развивающая среда позволит ей максимально использовать различные позитивные силы физического самороста и профессиональной самореализации в будущем.

Народная педагогика и этносport приобретают особое значение в формировании общей физической культуры общества и личности, и его трансформация в современную практику подготовки высококвалифицированных кадров в области физической культуры и спорта является главной особенностью и своевременным способом приобщения молодежи в общечеловеческим и национально-этническим ценностям, целостного развития в них самых лучших универсальных человеческих качеств – трудолюбия, милосердия, доброты в сочетании с физической силой и физической двигательной культурой.

¹ Приказ Минздравсоцразвития РФ от 15.08.2011 N 916н «Об утверждении единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих (раздел «квалификационные характеристики должностей работников в области физической культуры и спорта»).

² Справочник учителя физической культуры / сост.: Н. М. Вилкова. Волгоград: Учитель, 2016. 118 с.: ил.

³ Там же.

Особенность физического саморазвития студентов заключается в том, что оно должно осуществляться в тесной связи с социокультурным и духовно-нравственным и другими направлениями комплексного воспитания. Самоутверждение и

приобретение смысла здоровой жизни в этом плане вполне логично, оно противостоит негативным обстоятельствам и приводит к определенным результатам успешной и гибкой адаптации в социальном мире.

1. Антипов А. В., Кулишенко И. В., Шустова Е. В. Педагогический контроль и самоконтроль физического состояния молодежи в процессе физической активности // Теория и практика физической культуры. 2020. № 8. С. 61–63. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskiy-kontrol-i-samokontrol-fizicheskogo-sostoyaniya-molodezhi-v-protseste-fizicheskoy-aktivnosti> (дата обращения: 12.10.2021).

2. Готовцев И. И. Чемпионы своей судьбы // Аккредитация в образовании. 2017. № 8 (100). С. 48–49. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37174562> (дата обращения: 15.10.2021).

3. Готовцев И. И., Данилова А. И., Колесова Т. К., Филимонова, М. Н. Подготовка квалифицированных специалистов по физической культуре и спорту в условиях информатизации и инноваций (на примере сельского физкультурного вуза) // Информатизация образования и методика электронного обучения: материалы II Международной научной конференции. Сибирский федеральный университет. 2018. С. 139–143.

4. Кочетков И. И. Эффективность подготовки студентов к трудовой деятельности методами профессионально-прикладной физической подготовки // Вестник Марийского государственного университета. 2017. № 2 (26). С. 24–28. URL: <http://vestnik.marsu.ru/view/journal/article.html?id=1405> (дата обращения: 06.10.2021).

5. Левченкова Т. В. Активные методы обучения в педагогике физической культуры и спорта // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 1 (20). С. 101–103. URL: <https://journal.tltsu.ru/rus/index.php/VNSPP/article/view/2658> (дата обращения: 09.10.2021).

6. Михайлова Т. В. Эффективность подготовки кадров в спортивном вузе в контексте социологического анализа // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2016. № 6. С. 63–65. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28186171> (дата обращения: 17.10.2021).

7. Петрова Т. Н. Этноспорт: проблемы и перспективы внедрения в современную национально-образовательную систему // Сборник докладов Международного спортивного форума «Россия – спортивная держава». М. : СпортАкадемПресс, 2012. С. 199–202.

8. Созинова О. В., Имамудинова О. В., Улеева Н. Г. Виды контроля при организации учебных, учебно-тренировочных и самостоятельных занятий студентов по физической культуре и спорту // Наука России: цели и задачи: сб. науч. тр. по материалам II Междунар. науч. конф., Екатеринбург (г. Екатеринбург, 10 апреля 2017 г.). Л-Журнал, 2017. С. 18–21. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29247239> (дата обращения: 15.10.2021).

9. Ямбаева Н. В. Подготовка студентов факультета физической культуры, спорта и туризма к соревновательной деятельности // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 1 (21). С. 65–68. URL: <http://vestnik.marsu.ru/view/journal/article.html?id=1090> (дата обращения: 19.10.2021).

10. Ivanov V. D. Physical performance evaluation (the Cooper test) // Actual Problems of Pedagogy and Psychology. 2021. Vol. 2. No 3. Pp. 20–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44878191> (дата обращения: 10.10.2021).

Статья поступила в редакцию 26.10.2021 г.; одобрена после рецензирования 18.11.2021 г.; принята к публикации 28.11.2021 г.

Об авторах

Петрова Татьяна Николаевна

доктор педагогических наук, профессор, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), tanjana1@yandex.ru

Филимонова Марфа Николаевна

начальник учебно-методического отдела, Чурапчинский государственный институт физической культуры и спорта (678670, Российская Федерация, Республика Саха (Якутия), село Чурапча, ул. Спортивная, д. 2), fmn220576@mail.ru

Воробьева Инна Валериановна

кандидат педагогических наук, доцент, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева (428000, Российская Федерация, г. Чебоксары, ул. Карла Маркса, д. 38), ds2826@yandex.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Antipov A. V., Kulishenko I. V., Shustova E. V. Pedagogicheskii kontrol' i samokontrol' fizicheskogo sostoyaniya molodezhi v protsesse fizicheskoi aktivnosti [Pedagogical control and self-control of physical fitness level of young population during physical activity]. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury* = Theory and Practice of Physical Culture, 2020, no. 8, pp. 61–63. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskii-kontrol-i-samokontrol-fizicheskogo-sostoyaniya-molodezhi-v-protsesse-fizicheskoy-aktivnosti> (accessed 12.10.2021). (In Russ.).
2. Gotovtsev I. I. Chempiony svoei sud'by [Champions of their destiny]. *Akkreditatsiya v obrazovanii* = Accreditation in education, 2017, no. 8 (100), pp. 48–49. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37174562> (accessed 15.10.2021). (In Russ.).
3. Gotovtsev I. I., Danilova A. I., Kolesova T. K., Filimonova, M. N. Podgotovka kvalifitsirovannykh spetsialistov po fizicheskoi kul'ture i sportu v usloviyakh informatizatsii i innovatsii (na primere sel'skogo fizkul'turnogo vuza) [Training of qualified specialists in physical culture and sports in the conditions of informatization and innovation (on the example of a rural physical education university)]. *Informatizatsiya obrazovaniya i metodika elektronnoy obucheniya: materialy II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* = Informatization of education and e-learning methodology: materials of the II International scientific conference, Siberian Federal University, 2018, pp. 139–143. (In Russ.).
4. Kochetkov I. I. Effektivnost' podgotovki studentov k trudovoi deyatel'nosti metodami professional'no-prikladnoi fizicheskoi podgotovki [Efficiency of preparation of students for practical activity by methods of professionally-applied physical training]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2017, no. 2 (26), pp. 24–28. Available at: <http://vestnik.marsu.ru/view/journal/article.html?id=1405> (accessed 06.10.2021). (In Russ.).
5. Levchenkova T. V. Aktivnye metody obucheniya v pedagogike fizicheskoi kul'tury i sporta [Active methods of teaching in pedagogics of physical culture and sports]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* = Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology, 2015, no. 1 (20), pp. 101–103. Available at: <https://journal.tltsu.ru/rus/index.php/VNSPP/article/view/2658> (accessed 09.10.2021). (In Russ.).
6. Mikhailova T. V. Effektivnost' podgotovki kadrov v sportivnom vuze v kontekste sotsiologicheskogo analiza [Sport university education efficiency in context of sociological analysis]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka* = Physical education: education, training, 2016, no. 6, pp. 63–65. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28186171> (accessed 17.10.2021). (In Russ.).
7. Petrova T. N. Etnosport: problemy i perspektivy vnedreniya v sovremennuyu natsional'no-obrazovatel'nyuyu sistemu [Ethno-sport: problems and prospects of introduction into the modern national educational system]. *Sbornik dokladov Mezhdunarodnogo sportivnogo foruma "Rossiya – sportivnaya derzhava"* = Collection of reports of the International Sports Forum "Russia is a sports power", M., SportAkademReklama Publ., 2012, pp. 199–202. (In Russ.).
8. Sozinova O. V., Imamutdinova O. V., Uleeva N. G. Vidy kontrolya pri organizatsii uchebnykh, uchebno-trenirovochnykh i samostoyatelnykh zanyatii studentov po fizicheskoi kul'ture i sportu [Types of control in the organization of educational, training and independent classes of students in physical culture and sports]. *Nauka Rossii: tseli i zadachi: sb. nauch. tr. po materialam II Mezhdunar. nauch. konf., Ekaterinburg (g. Ekaterinburg, 10 aprelya 2017 g.)* = Science of Russia: goals and objectives: collection of scientific papers based on the materials of the II International Scientific Conference, (Yekaterinburg, April 10, 2017), Yekaterinburg, L-Journal Publ., 2017, pp. 18–21. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29247239> (accessed 15.10.2021). (In Russ.).
9. Yambaeva N. V. Podgotovka studentov fakul'teta fizicheskoi kul'tury, sporta i turizma k sorevnovatel'noi deyatel'nosti [Training of students of the Faculty of Physical Culture, Sports and Tourism for competitive activity]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2016, no. 1 (21), pp. 65–68. Available at: <http://vestnik.marsu.ru/view/journal/article.html?id=1090> (accessed 19.10.2021). (In Russ.).
10. Ivanov V. D. Physical performance evaluation (The Cooper test). *Actual Problems of Pedagogy and Psychology*, 2021, vol. 2, no 3, pp. 20–25. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44878191> (accessed 10.10.2021). (In Eng.).

The article was submitted 26.10.2021; approved after reviewing 18.11.2021; accepted for publication 28.11.2021.

About the authors

Tatyana N. Petrova

Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), tanjana1@yandex.ru

Marfa N. Filimonova

Head of the Educational and Methodological Department, Churapcha State Institute of Physical Culture and Sports (2 Sportivnaya St., Churapcha village 678670, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation), fmn220576@mail.ru

Inna V. Vorobyeva

Ph. D. (Pedagogy), Associate Professor, Chuvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev (38 Karl Marx St., Cheboksary 428000, Russian Federation), ds2826@yandex.ru

All authors have read and approved the final manuscript

УДК 378

DOI 10.30914/2072-6783-2021-15-4-420-453

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ НА ОСНОВЕ ЦИФРОВОГО СЛЕДА

В. И. Токтарова¹, Д. А. Семенова¹, Р. Н. Зарипов²

¹Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

²Казанский национальный исследовательский технологический университет, г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования предполагают качественное изменение организации обучения во всех его видах и формах, в том числе в условиях электронной информационно-образовательной среды. Они также отражают и рекомендации гарантии качества высшего образования, достижение эффективности и качества образования – это важнейшая задача любого учебного заведения. При этом оценка должна удовлетворять таким универсальным принципам, как конкретность (четкое определение критериально-оценочной базы оценивания, подходов к ее измерению); целостность (обеспечение полного объема требований к результатам обучения); технологичность (обоснованность методологических и технологических средств для получения оценочной информации и выполнения необходимых расчетов). **Цель:** определение возможностей использования цифрового следа при оценивании проектной деятельности студентов. **Материалы и методы.** Важнейшим аспектом оценки качества обучения является выбор методик оценивания для измерения результатов обучения на различных этапах с учетом компетентностного, таксономического и квалиметрического подходов. Кроме стандартных методов оценивания качества обучения нами применялись методы образовательного дата-инжиниринга, которые направлены на измерение, сбор, анализ и представление данных об обучающихся и контекстах с помощью их цифрового следа с целью понимания и оптимизации обучения и среды, в которой оно происходит, определения роли обучающегося в командной работе, его вклада, полезности, функционала и другое. **Результаты исследования, обсуждения.** Особенности оценивания проектных работ с помощью анализа цифрового следа обучающегося дает более детальный анализ и проекта, и членов команды проекта. **Заключение.** Использование цифрового следа обучающегося в качестве метода оценивания позволяет дифференцировать отметки обучающихся в зависимости от объема и качества выполненных работ по проекту.

Ключевые слова: оценка качества образования, проектная деятельность, образовательный дата-инжиниринг, цифровой след, проектная команда, высшее образование, студент

Благодарности. Работа была выполнена при поддержке программы Erasmus+ Европейского Союза (проект № 620507-EPP-1-2020-1-RU-EPPJMO-MODULE).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Токтарова В. И., Семенова Д. А., Зарипов Р. Н. Оценка эффективности проектной деятельности студентов на основе цифрового следа // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 4. С. 420–453. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-420-453>

ASSESSMENT OF THE EFFECTIVENESS OF STUDENTS' PROJECT ACTIVITIES BASED ON A DIGITAL FOOTPRINT

V. I. Toktarova¹, D. A. Semenova¹, R. N. Zaripov²

¹Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

²Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia

Abstract. Introduction. Federal State Educational Standards of Higher Education presuppose a qualitative change in the organization of education in all its types and forms, including in the conditions of an electronic educational environment. They also reflect the recommendations of the quality assurance of university education, achieving the effectiveness and quality of education is the most important task of any educational institution. At the same time, the assessment must meet such universal principles as concreteness (a clear definition of the criteria and evaluation base of assessment, approaches to its measurement); integrity (ensuring the full scope of requirements for learning outcomes); manufacturability (validity of methodological and technological means for obtaining evaluation information and performing the necessary calculations). **Purpose:** to determine the possibilities

of using the digital footprint for evaluating students' project activities. **Materials and methods.** The most important aspect of assessing the quality of training is the choice of assessment methods for measuring learning outcomes at various stages, taking into account competence, taxonomic and qualimetric approaches. In addition to standard methods of assessing the quality of training, we used methods of educational data engineering, which are aimed at measuring, collecting, analyzing and presenting data about students and contexts using their digital footprint in order to understand and optimize learning and the environment in which it occurs, determining the role of the student in teamwork, his contribution, usefulness, functionality, etc. **Research results, discussions.** Features of the evaluation of project work using the students' digital footprint analysis give a more detailed analysis of both the project and the project team members. **Conclusion.** Using the student's digital footprint as an assessment method allows you to differentiate the marks of students depending on the volume and quality of the work performed on the project.

Keywords: education quality assessment, project activity, educational data engineering, digital footprint, project team, education in HEI, student

Acknowledgements. The present work is supported by the Erasmus+ Programme of the European Union (project no. 620507-EPP-1-2020-1-RU-EPPJMO-MODULE).

The authors declare no conflict of interests.

For citation: Toktarova V. I., Semenova D. A., Zaripov R. N. Assessment of the effectiveness of students' project activities based on a digital footprint. *Vestnik of the Mari State University*. 2021, vol. 15, no. 4, pp. 420–453. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-420-453>

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования предполагают качественное изменение организации обучения во всех его видах и формах, в том числе в условиях электронной информационно-образовательной среды.

ФГОС ВО отражают и международные тенденции развития высшего образования, установленные стандартами и рекомендациями гарантии качества в Европейском пространстве высшего образования ESG (*The Standards and Guidelines for Quality Assurance in the European Higher Education Area*)¹, которые приняты Европейской ассоциацией гарантии качества в высшем образовании ENQA (European Association for Quality Assurance in Higher Education). ESG относятся ко всей сфере высшего образования, реализуемого на европейском пространстве, независимо от вида обучения, места или способа.

В соответствии с данным документом под *качеством* понимается результат взаимодействия между преподавателями, студентами и образовательной средой вуза [9]. При этом гарантия качества должна обеспечить такую образовательную среду, в которой содержание программ, возмож-

ности и средства будут соответствовать необходимым образовательным целям. В контексте ENQA система качества в вузе представляет собой совокупность трех подсистем: обеспечения качества, мониторинга качества и управления качеством.

В частности, по отношению к изучаемой нами предметной области под *качеством проектной подготовки студентов* нами понимается определенный уровень достижения целей проектной деятельности и степень соответствия процесса и результата проектной подготовки студентов личным ожиданиям и запросам общества в соответствии с такими показателями, как *сформированность внутренней мотивации к получению и применению учебной информации* (в том числе и к средствам и технологиям ее представления); *объем, полнота и системность знаний* в области проектной деятельности, умений и навыков; *способность студентов к самостоятельному поиску и обработке информации, необходимой для реализации проекта* [9].

Процесс реализации проектной деятельности студентами направлен на формирование у них проектной компетентности и является результатом освоения основной образовательной программы и рассматривается нами через совокупность компонентов:

¹ The Standards and Guidelines for Quality Assurance in the European Higher Education Area. EURASHE, 2015. 32 p. URL: https://www.enqa.eu/wp-content/uploads/2015/11/ESG_2015.pdf (дата обращения: 18.05.2021).

– *знаниевый* – характеризует непосредственное знание и понимание теоретического и практического материала, которое может быть выражено через следующие понятия «знать» – способность воспроизводить и объяснять учебный материал с требуемой степенью научной точности и полноты;

– *ценностный* – определяет ценностные ориентиры обучающегося, его мотивацию к решению профессиональных задач;

– *деятельностный* – характеризует умение применять полученные знания к конкретной ситуации посредством «уметь» – способность решать типовые задачи на основе воспроизведения стандартных алгоритмов; «владеть» – способность решать сложные, нестандартные задачи на основе всей совокупности приобретенных знаний и умений.

Несомненно, важнейшим аспектом оценки качества обучения является выбор методик оценивания для измерения результатов обучения на различных этапах с учетом компетентного, таксономического и квалитетического подходов.

Компетентностный подход основывается на многоплановых и многоструктурных характеристиках качества подготовки обучающихся, ориентирован на уровень сформированности компетенций, определенных во ФГОС ВО. Оценка результатов обучения в терминах компетенций определяет, что студент должен знать, уметь, понимать и чем владеть по завершении обучения, для чего создаются специальные фонды оценочных средств. Для более полной картины разрабатывается полноценный паспорт компетенций, состоящий из перечня компетенций, которые должны быть сформированы во время обучения от первого курса и до выпуска. При этом для повышения эффективности обучения необходимо установление достижений обучающегося на каждом этапе, отслеживание уровня сформированности его компетенций, сбор данных и анализ на количественном и качественном уровнях [3].

Следующий подход, который необходимо учитывать наряду с компетентностным, – *таксономический*, позволяет определить уровни образовательных целей и результатов обучения, структурировать систему оценочных заданий. Для всех таксономических описаний, определяющих эффективность и качество обучения, свой-

ственно постепенное усложнение познавательной деятельности обучающихся. К примеру, Б. Блум [5] описывает уровни обученности или последовательные познавательные категории и степень усвоения информации.

Ю. Г. Татур¹, развивая идеи таксономического подхода, предлагает методику оценки уровня сформированности компетенций, состоящую из трех компонентов: гностического (характеризующего качество знаний как основу компетенции); функционального (выявляющего и определяющего умения); ценностно-этического (определяющего отношение к деятельности). Технология реализации методики Ю. Г. Татура включает: 1) выбор оцениваемой компетенции; 2) разработка заданий, соответствующих уровням гностических или функциональных компонентов; 3) процедура выполнения заданий; 4) определение уровня сформированности каждой компоненты компетенции по описаниям в таксономических таблицах, приводимых автором; 5) определение по специальной таблице суммарного балла, характеризующего уровень сформированности компетенции студента.

Квалитетический подход направлен на повышение объективности оценки уровня знаний студентов, позволяет проводить статистический анализ достигнутых результатов и корректировать процесс обучения². В соответствии с ним организация оценки строится на основе методологии квалитетрии (направление, связанное с количественным описанием качества предметов или процессов); где цели и результаты обучения (в т.ч. уровень сформированности компетенций) представляются в измеряемых значениях. Каждому показателю, характеризующему уровень сформированности компетенции, придается числовое значение. Результаты измеряются баллами, шкалируются и анализируются средствами статистического и математического анализа.

¹ Татур Ю. Г. Компетентностный подход в описании результате и проектировании стандартов высшего профессионального образования: брошюра // Материалы ко второму заседанию методологического семинара. Сер. Труды методологического семинара «Россия в Болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы». М., 2004. 18 с. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/npo/20120325221547.pdf> (дата обращения: 25.05.2021)

² Кларин М. В. Инновационные модели обучения в зарубежных педагогических поисках: учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 1994. 222 с

Кроме стандартных методов оценивания качества обучения нами применялись методы образовательного дата-инжиниринга, которые направлены на измерение, сбор, анализ и представление данных об обучающихся и контекстах с помощью их цифрового следа с целью понимания и оптимизации обучения и среды, в которой оно происходит, определения роли обучающегося в командной работе, его вклада, полезности, функционала и другое.

В сфере образования *цифровой след* – это цифровые работы обучающегося, заметки, которые он оставляет в своем цифровом профиле, результаты обучения на онлайн-курсах и так далее [2]. Полностью базируются на интернет-технологиях: благодаря цифровому следу мессенджеров можно определить активность в чатах, группах, каналах проекта, получить статистическую информацию о коммуникациях внутри проектной команды; цифровой след сервисов для проведения видеоконференций предоставляет информацию о входах-выходах пользователей, активность в чате и др.; цифровой след сервисов для совместной работы над документами хранит информацию о правках документа, времени, потраченном на этот процесс и т.п.; цифровой след сервисов для организации совместной работы над проектом позволяет просмотреть информацию о задачах, их статусе, сроках выполнения и ответственных за их выполнение, данные о подтверждении выполнении задач, комментарии, оставленные к задачам и так далее.

Существуют два основных типа цифровых следов: пассивные и активные. Пассивный цифровой след – это данные, собранные без ведома владельца. Пассивный цифровой след также называют выхлопными данными [6]. Активный цифровой след появляется, когда пользователь намеренно публикует свои персональные данные, чтобы рассказать о себе на веб-сайтах и в социальных медиа [8]. Пользователь может оставлять информацию намеренно или неосознанно; заинтересованные стороны пассивно или активно собирают эту информацию. В зависимости от объема этой информации можно без усилий собрать много данных о пользователе с помощью простых поисковых систем.

Социальные сети записывают действия пользователей. Это позволяет изучать интересы, социальные группы, поведение и местоположение

пользователей. Многие социальные сети, например, Facebook, собирают большой объем информации, которую можно использовать, чтобы воссоздать личность пользователя. Например, зная число друзей в социальной сети, можно предсказать, экстраверт он или интроверт. Цифровой след можно использовать без ведома его владельца, чтобы узнать его демографические характеристики, религиозные и политические взгляды, характер и умственные способности [7]. Цифровые отпечатки, составленные из публикаций и комментариев в социальных сетях, дают представление о собеседнике по ту сторону экрана и делают общение в Интернете более безопасным.

Педагогический подход основан на том факте, что коммуникативное взаимодействие пользователей сети между собой или с информационными базами подразумевает обмен знаниями. Анализу подвергается полезность, нейтральность или вредность информации с точки зрения интеллектуального, культурного, нравственного развития человека.

В сфере образования цифровой след – это письменные работы студента, заметки, тесты, онлайн-курсы, фотографии и так далее. Современные технологии позволяют распознавать лица, голос, переводить речь в текст и наоборот – и все это за считанные секунды. Основываясь на анализе и специальной обработке этого следа, мы можем дать некоторые советы студентам, направить их и сделать профессиональную подготовку более индивидуально ориентированной. Цифровой след может позволить образовательным учреждениям лучше понимать поведение студентов, оказывать им необходимую помощь, осуществлять наставничество в направлении раскрытия и развития способностей студенческой аудитории.

Одним из направлений использования цифрового следа при организации образовательного процесса является образовательная аналитика («learning analytics» или «образование на основе больших данных») – это фиксация, обработка и анализ цифрового следа с целью понимания и оптимизации образовательного процесса и образовательной среды [1]. Он используется для создания индивидуальных образовательных траекторий, совершенствования преподавания и обучения в вузе, повышения образовательных результатов.

Можно выделить такие компоненты цифрового следа как:

– *техничко-технологический компонент* – отражение деятельности человека в Интернете и ином цифровом пространстве с точки зрения применения технологий фиксации: log-файлы, IP-адреса, идентификаторы точек доступа, адреса запрошенных веб-страниц, введенные биометрические данные, параметры протоколов информационного обмена и другое;

– *личностно-психологический компонент* – как отражение социального профиля человека и его личного виртуального мира в медиапространстве – аккаунты в социальных сетях, посты, фотографии, комментарии, репосты, лайки и другое;

– *поведенческий компонент* – действия, которые предпринимает человек, исходя из системы представлений о себе, своих социальных установках в отношении себя и окружающих (например, запросы в поисковых системах, заказанные электронные услуги, просмотры и заказы в интернет-магазинах, регистрация аккаунтов в онлайн играх, геометки и данные геолокации о передвижениях и прочее);

– *деятельностный компонент* – включает в себя данные на цифровых носителях информации (файлы) с фактическими результатами деятельности или их подтверждением (продукты деятельности, артефакты, электронное портфолио), например, отчеты о выполненных работах, компьютерные презентации, проекты, компьютерные модели, включая разработанный программный код, спроектированные базы данных, результаты видео-, фото-, аудиофиксации деятельности, протоколы тестирования и прочее;

– *компетентностный компонент*, отражающий уровень наличия комплекса знаний и умений, способствующих осмыслению сущности и специфики профессиональной деятельности (например, полученные оценки за задания, отзывы и рецензии на выполненные работы, фиксация обратной связи с преподавателем курса, электронные сертификаты, грамоты, дипломы);

– *коммуникативный компонент*, связанный с системой коммуникаций в образовательной и профессиональной среде (сообщения форумов, открытых чатов, общей почты, досок объявлений и прочее);

– *рефлексивный компонент* – рефлексия, самоанализ результатов образовательной и профес-

сиональной деятельности как оценка личностью самой себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей. Примеры представления – результаты анкетных опросов, социологических исследований и другое [4].

Организация сбора цифрового следа осуществлялась нами с использованием платформы LMS Moodle. Цифровой след фиксируется с обязательной привязкой к идентификатору обучающегося, времени фиксации цифрового следа, а также к конкретной образовательной активности. Учебно-методические данные в обязательном порядке содержат описание мероприятия, разметку его образовательных результатов и связанный с ними цифровой след для всех обучающихся (индивидуальный или групповой). Целостность цифрового следа (наличие цифрового следа по всем обучающимся/всем элементам занятия), согласованность структуры занятия и образовательных результатов/фактов деятельности, наличие дополнительных типов данных влияет на метрики качества цифрового следа и по занятию, и по обучающимся.

Задача, открывающая возможность применения цифрового следа, состоит в том, чтобы научиться фиксировать связь между конкретным актом обучения (во всей его сложности, с учетом всего контекста, в котором он происходит) и результатом обучения для студента.

Чтобы интерпретация цифрового следа стала возможной, требовалось построить процедуру его фиксации непосредственно в образовательном процессе. В исследовании принимало участие более 250 обучающихся ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», сбор цифрового следа осуществлялся в рамках курса «Основы проектной деятельности».

Как и многие подобные ресурсы, система позволяет просмотреть список пользователей курса и дату их последнего входа. Система собирает в качестве цифрового следа количество попыток и время, потраченное на изучение учебного материала, а также фиксирует завершено или нет изучение материала (рис. 1). При формировании рабочей программы дисциплины данная информация поможет определить сложность материала и скорректировать время, отводимое на изучение той или иной темы. Также фиксируется цифровой след обращения к элементам курса (форум, чат и т.д.) в целом.

Просмотр	Редактировать	Отчеты	Оценить эссе
Обзор	Подробная статистика		
Видимые группы			
Все участники			
Просмотреть все оценки курса			
Название	Адрес электронной почты	Попытки	Высший результат
Андреев Кирилл	st20010698@no-email.local	☐ 80% вторник, 15 сентября 2020, 14:49, (1 ч. 46 мин.) ☐ Лекция не завершена пятница, 27 ноября 2020, 16:03	80%
Асадуллаев Дончир	st20011854@no-email.local	☐ 92.86% понедельник, 12 октября 2020, 14:35, (сейчас) ☐ четверг, 21 января 2021, 21:56, (26 мин. 15 сек.)	92.86%
Виноградов Вячеслав	slawa@vvoi.ru	☐ Лекция не завершена	0%
Гамирова Айсылу	st20010700@no-email.local	☐ 100% воскресенье, 13 сентября 2020, 16:06, (2 час. 2 мин.) ☐ Лекция не завершена понедельник, 21 сентября 2020, 18:17	100%
Изюкина Людмила	st20010702@no-email.local	☐ 100% среда, 16 сентября 2020, 14:14, (сейчас) ☐ четверг, 17 сентября 2020, 17:24, (3 час. 14 мин.)	100%
Исмаилов Улугбек	st20011856@no-email.local	☐ Лекция не завершена пятница, 22 января 2021, 11:36 ☐ Лекция не завершена пятница, 18 июня 2021, 17:30	0%

Рис. 1. Список обучающихся с результатами чтения лекционного материала /
Fig. 1. List of students with the results of reading lecture material

Одним из самых значимых цифровых следов, оставляемых обучающимся в системе, являются следы, извлекаемые из прохождения им активностей по оценке компетенций (рис. 2). Благодаря данной информации мы можем определить, насколько вопросы теста составлены корректно. Если на какой-то вопрос в большинстве случаев обучающиеся дают неверный ответ, то, возможно,

стоит пересмотреть его формулировку или теоретический материал, по которому построен тест. И с другой стороны, если на тест более 90 % обучающихся дают правильные ответы, то возможно вопросы в нем слишком тривиальные (рис. 3).

Также можно просмотреть цифровые следы обучающихся по результатам выполнения практических работ (рис. 4).

Навигация по тесту

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

Закончить обзор

Навигация

Личный кабинет

Домашняя страница

Мои курсы

- Moode
 - Институт цифровых технологий
 - Физико-математический факультет
 - Кафедра прикладной математики и информатики
 - 02.04.03 Математическое обеспечение и администриро...
 - 02.03.03 Математическое обеспечение и администриро...
 - Метрология, качество ПО
 - Основы Программирования
 - Участники
 - Значки
 - Оценки
 - Тема 2. Язык программирования C/C++, Структура про...
 - Проверочный тест по теме "Введение в C++"
 - Практикум по системному программированию (3 к. Вин...
 - 09.03.02 Информационные системы и технологии
 - 09.04.02 Информационные системы и технологии
 - 09.02.07 Информационные системы и программирование

Латтев Павел

Тест начатвоскресенье, 27 сентября 2020, 21:43

СостояниеЗавершённые

Завершенвоскресенье, 27 сентября 2020, 22:02

Прошло18 мин. 52 сек.времени

Баллы18,2/22,0

Оценка4,1 из 5,0 (83%)

История ответов

Шаг	Время	Действие	Состояние	Баллы
1	27/09/20, 21:43	Начало	Пока нет ответа	
2	27/09/20, 22:02	Сохранено: Тело функции ограничивается фигурными скобками	Ответ сохранен	
3	27/09/20, 22:02	Попытка завершена	Частично правильный	0,5

Рис. 2. Статистика по тесту для отдельно взятого обучающегося /
Fig. 2. Test statistics for an individual student

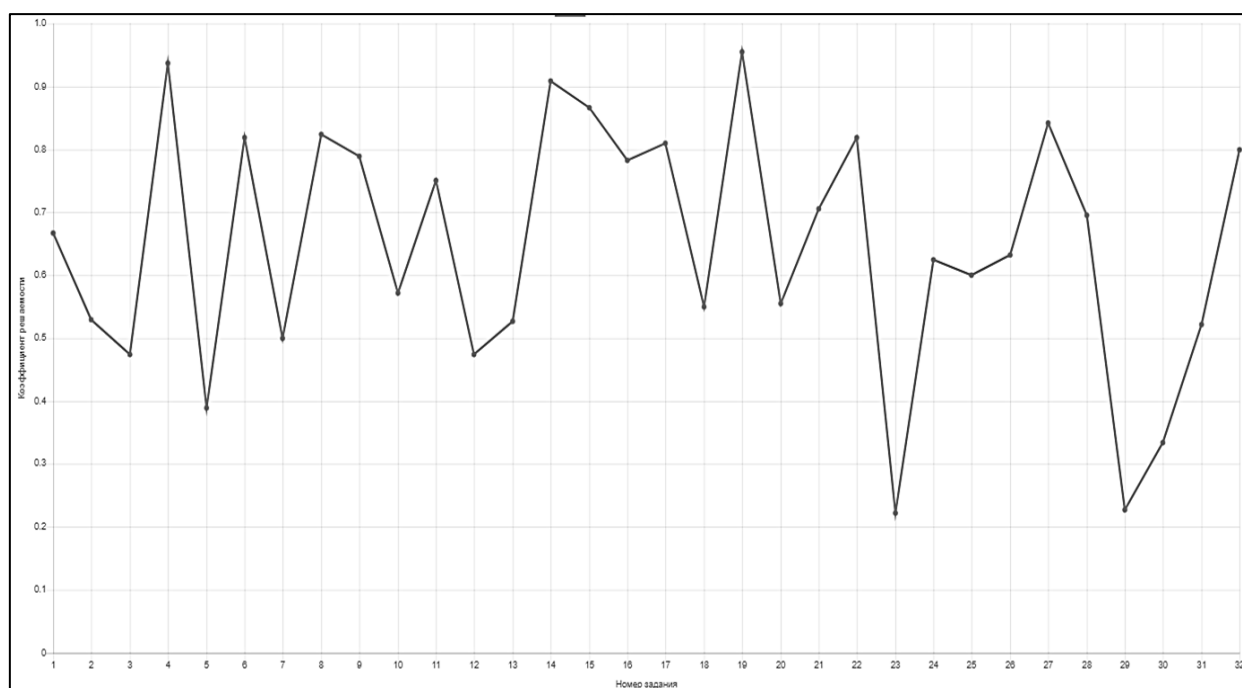

Рис. 3. Решаемость тестовых вопросов в тесте № 3 курса /
Fig. 3. Solvability of test questions in test No. 3 of the course

| ☐ | Изображение
пользователя | Фамилия
Имя | Адрес элктроннс
почты | Статус | Оценка | Редактировать
Редактировать | Последнее
изменение
(ответ) | Ответ в виде файла | Комментарии к
ответу | Последнее
изменение
(оценка) | Отзыв в виде
комментария | Итоговая
оценка | | |
|--------------------------|-----------------------------|---------------------|-------------------------------|--|--------|--------------------------------|---|----------------------------|-------------------------|------------------------------------|---------------------------------------|--|--|-------|
| ☐ | | Кирилов
Владимир | st20010703@no-
email.local | Отправлено
для
оценивания | Оценка | Редактировать | воскресенье,
4 июля 2021,
23:45 | lab2.docx | 4 июля 2021, 23:44 | Комментарии
(0) | - | - | | |
| ☐ | | Лоптев
Павел | laptev_pa@no-
email.local | Отправлено
для
оценивания
Оценено | Оценка | Редактировать | понедельник,
26 октября
2020, 22:09 | Лабораторная 2 Лоптев.docx | 26 октября 2020, 22:09 | Комментарии
(0) | вторник, 27
октября 2020,
17:58 | Оглавление
вновь
оформлено
неверно.
Почему слева
нет
единообразия
красной
строки? Далее
по тексту
оформление
абзацев
скачет. Где то
... | 4 / 5 | |
| ☐ | | Михеев
Никита | st20010704@no-
email.local | Отправлено
для
оценивания
Оценено | Оценка | Редактировать | четверг, 8
октября 2020,
11:14 | lab2.docx | 8 октября 2020, 11:14 | Комментарии
(0) | пятница, 9
октября 2020,
17:46 | Оглавление
оформил
снова
неверно. Где
красная
строки??? | Непонятно
почему, но в
тексте
постоянно
меняются
шрифты. Код
программы не
имеет ... | 4 / 5 |

Рис. 4. Сводная таблица по результатам выполнения практического задания /
Fig. 4. Summary table of the results of the practical task

Цифровые следы обучающихся, оставленные ими в процессе коммуникативной деятель-

ности, также можно консолидировать и исследовать (рис. 5).

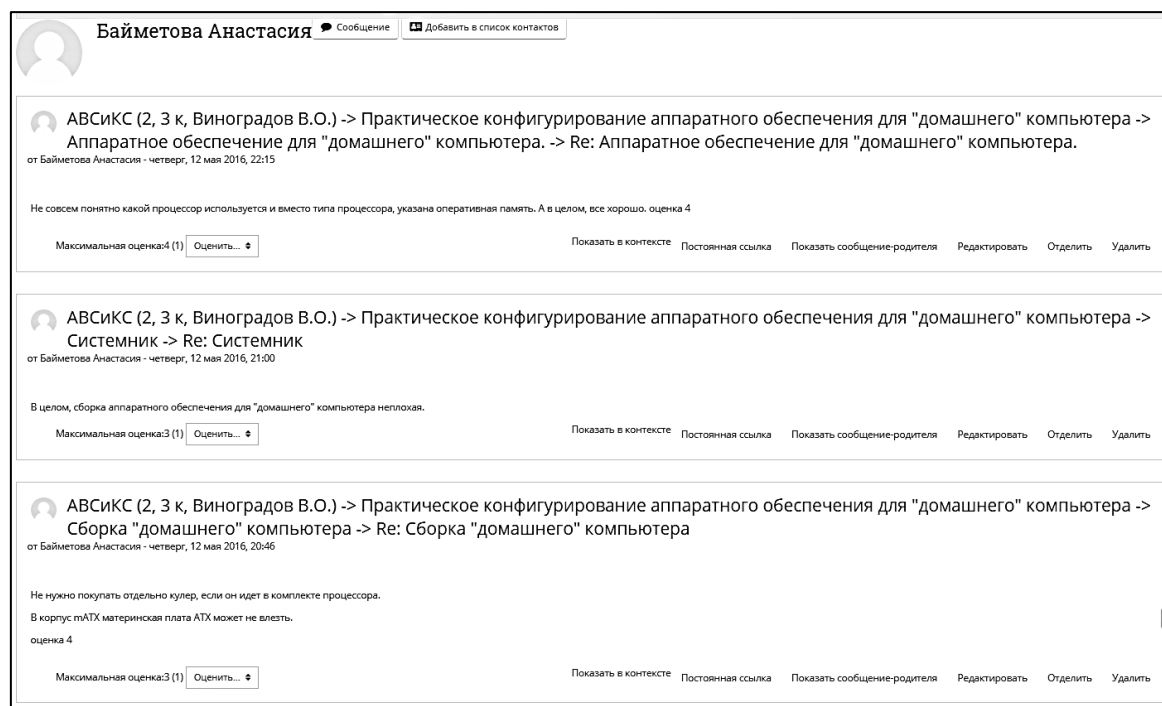

Рис. 5. Отчет по отдельно взятому обучающемуся о сообщениях в форуме курса /
Fig. 5. Individual student report on messages in the course forum

В рамках выполнения проектной работы деятельность обучающихся не заканчивается работой в LMS Moodle. Они также ведут работу над проектом во внеучебное время в рамках совместной деятельности. В процессе этой работы они используют большое количество интернет-сервисов, в которых также оставляют свои цифровые следы.

Многие интернет-сервисы для совместной работы реализованы средствами Google. Работая в команде или мини-группой авторизованных пользователей в Google документах можно просматривать, что именно тот или иной пользователь разместил в этом документе. Кроме этого, отображается даже время, когда происходили изменения.

Еще одна возможность Google документов – это оставлять комментарии и правки владельцу документа, которые отображаются у остальных обучающихся в отдельном диалоговом окне. Для обучающихся существует чат для обсуждения каких-либо вопросов, в реальном времени можно увидеть, чем занимается тот или иной член команды, попросить о помощи или самому помочь советом.

С помощью цифрового следа мы определяли, какой обучающийся что записал, оформил, а ка-

кой отсиживался и ничего не делал. Кроме того, это позволило увидеть, как обучающиеся распределяют обязанности и общаются в мини-группах без фактического присутствия педагога и тотального контроля. Особенности оценивания проектных работ на сервисе Google с помощью анализа цифрового следа обучающегося дает более детальный анализ и проекта, и личности обучающегося состоящего в команде проекта.

Таким образом, достижение эффективности и качества образования – это важнейшая задача любого учебного заведения. При этом оценка эффективности должна удовлетворять таким универсальным принципам, как конкретность (четкое определение критериально-оценочной базы оценивания, подходов к ее измерению); целостность (обеспечение полного объема требований к результатам обучения); технологичность (обоснованность методологических и технологических средств для получения оценочной информации и выполнения необходимых расчетов).

Использование технологии цифрового следа при оценивании проектной деятельности студентов способствует расширению возможностей для каждого человека по реализации персональных траекторий развития; обеспечивает условия для

реализации адаптивного обучения; предлагает многообразие вариантов развития обучаемых с учетом их личностных качеств и образовательных результатов и запросов; позволяет осуществлять постоянный мониторинг действий

и уровень компетенций студентов. А использование больших данных и аналитики в области проектной деятельности позволяет заложить основы эффективной командной работы и послужить базой для персонализированного учебного плана.

1. Мантуленко В. В. Перспективы использования цифрового следа в высшем образовании // Преподаватель XXI век. 2020. № 3–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-tsifrovogo-sleda-v-vysshem-obrazovanii> (дата обращения: 20.05.2021).

2. Семенова Д. А., Токтарова В. И., Организация проектной деятельности студентов на основе сервисов интернет-технологий // Мир университетской науки: культура, образование. 2020. № 4. С. 29–40.

3. Фомин Н. В. Технологии разработки требований к результатам образования в контексте ФГОС ВПО // Стандарты и мониторинг в образовании. 2013. № 4 (91). С. 24.

4. Шамсутдинова Т. М. Когнитивная модель траектории электронного обучения на основе цифрового следа // Открытое образование. 2020. № 24 (2). С. 47–54. URL: <https://openedu.rea.ru/jour/article/view/726/475> (дата обращения: 18.05.2021).

5. Bloom B. S. Taxonomy of educational objectives. The Classification of Educational Goals. Vol. 1, 2. N.Y., 1967. 324 p. URL: <https://www.uky.edu/~rsand1/china2018/texts/Bloom%20et%20al%20-Taxonomy%20of%20Educational%20Objectives.pdf> (дата обращения: 15.05.2021).

6. Girardin, Fabien; Calabrese, Francesco; Fiore, Filippo Dal; Ratti, Carlo; Blat, Josep. Digital Footprinting: Uncovering Tourists with User-Generated Content // IEEE Pervasive Computing. 2008. Vol. 7. No. 4. Pp. 36–43. DOI: <https://doi.org/10.1109/MPRV.2008.71>

7. Kosinski M., Stillwell D., Graepel T. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2013. Vol. 110. No. 15. Pp. 5802–5805. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1218772110>

8. Madden M., Fox S., Smith A. & Vitak J. Digital Footprints. Pew Research Center. 2007. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2007/12/16/digital-footprints/> (дата обращения: 15.05.2021).

9. Toktarova V. I., Semenova D. A. Digital Pedagogy: Analysis, Requirements and Experience of Implementation // Journal of Physics: Conference Series. 2020. Vol. 1691. Conf. Ser. 1691 012112 (1–5). DOI: <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1691/1/012112>

Статья поступила в редакцию 07.06.2021 г.; одобрена после рецензирования 12.07.2021 г.; принята к публикации 28.07.2021 г.

Об авторах

Токтарова Вера Ивановна

доктор педагогических наук, доцент, проректор по цифровой трансформации – руководитель проектного офиса, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3590-3053>, toktarova@yandex.ru

Семенова Дина Алексеевна

заместитель руководителя проектного офиса, старший преподаватель, Марийский государственный университет (424000, Российская Федерация, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7892-3003>, dinasemenova@gmail.com

Зарипов Ренат Назипович

доктор педагогических наук, профессор, декан факультета управления и автоматизации, Казанский национальный исследовательский технологический университет (420015, Российская Федерация, г. Казань, улица Карла Маркса, д. 68), dekanat81@kstu.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Mantulenko V. V. Perspektivy ispol'zovaniya tsifrovogo sleda v vysshem obrazovanii [Prospects for digital footprint usage in the higher education]. *Prepodavatel' XXI vek* = Prepodavatel XXI vek, 2020, no. 3–1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-tsifrovogo-sleda-v-vysshem-obrazovanii> (accessed 20.05.2021). (In Russ.).

2. Toktarova V. I., Semenova D. A. Organizatsiya proektnoi deyatel'nosti studentov na osnove servisov internet-tekhnologii [Organization of students' project activities based on Internet technology services]. *Mir universitetskoi nauki: kul'tura, obrazovanie* = The world of academia: culture, education, 2020, no. 4, pp. 29–40. (In Russ.).

3. Fomin N. V. Tekhnologiya razrabotki trebovaniy k rezul'tatam obrazovaniya v kontekste FGOS VPO [Technology related to development of requirements to education results in the context of Federal State Educational Standards of higher professional education]. *Standarty i monitoring v obrazovanii* = Standards and Monitoring in Education, 2013, no. 4 (91), pp. 24. (In Russ.).
4. Shamsutdinova T. M. Kognitivnaya model traektorii elektronnoogo obucheniya na osnove tsifrovogo sleda [Cognitive model of electronic learning trajectories based on digital footprint]. *Otkrytoe obrazovanie* = Open Education, 2020, no. 24 (2), pp. 47–54. Available at: <https://openedu.rea.ru/jour/article/view/726/475> (accessed 18.05.2021). (In Russ.).
5. Bloom B. S. Taxonomy of educational objectives. The Classification of Educational Goals. 1967, vol. 1, 2, N. Y., 324 p. Available at: <https://www.uky.edu/~rsand1/china2018/texts/Bloom%20et%20al%20-%20axonomy%20of%20Educational%20Objectives.pdf> (accessed 15.05.2021). (In Eng.).
6. Girardin F., Calabrese F., Fiore F. D., Ratti C. and Blat J. Digital footprinting: uncovering tourists with user-generated content. *IEEE Pervasive Computing*, 2008, vol. 7, no. 4, pp. 36–43. (In Eng.) DOI: <https://doi.org/10.1109/MPRV.2008.71>
7. Kosinski M., Stillwell D., Graepel T. Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2013, vol. 110, no. 15, pp. 5802–5805. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.1218772110>
8. Mary Madden, Susannah Fox, Aaron Smith & Jessica Vitak Digital footprints. *Pew Research Center*, 2007. Available at: <https://www.pewresearch.org/internet/2007/12/16/digital-footprints/> (accessed 17.05.2021). (In Eng.).
9. Toktarova V. I., Semenova D. A. Digital pedagogy: analysis, requirements and experience of implementation. *Journal of Physics: Conference Series*, 2020, vol. 1691 012112. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1088/1742-6596/1691/1/012112>

The article was submitted 07.06.2021; approved after reviewing 12.07.2021; accepted for publication 28.07.2021.

About the authors

Vera I. Toktarova

Dr. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Vice-Rector for Digital Transformation – Head of the Project Office, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3590-3053>, toktarova@yandex.ru

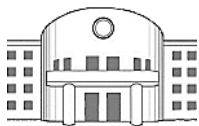
Dina A. Semenova

Deputy Head of the Project Office, Senior Lecturer, Mari State University (1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7892-3003>, dinasemenova@gmail.com

Renat N. Zaripov

Dr. Sci. (Pedagogy), Professor, Dean of the Faculty of Management and Automation, Kazan National Research Technological University (68 Karl Marx St., Kazan 420015, Russian Federation), dekanat81@kstu.ru

All authors have read and approved the final manuscript.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PHILOLOGY

УДК 81'27

DOI 10.30914/2072-6783-2021-15-4-430-437

МАКРОКОНЦЕПТ *ВЛАСТЬ* В АСПЕКТЕ МОТИВИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ

Е. Е. Демидова

Институт иностранных языков, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Актуальность проводимого исследования заключается в описании первопризнаков макроконцепта *власть* в аспекте его синкретичных первообразов и их сохранения в русской лингвокультуре. *Цель* статьи – выявление мотивирующих признаков русского макроконцепта *власть*. Задачи: 1. Анализ соответствующих статей основного репрезентанта макроконцепта в этимологических словарях русского языка. 2. Определение полного набора мотивирующих признаков макроконцепта *власть*. 3. Изучение языкового материала в аспекте актуализации мотивирующих признаков исследуемого макроконцепта. *Научная новизна* работы состоит в первом опыте обращения к мотивирующим признакам макроконцепта *власть*. Для достижения цели в статье анализируются этимологические словари русского языка. *Методы и материал исследования.* Основными методами в статье являются дескриптивный, интерпретативный, метод компонентного анализа словарных дефиниций. Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru) стал источником языкового материала; 12 этимологических и историко-этимологических словарей русского языка послужили источником выявления мотивирующих признаков макроконцепта *власть*. *Основные результаты.* Выявленные 20 мотивирующих признаков объединяются в 6 блоков: 1. Общественный статус (8 признаков); 2. Социальная сфера (5 признаков); 3. Державная сфера (2 признака); 4. Региональная сфера (2 признака); 5. Религиозная сфера (2 признака); 6. Имущественная сфера (1 признак). Все мотивирующие признаки сохраняют свою актуальность в русской лингвокультуре, они релевантны современному макроконцепту, т.е. переходят в статус понятийных. На это указывают иллюстративные примеры из Национального корпуса русского языка. Идея власти ассоциируется с сосредоточением ее в руках мужской части населения. В этом состоит специфика восприятия власти как проявления патриархальности культуры.

Ключевые слова: макроконцепт, когнитивные признаки, первопризнак, структура концепта, языковая картина мира, лингвокультурология

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Демидова Е. Е. Макроконцепт *власть* в аспекте мотивирующих признаков // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 4. С. 430–437. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-430-437>

MACROCONCEPT *POWER* IN THE ASPECT OF MOTIVATING SIGNS

E. E. Demidova

Institute of Foreign Languages, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. The relevance of the research is to identify the first signs of the *power* macroconcept in the aspect of its syncretic first images and their preservation in Russian linguoculture. *The purpose* of the article is to identify the motivating signs of the Russian macroconcept *power*. *Tasks:* 1. Analysis of the relevant articles

of the main representative of the macroconcept in the etymological dictionaries of the Russian language. 2. Determination of the complete set of motivating signs of the *power* macroconcept. 3. Studying the language material in the aspect of actualizing the motivating signs of the macroconcept under study. **The scientific novelty** of the work lies in the first experience of addressing the motivating signs of the *power* macroconcept. The article analyzes the etymological dictionaries of the Russian language to achieve the goal. **Materials and methods.** The main research methods are descriptive, interpretive, component analysis of dictionary definitions. The Russian National Corpus (www.ruscorpora.ru) has become a source of language material; 12 etymological and historical-etymological dictionaries of the Russian language served as a source of identifying the motivating signs of the *power* macroconcept. **Research results.** The identified 20 motivating signs are combined into 6 blocks: 1. Social status (8 signs); 2. Social sphere (5 signs); 3. Sovereign sphere (2 signs); 4. Regional sphere (2 signs); 5. Religious sphere (2 signs); 6. Property sphere (1 sign). All motivating signs remain relevant in Russian linguoculture, they are relevant to the modern macroconcept, i.e. become conceptual. This is indicated by illustrative examples from the Russian National Corpus. The idea of power is associated with its concentration in the hands of the male population. This is the specificity of the power perception as a manifestation of the patriarchy of culture.

Keywords: macroconcept, motivating signs, first sign, concept structure, language worldview, linguoculture

The author declares no conflict of interests.

For citation: Demidova E. E. Macroconcept *power* in the aspect of motivating signs. *Vestnik of the Mari State University*. 2021, vol.15, no. 4, pp. 430–437. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-430-437>

Введение

Исследование социальных и политических концептов – одно из приоритетных направлений когнитивной лингвистики. Концепты рассматриваются с разных позиций: способов их реализации в языке, выявления структурных признаков, описываются в разных лингвокультурах в сопоставительном аспекте.

Концептуальные исследования выходят на новый виток своего развития. Если раньше когнитологи и лингвокультурологи сосредоточивали свое внимание на концептах и их структурах, то сейчас они обращаются к изучению макроментальных структур.

В современную лингвистику был введен новый термин – *макроконцепт*. Под *макроконцептом* в языкознании понимается «сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями» [12, с. 94]. В данной статье анализу подвергается макроконцепт *власть* в русской лингвокультуре в аспекте его первопризнаков.

Согласно В.В. Колесову, первоисход слова появляется в форме первообраза, который называется концептумом (лат. *conceptum* 'зерно, зародыш') [7, с. 438]. Это и есть первопризнак концепта. Развиваясь в концептуальной системе, первопризнак обрастает новыми образами, формируя

мирая понятия, абстрагируясь до символа. В.В. Колесов так и определял концепт: образ – понятие – символ [6, с. 30–40].

Определимся с основными терминами, используемыми в работе. «*Мотивирующим* называется такой признак, который послужил основанием для именования некоего фрагмента мира, это внутренняя форма слова» [10, с. 18–19]. По А.А. Потебне, внутренняя форма – это семантическое содержание лексической и грамматической формы [13, с. 68]. В языке существует процесс десемантизации. Вследствие этого часто внутренняя форма слова забывается, вытесняется: вторичные значения замещают первичные. Н.В. Крушевский писал, что в языке отмечается тенденция к забвению внутренней формы: «Чем дальше слово употребляется, тем менее ему нужно сохранять следы своего происхождения и морфологического состава. Насколько это лишнее для значения слова, видно из того, что происхождение слова ускользает от внимания даже и там, где оно совершенно ясно» [8, с. 129–130].

Литературный обзор

Концепт *власть* рассматривался разными исследователями. Д. Лопарева и М. Кипенко в своей монографии представили концепт *власть* в публицистическом дискурсе [9]. М.В. Пименова

определила основные метафоры власти как способ реализации образных признаков концепта *власть* в СМИ [11]. Е. И. Шейгал изучала *власть* как концепт в категориях дискурса [15]. И. В. Ерофеева исследовала концепт *власть* в медиадискурсе [3]. И. Г. Вражнова проанализировала метафорическую объективацию концептов властных структур в современных российских и американских СМИ [2]. О. В. Попова описала лексико-семантическое поле концепта *власть* на материале двух источников: «Домостроя» и «Легенды о княгине Ольге» [16]. В статье А. Д. Васильева были представлены способы вербализации концепта *власть* в языковом сознании жителей города Красноярска [1]. Т. В. Романова для описания концепта *власть* использовала данные русскоязычных интернет-форумов [14]. Концептологи рассматривают смежные с *властью* концепты: К. А. Кокорина исследовала структуру микроконцепта *strength* как часть концепта *power* в британском политическом дискурсе [5]. К теме власти обращаются психологи. М. В. Ильин и А. Ю. Мельвиль исследовали *власть* как феномен психологии личности [4]. Ни в одной из указанных работ не были определены мотивирующие признаки концепта *власть* в русской лингвокультуре, чем определяется и актуальность, и научная новизна статьи.

Основные результаты исследования

Для выявления всего комплекса мотивирующих признаков было проанализировано 12 этимологических и историко-этимологических словарей русского языка. Авторы и составители этимологических словарей указывают на заимствование слова *власть* из церковно-славянского языка¹ или старославянского языка²: подобно *страсть*, с помощью суф. -ть от *voldti (> власти «господствовать, владеть»): dt > tt > ст. (как *честь*). Слова *власть* и *волость* однокоренные: церковнославянское *власть* вытеснило общеславянское *волость* из русского языка. Слово *во-*

лость восходит к основе *volda* «власть» (глагол *владеть* развился именно от этой основы; исконно русский его эквивалент был *володеть*).

Необходимо отметить, что на основе ни одного словаря нельзя выявить полного набора мотивирующих признаков изучаемого макроконцепта. В этимологических словарях можно обнаружить от одного³, двух⁴ до десяти мотивирующих признаков⁵. Обобщим полученные результаты в таблице 1.

Из выявленных 20 мотивирующих признаков только в «Словаре древнерусского языка (XI—XIV вв.)» под редакцией Р. И. Аванесова можно отыскать половину из них (10 позиций). В остальных словарях можно найти меньшее количество мотивирующих признаков. Не всякий этимологический словарь содержит словарную статью основного репрезентанта изучаемого макроконцепта *власть*, приводя в качестве альтернативы статьи со словами *владеть* или *волость*.

Обратимся к языковому материалу, взятому из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru), чтобы определить актуальность обнаруженных мотивирующих признаков для современного русского языка. Все мотивирующие признаки русского макроконцепта *власть* актуализируются в соответствующих контекстах:

1. 'бесы/ нечистая сила'⁶;
2. 'владение/ собственность'⁷;
3. 'владелец'⁸;

³ Успенский Л. В. Владеть // Этимологический словарь школьника. URL: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/v/vladet> (дата обращения: 01.02.2018).

⁴ Крылов Г. А. Волость // Этимологический словарь русского языка. СПб.: Полиграфсервис, 2005. 432 с. С. 75.

⁵ Власть // Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.): в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. Р. И. Аванесов. — М.: Русские словари, 1984. Т. 1. С. 444–446.

⁶ Он находится *во власти* неведомого ему господина, *сверхчеловеческой и нечеловеческой силы*, которая овладевает обществом, не желаям знать Истины, Истины Господа. Н.А. Бердяев. Новое средневековье.

⁷ Вся тяжесть скудных десятин уравнивается счетом письменно-пахотных прикосновений, завершением в родовой чести присутствующего поля *власти* единовременных тушевых межей, меток, мер самодостаточных прописей чьих-то *владений*. Д. Замятин. Геоархитектура и геокаллиграфия.

⁸ Если люди и не чувствуют над собою *власть владетеля*, то все-таки у них есть те гривны владельца их, которые даны им, и им надо что-нибудь делать с ними. Л. Н. Толстой. Соединение и перевод четырех Евангелий // «Толстовский Листок – Запрещенный Толстой». 1995, № 6.

¹ Власть, волость // Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.; Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. Т. 1: (А–Д). М.: Прогресс; 1986. 575 с. С. 327, 344.

² Власть // Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.: Дрофа, 2004. URL: <https://endic.ru/rusethy/Vlast-4860.html> (дата обращения: 12.05.2021).

Таблица / Table

Мотивирующие признаки макроконцепта *власть* / Motivating signs of the power macroconcept

| № /
no.	Мотивирующие признаки макроконцепта <i>власть</i> / Motivating signs of the power macroconcept	Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь РЯ ¹ / Goryaev N. V. Comparative etymological dictionary of the Russian language	Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка ² / Goryaev N. V. Comparative etymological dictionary of the Russian language	Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка / Preobrazhensky A. G. Etymological dictionary of the Russian language	Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.) / Dictionary of the Old Russian language (XI–XIV centuries)	Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка ³ / Dictionary of the Old Russian language (XI–XIV centuries) / Sreznevsky I. I. Materials for the dictionary of the Old Russian language	Успенский Л. В. Этимологический словарь школьника / Etymological dictionary of the schoolchild	Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь / Shansky N. M., Bobrova T. A. School etymological dictionary	Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка ⁴ / Shaposhnikov A. K. Etymological Dictionary of the Modern Russian Language	Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language	Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка ⁵ / Tsyganenko G. P. Etymological dictionary of the Russian language	Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка ⁶ / Chernykh P. Ya. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language	Миклошич Ф. Этимологический словарь славянских языков ⁷ / Miklošich F. Etymological dictionary of Slavic languages
1	2	3	4	5	5	7	8	9	10	11	12	13	14
1.	‘бесы/ нечистая сила’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
2.	‘владение/ собственность’	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+
3.	‘владелец’	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+
4.	‘владыка’	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+
5.	‘властитель’	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
6.	‘властелин’	-	-	+	-	-	-	-	+	-	+	-	+

¹ Горяев Н. В. Владеть // Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис : Тип. Канцелярии Главного нач. гражд. ч. на Кавказе, 1896. 558 с. С. 51.

² Преображенский А. Г. Власть // Этимологический словарь русского языка. М. : Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. Т. 1. 679 с. С. 88.

³ Срезневский И. И. Власть // Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х т. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. Т. I. А-К. С. 273–274.

⁴ Шапошников А. К. Власть // Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2016. Т. I (А-Н). 584 с. С. 124.

⁵ Цыганенко Г. П. Власть // Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. Киев: Рад. шк., 1989. 510 с. С. 62.

⁶ Владеть // Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1999. Т. I. 624 с. С. 156–157.

⁷ Veld // Miklošich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien: Wilhelm Braumüller, 1886. P. 378.

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
7.	‘волость’	+	+	+	-	+	-	+	+	+	+	+	-
8.	‘господство/ владычество’	-	-	-	+	+	-	+	+	-	+	-	-
9.	‘дворянин’	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
10.	‘лица (облеченные властью)’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
11.	‘могущество/ сила’	+	-	+	+	+	-	-	+	-	-	+	-
12.	‘население (определенной территории, организованное в виде отряда/ войска)’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
13.	‘область/ округ’	-	-	-	+	+	-	-	-	-	+	+	+
14.	‘отечество’	-	-	+		-	-	-	-	-	-	-	
15.	‘свобода/ право’	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-
16.	‘собственник (глава дома)’	-	-	+	-	-	-	-	-		-	-	-
17.	‘страна/ княжество/ государство’	-	-	-	+	+	-	-	+	-	-	+	-
18.	‘право/ возможность что-то делать’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-
19.	‘управление’	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	+	-
20.	‘чины (небесной иерархии)’	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-

4. ‘владыка’¹;
 5. ‘властитель’²;
 6. ‘властелин’³;
 7. ‘волость’⁴;
 8. ‘господство/ владычество’⁵;
 9. ‘дворянин’⁶;
 10. ‘лица (облеченные властью)’⁷;

11. ‘могущество/ сила’⁸;
 12. ‘население (определенной территории, организованное в виде отряда/ войска)’⁹;
 13. ‘область/ округ’¹⁰;
 14. ‘отечество’¹¹;
 15. ‘свобода/ право’¹²;
 16. ‘собственник (глава дома)’¹³;

¹ Так вот *власть* этих *владык* зримо ничуть не была поколеблена. В. Баевский. Счастье.

² Представители *власти*, *властители* дум. Ж. Касьяненко. Бей фашизм – спасай Россию! // Советская Россия 2003.04.08.

³ Он не имеет ни отечества, ни благ земных, и между тем как мы, бедные, заботимся о славе, о *власти*, о сокровищах, он стоит наравне с *властелинами* земли и ему поклоняются». А. А. Тарковский. Мартиролог.

⁴ Громыхалов – это не ты ли прошлый год разгонял Советскую *власть* в Панковской *волости*? С. Залыгин. Солёная Падь.

⁵ Провозглашённая в этой речи идея *господства* силы и захватной *власти* вместо господства принципов права прямо чудовищна. Б.А. Кистяковский. В защиту права.

⁶ Значит, народное представительство лишь усилит аристократию и этим отодвинет Россию назад, ибо в нынешней стадии русского развития самодержавная власть одна может сдерживать *власть дворян* над народом. А.К. Виноградов. Повесть о братьях Тургеневых.

⁷ Опасения в отношении неликвида в 2002 году разделяют доктор экономических наук Олег Баргенов <...> и, что удивительно, сама *власть в лице* Владимира Григорьева, подтвердившего, что на складах издательств пылятся мил-

лионы экземпляров непроданных книг. Почем нынче малый золотник // Витрина читающей России, 2002.06.28.

⁸ Странно даже, что декабристы не оценили тургеневского текста по достоинству, а вот неприятие Жуковского легко объяснимо: поэт всё ещё верил во *всесилие власти*. Как весна, так все коты // «Домовой», 2002.03.04.

⁹ Оккупационные *власти* вообще и *войска* в частности должны как можно быстрее создать такие условия, при которых они могли бы покинуть территорию оккупированного государства. В. В. Путин. Заявление для прессы по окончании российско-мексиканских переговоров.

¹⁰ Благоволят команде и *власти области*, хотя в отдаленной перспективе многое будет зависеть от губернаторских выборов. О. Скворцов, Д. Глухих, А. Харитонов. Футбол не стоит денег // Совершенно секретно, 2003.08.09.

¹¹ На то она и поставлена, чтоб формировать гармонически развитую личность, если, конечно, это *народная, национальная власть*. В. Плотников. СМИ без цензуры – диктатура халтуры // Советская Россия. 2003.08.19.

¹² И здесь уже нужен не очередной закон, а политическая *воля власти*. А. Садчиков. Экстремальная политика.

¹³ Николай понимал *власть царя* как *власть хозяина*. Г. И. Чулков. Императоры: Психологические портреты.

17. 'страна/ княжество/ государство'¹;
18. 'право/ возможность что-то делать'²;
19. 'управление'³;
20. 'чины (небесной иерархии)'⁴.

Заключение

Выделенные 20 мотивирующих признаков можно представить в виде 6 блоков: 1. Социальная сфера ('господство/ владычество'; 'могущество/ сила'; 'свобода/ право'; 'право/ возможность что-то делать'; 'управление'); 2. Общественный статус ('владелец'; 'владыка';

'властитель'; 'властелин'; 'дворянин'; 'лица (облеченные властью)'; 'население (определенной территории, организованное в виде отряда/ войска)'; 'собственник (глава дома)'); 3. Имущественная сфера ('владение/ собственность'); 4. Державная сфера ('отечество'; 'страна/ княжество/ государство'); 5. Региональная сфера ('волость'; 'область/ округ'); 6. Религиозная сфера ('бесы/ нечистая сила'; 'чины (небесной иерархии)'). Второй блок «Общественный статус» сосредоточен на «мужских» социальных ролях – воине, повелителе, хозяине дома, духовном лидере (*Это часть сложного феномена, в рамках которого пересекаются классобразование, национальное и религиозное строительство и усиление патриархата, то есть «мужской власти»*). М. Нестеренко. В либеральном контексте феминизм попадает в ловушку). Это связано с централизацией власти в руках мужской части населения.

Все мотивирующие признаки функционируют в современном русском языке, они релевантны современному макроконцепту, а следовательно, переходят в статус понятийных. На это указывают примеры из Национального корпуса русского языка. Идея власти ассоциируется в сознании современных носителей языка с проявлением маскулинности. В этом проявляется специфика восприятия власти как проявления патриархальности культуры.

¹ Пугачев манифестом 31 июля 1774 года противогосударственно предвосхитил манифест 19 февраля 1861 г. Неудача его «воровского» движения была неизбежна: если освобождение крестьян в XVIII и в начале XIX в. было для государства и верховной власти – по причинам экономическим и иным – страшно трудным делом, то против *государства и власти* осуществить его тогда было невозможно. П. Б. Струве. Интеллигенция и революция.

² У меня *есть власть на это*. Отпускаю на свободу! Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом.

³ Хорошо бывает Вячеслав Илларионович на больших званых обедах, даваемых помещиками в честь *губернаторов и других властей*: тут он, можно сказать, совершенно в своей тарелке. И. С. Тургенев. Два помещика.

⁴ Я желаю, чтобы император австрийский и король прусский соединились со мною в этом акте богопочтения, чтобы люди видели, что мы, как восточные маги, признаем верховную *власть Бога-спасителя*. Г. И. Чулков. Императоры: Психологические портреты.

1. Васильев А. Д. Вербализация концепта *власть* в языковом сознании красноярцев // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2015. № 2 (32). С. 207–213. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalizatsiya-kontsepta-vlast-v-yazykovom-soznanii-krasnoyartsev> (дата обращения: 10.05.2021).

2. Вразнова И. Г. Метафорическая репрезентация властных структур в современных российских и американских СМИ // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. 2009. Т. 9. № 4. С. 25–32. URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/journals/izvestiya/pdf/2013/12/13/06_vrazhnova.pdf (дата обращения: 13.05.2021).

3. Ерофеева И. В. Концепт «*власть*» в медиадискурсе: дихотомия репрезентации // Вестник Читинского государственного университета. 2009. №1 (52). С. 167–171. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11915275> (дата обращения: 14.05.2021).

4. Ильин М. В., Мельвиль А. Ю. Власть // Психология и психоанализ власти / Ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара : Бахрах-М, 2016. С. 51–58.

5. Кокорина К. А. Языковые средства репрезентации микроконцепта STRENGTH как составляющей концепта POWER/СИЛА в британском политическом дискурсе // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2020. № 3. С. 79–85. URL: <https://vestnik-rosnou.ru/человек-в-современном-мире-human-modern-world/2020/3/79> (дата обращения: 12.05.2021).

6. Колесов В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1992. № 3. С. 30–40.

7. Колесов В. В. «Первосмысл» концепта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. № 3. С. 438–452. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309>

8. Крушевский Н. В. Очерк науки о языке // Известия и ученые записки Императорского Казанского ун-та. Казань. 1883. Т. 19. Январь–апрель.

9. Лопарева Д., Кипенко М. Концепт *власть* в современной публицистике: аксиологический аспект. LAP: Lambert Academic Publishing 2012. 168 с.

10. Пименова М. В., Бакирова А. А. Символический макроконцепт «вселенная» в аспекте первопризнака в русской лингвокультуре // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 1. С. 92–101. DOI: <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-1-92-101>
11. Пименова М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография // Серия «Концептуальные исследования» Кемерово : КеМГУ, 2007. № 9. 500 с.
12. Пименова М. В. Власть и политика: метафоры в дискурсе СМИ // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2012. № 17. С. 147–153. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21427670> (дата обращения: 14.05.2021).
13. Потебня А. А. Теоретическая поэтика // Высшая школа. 1990. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/teoretich/text.pdf> (дата обращения 3.11.2020).
14. Романова Т. В. Концепт *власть* по данным русскоязычных интернет-форумов // Семантика. Функционирование. Текст / Под ред. Л. В. Калинина. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2018. С. 243–249. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/226645257.pdf> (дата обращения: 12.05.2021).
15. Шейгал Е. И. *Власть* как концепт и категория дискурса // Эссе о социальной власти языка. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 57–64.
16. Popova O. V. Lexico-semantic field of the concept “power” (based on the material of “Domostroy” and “The legend of princess Olga”) // SAHD 2021. SHS Web of Conferences 101. 2021. Vol. 101. Pp. 1–6. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202110101003>

Статья поступила в редакцию 04.11.2021 г.; одобрена после рецензирования 26.11.2021 г.; принята к публикации 02.12.2021 г.

Об авторе

Демидова Евгения Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент, Институт иностранных языков (199178, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Линии Васильевского острова, д. 13), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0151-5316>, Demidova_Eu@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Vasilyev A. D. Verbalizatsiya kontsepta vlast' v yazykovom soznanii krasnoyartsev [The verbalization of the concept “power” in the linguistic consciousness of Krasnoyarsk citizens]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, 2015, no. 2 (32), pp. 207–213. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/verbalizatsiya-kontsepta-vlast-v-yazykovom-soznanii-krasnoyartsev> (accessed 10.05.2021). (In Russ.).
2. Vrazhnova I. G. Metaforicheskaya reprezentatsiya vlastnykh struktur v sovremennykh rossiiskikh i amerikanskikh SMI [Metaphorical representation of authorities in power in modern mass media of Russia and USA]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta* = Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2009, vol. 9, no. 4, pp. 25–32. Available at: https://www.sgu.ru/sites/default/files/journals/izvestiya/pdf/2013/12/13/06_vrazhnova.pdf (accessed 13.05.2021). (In Russ.).
3. Erofeeva I. V. Kontsept vlast' v mediadiskurse: dikhotomiya reprezentatsii [Concept “power” in media discourse: dichotomy of representation]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Chita State University, 2009, no. 1 (52), pp. 167–171. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11915275> (accessed 14.05.2021). (In Russ.).
4. Ilyin M. V., Melville A. Yu. Vlast' [Power]. *Psikhologiya i psikhoanaliz vlasti* / Red.–sost. D. Ya. Raigorodsky = Psychology and psychoanalysis of power, ed.–comp. D. Ya. Raigorodsky, Samara, Bakhrakh-M Publ., 2016, pp. 51–58. (In Russ.).
5. Kokorina K. A. Yazykovye sredstva reprezentatsii mikrokontsepta STRENGTH kak sostavlyayushchei kontsepta POWER/SILA v britanskom politicheskom diskurse [Language means of representation of the STRENGTH microconcept as a component of the POWER concept in the British political discourse]. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire* = Vestnik of Russian New University. Series: Human in the modern world, 2020, no. 3, pp. 79–85. Available at: <https://vestnik-rosnou.ru/человек-в-современном-мире-human-modern-world/2020/3/79> (accessed 12.05.2021). (In Russ.).
6. Kolesov V. V. Kontsept kul'tury: obraz – ponyatie – simvol [The concept of culture: image – concept – symbol]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. 2, Istoriya, yazykoznanie, literaturovedenie* = Vestnik of SPbSU. Ser. 2, History, linguistics, literary criticism, 1992, no. 3, pp. 30–40. (In Russ.).
7. Kolesov V. V. “Pervosmysl” kontsepta [“Pervosmysl” of the concept]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* = Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature. 2018, vol. 15, no. 3, pp. 438–452. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309>
8. Krushevsky N. V. Oчерк nauki o yazyke [Essay on the science of language]. *Izvestiya i uchenye zapiski Imperatorskogo Kazanskogo un-ta* = News and scientific notes of the Imperial Kazan University, Kazan, 1883, vol. 19, January–April. (In Russ.).
9. Lopareva D., Kipenko M. Kontsept vlast' v sovremennoi publitsistike: aksiologicheskii aspekt [The concept of power in modern journalism: an axiological aspect]. Lambert Academic Publishing, 2012, 168 p. (In Russ.).

10. Pimenova M. V., Bakirova A. A. Simvolicheskii makrokontsept “vselennaya” v aspekte pervopriznaka v russkoi lingvokul'ture [Symbolic macroconcept of the *universe* in the aspect of the first cognitive sign in Russian linguoculture]. *Gumanitarnyi vektor* = Humanitarian Vector, 2021, vol. 16, no. 1, pp. 92–101. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-1-92-101>
11. Pimenova M. V. Kontsept *serdtse*: obraz, ponyatie, simvol: monografiya [The concept of *heart*: image, concept, symbol: monograph]. Series “Conceptual studies”, Kemerovo, KemGU Publ., 2007, no. 9, 500 p. (In Russ.).
12. Pimenova M. V. Vlast' i politika: metafory v diskurse SMI [Power and politics: metaphors in media discourse]. *Lingvotricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty* = Linguistic and rhetorical paradigm: theoretical and applied aspects, 2012, no. 17, pp. 147–153. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21427670> (accessed 14.05.2021). (In Russ.).
13. Potebnya A. A. Teoreticheskaya poetika [Theoretical poetics]. Compilation, introductory article, comments by Muratov A. B., M., Vysshaya shkola Publ., 1990, 344 p. [Electronic resource]. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/teoretich/text.pdf> (accessed 3.11.2020). (In Russ.).
14. Romanova T. V. Kontsept *vlast'* po dannym russkoyazychnykh internet–forumov [The concept of *power* according to Russian-language Internet forums]. *Semantika. Funktsionirovanie. Tekst: Mezhevuzovskii sbornik nauchnykh trudov s mezhdunarodnym uchastiem / Pod red. L. V. Kalininoi* = Semantics. Functioning. Text: Interuniversity collection of scientific papers with international participation, edited by L. V. Kalinina, Kirov, Raduga-PRESS Publishing House, 2018, pp. 243–249. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/226645257.pdf> (accessed 12.05.2021). (In Russ.).
15. Sheigal E. I. Vlast' kak kontsept i kategoriya diskursa [Power as a concept and a category of discourse]. *Esse o sotsial'noi vlasti yazyka* = Essays on the social power of language, Voronezh, 2001, pp. 57–64. (In Russ.).
16. Popova O. V. Lexico-semantic field of the concept “power” (based on the material of “Domostroy” and “The legend of princess Olga”). *SAHD 2021. SHS Web of Conferences* 101, 2021, vol. 101, pp. 1–6. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202110101003>

The article was submitted 04.11.2021; approved after reviewing 26.11.2021; accepted for publication 02.12.2021.

About the author

Eugenia E. Demidova

Ph. D. (Philology), Associate Professor, Institute of Foreign Languages (13 Lines of Vasilievsky Island, St. Petersburg 199178, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0151-5316>, Demidova_Eu@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 81'27

DOI 10.30914/2072-6783-2021-15-4-438-446

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РОДСТВА В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: МИРСКОЕ, САКРАЛЬНОЕ И ДЕСАКРАЛИЗОВАННОЕ (НА ПРИМЕРЕ МАКРОКОНЦЕПТА МАТЬ И КОНЦЕПТА СЫН)

Г. О. Ибраимова¹, А. А. Касимова²

¹Министерство образования и науки Кыргызской Республики, г. Бишкек, Кыргызская Республика

²Международный университет Кыргызстана, г. Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация. Введение. Актуальность проводимого исследования заключается в том, что обнаруживается взаимосвязь между мотивирующими признаками макроконцепта *мать* и его символическими признаками ('богородица', 'земля', 'племенная пчела (матка)', 'начало', 'причина', 'источник') и мотивирующими признаками концепта *сын* ('беременность', 'имеющий ближайшую связь с чем-либо', 'младший князь (по отношению к великому князю)', 'потомок', 'ребенок/ человек', 'роды', 'рождать/ родить/ производить/ плодить', '(по)рожденный', 'плод', 'происходящий от кого или от чего'; '(вторая) ипостась Троицы', 'духовный сын'). Научная новизна работы состоит в первом опыте обращения к теме концептуализации кровных взаимоотношений между матерью и сыном в русской лингвокультуре. Основная **цель** статьи – описание особенностей концептуализации кровного родства, а именно материнско-сыновних взаимоотношений в русской лингвокультуре. Задачи статьи: 1) определить закрепленные сферы экспликации концептуальных признаков *матери* и *сына*; 2) выявить способы объективации соответствующих трем уровням когнитивных признаков. **Методы и материал исследования.** В статье используется комплекс методов лингвистического анализа: дескриптивный, интерпретативный, концептуальный, метод анализа словарных дефиниций. Данный набор позволяет решить поставленные авторами статьи задачи. Материал исследования взят из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). Для двух основных репрезентантов макроконцепта *мать* корпус выдает 11081 контекст (10075 на слово *мать* и 1006 – на слово *матка*). Для слова *сын* – основного репрезентанта концепта *сын* – корпус выдает 15878 контекстов. **Заключение.** Актуализация концептуальных признаков *матери* и *сына* происходит на трех уровнях восприятия этой сферы жизни: 1) мирском; 2) божественном (сакральном); 3) десакрализованном (обесцененном, ироничном).

Ключевые слова: концепт, макроконцепт, когнитивные признаки, лексика родства, языковая картина мира, лингвокультурология

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Ибраимова Г. О., Касимова А. А. Концептуализация родства в русской лингвокультуре: мирское, сакральное и десакрализованное (на примере макроконцепта *мать* и концепта *сын*) // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 4. С. 438–446. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-438-446>

CONCEPTUALIZATION OF KINSHIP IN RUSSIAN LINGUOCULTURE: MUNDANE, SACRED AND DESACRALIZED (ON THE EXAMPLE OF THE MACROCONCEPT MOTHER AND THE CONCEPT SON)

G. O. Ibraimova¹, A. A. Kasymova²

¹Ministry of Education and Science of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic

²International University of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyz Republic

Abstract. Introduction. There is a relationship between the motivating signs of the macroconcept *mother* and its symbolic signs ('Mother of God', 'earth', 'breeding bee (queen)', 'beginning', 'reason', 'source') and motivating signs of the concept *son* ('pregnancy', 'having the closest relationship with something', 'younger prince (in relation to the grand duke)', 'descendant', 'child / person', 'childbirth', 'give birth / produce / procreate', '(by) born', 'fruit', 'originating from someone or something'; '(second) hypostasis of the Trinity', 'spiritual son'). The scientific novelty of the work consists in the first experience of addressing the conceptualization of the blood relationship between mother and son in Russian linguistic culture. **The main purpose** of the article is to describe the signs of the conceptualization of consanguinity, namely, maternal-filial relationships in Russian linguoculture. Objectives of the article: 1. to identify the three fixed spheres of explication of conceptual signs of *mother* and *son*; 2. to identify ways of objectification of the corresponding three levels of cognitive signs. **Research methods and material.**

The article uses a complex of methods of linguistic analysis: descriptive, interpretive, conceptual, the method of analyzing dictionary definitions. This complex allows to solving the tasks set by the authors of the article. The research material was taken from the National Corpus of the Russian Language (www.ruscorpora.ru). The corpus produces 11081 contexts (10075 for the word *mother* and 1006 for the word *womb* – the two main representatives of the macroconcept *mother*. For the main representative of the concept *son* – the word *son* – the corpus gives out 15,878 contexts. **Conclusion.** Actualization of *mother* and *son* conceptual signs occurs at three levels of perception of this sphere of life: 1. Mundane; 2. Divine (sacred); 3. Desacralized (depreciated, ironic).

Keywords: concept, macroconcept, cognitive signs, kinship vocabulary, language worldview, cultural linguistics

The authors declare no conflict of interests.

For citation: G. O. Ibraimova, A. A. Kasymova Conceptualization of kinship in Russian linguoculture: mundane, sacred and desacralized (on the example of the macroconcept *mother* and the concept *son*). *Vestnik of the Mari State University*. 2021, vol. 15, no. 4, pp. 438–446. (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-438-446>

Введение

Концептуальные исследования – одно из перспективных направлений современной лингвистики. Изучение концептов помогает проникнуть в неизведанные глубины языковой картины мира и языковой личности. Концепты «способны эксплицировать мировоззренческие, этические, религиозные потенции языковой личности, репрезентировать индивидуально-авторскую картину мира творческой личности» [8, с. 99].

Когнитивная лингвистика XXI века ознаменовалась введением в свой терминологический аппарат новых терминов – *макроконцепт*, *символический макроконцепт* и так далее. «Под *макроконцептом* понимается сложное ментальное образование, связанное с концептами, входящими в его структуру, родо-видовыми отношениями»¹.

В статье изучаются два объекта: *мать* как макроконцепт, *сын* как концепт. *Мать* отнесена к типу макроконцептов вследствие того, что в структуру включены когнитивные признаки, являющиеся самостоятельными концептами: ‘творец’, ‘богородица’, ‘земля’, ‘племенная пчела (матка)’, ‘начало’, ‘причина’, ‘источник’. *Символический макроконцепт* – это «ментальное образование, у которого первопризнак (conceptum) в виде одного или нескольких мотивирующих признаков выражает определенный символ лингвокультуры» [14, с. 93]. О первопризнаке-концептуме писал В. В. Колесов: «Необходимо распознать пути возникновения первосмысла

в образной форме первообраза, совместно именуемых концептумом (лат. conceptum ‘зерно, зародыш’), как первоначального состава концепта (лат. conceptus ‘содержащий’), последовательно образующего новые формы – образа, символа и понятия» [9, с. 438]. Символическим является такой «(макро)концепт, мотивирующие признаки которого восходят к известному или утраченному мифу; эти признаки разворачиваются в разном объеме в виде образных, понятийных, ценностно-оценочных и собственно символических признаков, но уже в другом объеме по отношению к другим концептам» [15, с. 68]. Народно-поэтические выражения, широко распространенные в фольклорных текстах, сохранили утраченные символы русской лингвокультуры: *мать сыра земля*, *Родина-мать*, *Россия-матушка* и так далее.

Мать – древний символический макроконцепт. «Символ матери можно отыскать в соответствующей мифологеме: Великая Богиня-мать – родительница всего живого на земле, кормящая и растящая всех. Мифологема – это часть мифа, утратившая четкие черты в связи с забытостью исходного образа, сохранившая в фольклоре наиболее устойчивые признаки символа, восходящие к определенному сюжету или персонажу. Все народы исповедовали культ Великой Богини-матери в эпоху матриархата» [16, с. 131].

Литературный обзор

Концепт *мать* неоднократно становился объектом лингвистических исследований. Многие из них носят сопоставительный характер. В русском и английском языках концепт *мать* был описан в статьях: Н. К. Аванесян [1], М. В. Низамиевой [12],

¹ Пименова М. В. Концепты внутреннего мира (Русско-английские соответствия) : дисс... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2001. С. 32.

М. А. Андреяновой и Г. А. Багаутдиновой на материале романов М. Горького и Дж. Э. Стейнбека [2]; в русском и французском языках – М. В. Низамиевой и Д. Р. Рахимовой [13]. Есть статья А. О. Гниевой по теме концепт *mother* (мать) в индивидуально-авторской картине мира (в серии романов Джоан Роулинг «Гарри Поттер») [5] и статья К. Сепра о полисемии слова *mother* в аспекте концептуальных признаков [19]. М. А. Андреянова в своей кандидатской диссертации исследовала концептосферу материнства в русском, английском и французском языках¹. Я. Вежбиньски сопоставил концепт *мать* в русской и польской лингвокультурах [4], Ани Рахмат – в русской и индонезийской фразеологии [3]. Существует ряд статей по сравнению смежных концептов: О. П. Фесенко изучила на словарном материале концепт «Родина» в русской и арабской лингвокультурах [18], О. А. Чибышева – концепт «женщина» на материале русских и английских фразеологизмов², E. Hentschel, H. Keller – культурные концепты *родительства* [20].

Концепт *сын* описан фрагментарно в двух статьях. Г. М. Гимашева проанализировала концепты *отец* («Ата») и *сын* («Ул») на материале романа «Салават» Мустая Карима [6]. Б. С. Дугаров проследил генезис концепта *сына неба*, связав его с прообразом Гэсэра в монгольской картине мира [7].

С позиций символического макроконцепта, связи мотивирующих признаков с мифами лингвокультуры макроконцепт *мать* и концепт *сын* изучены не были, в этом состоит научная новизна проводимого в этой статье исследования.

Основные результаты

Выделенные на основе анализа этимологических и историко-этимологических словарей³ пер-

вопризнаки макроконцепта *мать* и концепта *сын* позволяют сделать вывод, что существует тесная взаимосвязь между мотивирующими признаками макроконцепта *мать* и его символическими признаками («богородица», «земля», «племенная пчела (матка)», «начало», «причина», «источник») и мотивирующими признаками концепта *сын* («беременность», «имеющий ближайшую связь с чем-либо», «младший князь (по отношению к великому князю)», «потомок», «ребенок/ человек», «роды», «рождать/ родить/ производить/ плодить», «(по)рожденный», «плод», «происходящий от кого или от чего»; «(вторая) ипостась Троицы», «духовный сын»).

В русской лингвокультуре *мать* и *сын* могут быть описаны в аспекте трех уровней восприятия сферы родственных взаимоотношений: 1) мирское; 2) божественное; 3) десакрализованное. Эта сфера знаний пересекается с духовным кодом лингвокультуры, в котором В. А. Маслова выделяет

Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. СПб. : Полиграфсервис, 2005. 231 с. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. Т. I (А–О). С. 516. Семёнов А. В. Этимологический словарь русского языка. М. : ЮНЕСКО, 2003. URL: <http://endic.ru/rusethy/Mat-1905.html> (дата обращения: 01.01.2021). Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1982. Т. 9 (М). С. 44–48. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II (Л–П). Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1902. С. 118–119. Успенский Л. В. Этимологический словарь школьника. URL: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/c/сын>. (дата обращения: 02.03.2021). Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М. : Прогресс, 1986. Т. II. С. 583–584. Т. III. С. 817–818. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: более 5000 слов. 2 изд., перераб. и доп. К.: Рад. шк., 1989. С. 227, 417. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2-х т. М. : Русский язык, 1999. Т. I. С. 516; Т. 2. С. 221. Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/m/мать> (дата обращения: 01.01.2021). Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М. : Дрофа, 2004. URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/c/сын> (дата обращения: 02.04.2021). Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М. : Флинта, Наука, 2010. Т. I. С. 500. Шимкевич Ф. Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и двадцатью четырьмя иностранными языками. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1842. Ч. I. С. 138–139; Т. II. С. 76. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева. М. : Наука, 1993. Вып. 18. С. 16–18.

¹ Андреянова М. А. Реализация концептосферы «материнство» в русском, английском и французском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2012. 206 с.

² Чибышева О. А. Концепт «женщина» в русской и английской фразеологии (на материале предметных фразеологизмов, именующих женщину): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 250 с.

³ Аванесов Р. И. Словарь древнерусского языка (XI–XIV): в 10 т. Т. IV (изживати – моление). М. : Русский язык, 1991. С. 512–514. Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис : Типография канц. Главнонач. гр. ч. на Кавказе, 1896. С. 203, 356. Изюмов М. Опыт словаря русского языка сравнительно с языками индоевропейскими: в 4-х отделах. Санкт-Петербург : Издание книгопродавца Н. А. Шигина, 1880. С. 115–116.

две стороны: «Духовный код существует в двух ипостасях – сакральной и светской» [11, с. 50].

Мирской уровень – это повседневная жизнь в семье, быт, взаимоотношения матери и сына. Этот уровень включает в себя описания interpersonalных отношений между матерью и сыном: вынашивание, рождение, именование, воспитание, забота, опека, жизнь, эмоциональные состояния. Именно эти области жизнедеятельности актуализируются в контекстах (*Опуская подробности, резюмирую: после осмотра пациентку быстренько отправили в родильное отделение, где через несколько часов у нее родился здоровенький мальчонка, которому мать дала такое непривычное на итальянское ухо имя. Е. Пушкарская. Пострижение в мамы // Огонек. 2015; До самой темноты сидели мать и сын на балконе пятого этажа, – наслаждаясь тишиной предпраздничного вечера. К. В. Арутюнова. Весна на русской улице; В миру у него остались только мать и дядя, брат матери, с которым мать никогда о своем сыне не говорила... С. Шикера. Египетское метро; Однако мать не уставала напоминать сыну об этом каждый день. В. М. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко; «Я должен быть не сын моей матери и моего отца, не брат Володи, а несчастный сирота, подкидыш, взятый из милости», – говорю я сам себе, и нелепая мысль эта не только доставляет мне какое-то грустное утешение, но даже кажется совершенно правдоподобной. Л. Н. Толстой. Отрочество). В ситуациях кризиса в стране, когда меняется господствующая идеология, стереотипные признаки взаимоотношений в семье нарушаются (*Муж жену сдает, сын – мать (обратно бывает реже), а брат брата, друг друга – это уж как общее правило. Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей).**

Метафорические способы объективации этих признаков затрагивают эти же сферы жизни. Для их экспликации используется зооморфный код (*Даже мать прозвала сына Теленком. «У других сыновья как сыновья, себя в обиду не дадут, а мой – ровно теленок». А. Генатулин. Золото Колчака; «Выросли, змееныши, матку защищайте...» – говорил его взгляд, когда, затихнув, он ошалело глядел на нас с кровати. Г. Жженов. Прожитое; Мать-одиночка, вполне еще молодая, но, видимо, рано поблекшая, и угловатый подросток-волчонок. К. В. Арутюнова. Весна на русской улице; Как павлин, как петух сын распус-*

кал перья. Растерянная мать не узнавала сына. В. М. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко), соматический код (Но только зачем: какая там шкатулка, когда на одно лицо мать и сын. Д. Рубина. Медная шкатулка), театральный код (Произошла драматическая сцена между матерью и сыном, который до этого случая был всегда почтительным и послушным. В. П. Катаев. Алмазный мой венец), предметный / артефактный код лингвокультуры (Чуть позже рядом с ним оказывалась «има» – его престарелая мать, – точная копия сына, – со сверкающим из-под кустистых бровей взглядом и орлиным профилем. К. В. Арутюнова. Весна на русской улице; Сын и мать были точными копиями друг друга. В. М. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко). «Соотношение кода и метафоры имеет диалектический характер, формально код может совпадать с метафорой, может перерасти ее, но какую бы развитую форму не получил код, он чаще всего сохраняет метафорическую природу» [17].

На этом уровне происходит разделение макроконцепта *мать* на два концепта – *свекровь* и *теща*. Эти концепты существенно разнятся между собой, т.к. первым из них актуализируются отношения между матерью и взрослым сыном и его женой (*Однако мать его, тощая Троеглазиха, стала гнобить Наталью сразу. В. М. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко*). Для второго концепта актуально описание взаимоотношений между матерью и взрослой дочерью и ее мужем.

В Древней Руси существовала еще одна область, важная для актуализации макроконцепта *мать*: власть и право наследования (*Мы попросили наших экспертов прокомментировать популярные мифы о князе Владимире, его семье и Крещении Руси. Мать князя Владимира была рабыней Это правда. По крайней мере, так утверждает летопись. Форум 2016. 5 мифов о князе Владимире*). При патриархальной системе передача власти по наследству происходила по линии отца. При этом также важным было то, кто являлся матерью наследника (*В ситуации, когда у правителя на стороне родился ребенок, огромное значение играет то, кто мать ребенка. Форум 2016. 5 мифов о князе Владимире*). В. В. Колесов отмечал: «Сыновья одного отца, князя Владимира, но от разных матерей – всего лишь сродники, жизнью обязанные разным “рожаницам”. Рождение связано с Родом, это верно, но в начале XI в.

правят все еще «рожаницы». Такова исходная, идущая из родовых отношений, точка развития княжеских междоусобий» [10, с. 16].

2. Божественный уровень реализует описание действующей в России религии – христианства. Мать Иисуса Христа – богородица – Дева Мария. Сын богородицы называется Господом (*И снова, и снова, как Рахиль древняя, как Мария Матерь Господа, омывает мать слезами постаревшее свое лицо, мать над сыновним трупом, над женихом невеста, и сестра над братом.* Б. К. Зайцев. Улица св. Николая). Дева Мария имеет эпитет *Пречистая* (*Это должны помнить и знать и теперешие его хулители, если только они сами не отрицают веры во Христа и почитания Пречистой Его Матери.* С. Н. Булгаков. Судьба Израиля как крест Богородицы). Чистота – символ святости.

Смерть Иисуса Христа считается жертвой, принесенной ради спасения человечества (*Но потом, когда духовенство поставило вопрос ребром, что если они не согласятся, то русская земля погибнет, мать фактически отдала единственного сына в жертву, препоручив его заступничеству Богородицы – через Феодоровскую икону, которая с тех пор считалась святыней Дома Романовых: этот образ был специально доставлен на выставку из Костромы.* В. Краснова, П. Кузенков. Романовы: империя верных). «На основе мировоззренческих идеалов христианства формируются определенные духовные сущности – духовный код, религиозные концепты, – наполненные ценностными смыслами и составляющие сакральный центр культуры» [11, с. 49].

Религиозный символизм переносится в сказочный дискурс, где сын – всегда герой, спасающий и защищающий своих близких. В сказочном дискурсе о Гарри Поттере этот мотив трансформируется в обоюдную защиту: матери сына и сына матери (*Получается красивая сквозная симметрия – сначала мать закрывает своего сына, потом выросший герой закрывает мать.* М. В. Строганова, иеромонах Димитрий. Евангелие в мире волшебства: Гарри Поттер (2015.09.24).

В советское время, в эпоху атеизма, культ матери и ее сына был переосмыслен и перенесен на образы Родины-матери и ее сына-защитника Отечества, воплощенные в памятниках (*Мы стояли у подножия монумента, где огромная каменная Родина-мать протягивала винтовку*

своему каменному сыну. В. Г. Месяц. Преступление и наказание).

3. Десакрализованный уровень описания передает значения существовавших ранее верований. В связи со сменой религий то, что было первоначально сакральным, десакрализуется, обесценивается: «Славяне – язычники, они поклонялись многим богам, которых христиане называли впоследствии бесами» [10, с. 14]. Вследствие этого появляются инвективные формулы *сукин сын*, *к чертовой матери* (*Что всякий сукин сын мать и отца слушаться должен.* Е. И. Замятин. Слово предоставляется товарищу Чурьгину; – *Прости-те... – прохрипел Стёпа, чувствуя, что <...> сию минуту он головой вниз полетит к чертовой матери в преисподнюю.* М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита). Вариантом выражения *чертова мать* является *чертова бабушка*.

Не только мать, но и сын может получить табуированное имя (*В рассказе «Папаша хресный» (1924) вполне благополучная мать зовет домой сынишку: «Иди, говорят, чертенок!* С. Г. Боровиков. Небунин, или Россия, которую мы не потеряли). Связь исследуемых концептов с чертом и преисподней обусловлена сменой религии. Как пишет А. Камчатнов, «значение ‘нечистая сила’ у слова *черт* является вторичным; это значение активизировалось, очевидно, после принятия христианства как народный синоним заимствованных слов *дьявол, сатана*»¹. О. Н. Трубочев, сближая праславянское слово *čьrtъ со словенским *čřtъ «раскорчеванное место», пишет: «Формальное тождество *čьrtъ ‘черт’ со словен. *čřtъ ‘раскорчеванный участок’, ‘межа’ <...> показывает, что инновация *čьrtъ ‘черт’ была семантической. Анализ собственной словопроизводной активности праслав. *čьrtъ, его словообразовательного поля (*čьrtoryja, *čьrtьсь) делает возможной семантическую реконструкцию как ‘тот, кто роет’. <...> Словен. *čřtъ ‘раскорчеванное место; межа’, а также производное от *čьrtъ *čьrtьсь (см.) включают идею ‘резать, рыть, копать’»². Отсюда – связь черта с землей и тем, что находится под ней (*преисподняя*). Земля – объект почитания на Руси до принятия христианства (*земля-матушка*). После смены религии

¹ Камчатнов А. Чёрт // Древослов. URL: <http://www.drevoslov.ru/cherttree/2638-chyort> (дата обращения: 07.05.2021).

² Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубочева. М.: Наука, 1993. Вып. 4. С. 165–166.

прежний культ был вытеснен, а существовавшие боги – забыты или подвергнуты порицанию.

Дескрализация затрагивает, судя по когнитивным признакам, бытовавший культ Великой Богини-матери, который был отвергнут в связи с переходом общества в новую религию и новую систему взаимоотношений – патриархату. Использование инвективов приоритетно в мужской речи (– *А ну вас всех к матери!* – неожиданно крикнул он и согнулся, как раньше. В. Т. Шалямов. Колымские рассказы).

Некоторые встреченные в языковом материале выражения относятся к просторечию: *показать кузькину мать* и другое. (*Мы построили из него фрегаты, корветы и бриги, показали крымскому хану и туркам кузькину мать и... Крыма тоже нет. М. Б. Бару. Повесть о двух головах; Потому, <...> что теперь надо всеми министрами состоит при царе свой мужик под именем Григорий Ефимыч, и он им всем кузькину мать покажет. Е. И. Замятин. Слово представляется товарищу Чурьгину.*)

Десакрализация не всегда сопровождается иронией и сарказмом. В описаниях окружающего мира, прежде всего, сообщества некоторых насекомых встречается лексика родства, передающая значение биологических, интерперсональных и иных взаимоотношений в пчелином рое, уподобляемых человеческим. Рой возглавляет главная пчела – матка. В мифологии упо-

минают «широко распространенную связь пчелы именно с богоматерью как женой бога (или его матерью). <...> Пчелиная матка обычно выступает как символ верховной власти, плодородия, богини-матери (эмблема девы Марии)»¹. Этим обусловлено именование главной пчелы в улье антропоморфным названием. Все пчелы в рое – единая семья. Роем управляет матка – глава рода и его основательница (*Если мать-основательница всего одна, ее сыновья будут отчаянно конкурировать друг с другом за право спариться с сестрами. А. Марков, Е. Наймарк. Эволюция. Классические идеи в свете новых открытий.*)

Заключение

Макроконцепт *мать* и концепт *сын* могут быть описаны на трех уровнях восприятия сферы знаний относительно родства и родственных взаимоотношений в русской лингвокультуре: 1) мирское (бытовое, антропоморфное); 2) божественное (сакральное); 3) десакрализованное (обесцененное, ироничное). Эта сфера знаний выражается различными кодами лингвокультуры: зооморфным (анималистическим, орнитологическим и энтомологическим), соматическим, предметным/ артефактным, духовным.

¹ Иванов В. В., Топоров В. Н. Пчела // Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 844–845.

1. Аванесян Н. К. Сравнительно-сопоставительная характеристика средств выражения концептуально-когнитивного фрейма «Мать» в английском и русском языках // Казанская наука. 2012. № 5. С. 143–147. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17756302> (дата обращения: 11.05.2021).

2. Андреева М. А., Багаутдинова Г. А. Реализация концепта 'мать (mother)' в русском и английском языках (на материале романов М. Горького и Дж. Э. Стейнбека // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствознание. 2011. № 17 (232). Вып. 55. С. 17–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kontsepta-mat-mother-v-russkom-i-angliyskom-yazykah-na-materiale-romanov-m-gorkogo-i-dzh-e-steynbeka> (дата обращения: 13.05.2021).

3. Ани Рахмат Вербализация концепта «Мать» в русской фразеологии (на фоне индонезийского языка) // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2012. № 152. URL: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/152/rachmat_152_101_105.pdf (дата обращения 05.05.2021).

4. Вежбиньски Я. Концепт *мать* в русской и польской лингвокультурах // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica. 2017. № 12. DOI: <https://doi.org/10.18778/1731-8025.14.05>

5. Ганиева А. О. Концепт «mother» (мать) и средства его реализации в серии романов Джоан Роулинг «Гарри Поттер» // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 29 (111). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-mother-mat-i-sredstva-ego-realizatsii-v-serii-romanov-dzhoan-rouling-garri-potter> (дата обращения: 30.03.2021).

6. Гимашева Г. М. Лингвокультурный анализ концептов «отец» («Ата») и «Сын» («Ул») в современном башкирском языкознании (на материале произведения «Салават» Мустая Карима) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4(32). С. 62–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-analiz-kontseptov-otets-ata-i-syn-ul-v-sovremennom-bashkirskom-yazykoznanii-na-materiale-proizvedeniya-salavat-mustaya> (дата обращения: 15.03.2021).

7. Дугаров Б. С. Концепт сына неба и прообраз Гэсэра // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 4: Востоковедение. С. 122–126. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15173620> (дата обращения: 25.04.2021).

8. Карташова Е. П., Гардфельдер Ю. М. Концепт Бог в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 15. № 1. С. 98–103. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-1-98-103>
9. Колесов В. В. «Первосмысл» концепта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 3. С. 438–452. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309>
10. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: ЛГУ, 1986. 306 с.
11. Маслова В. А. Духовный код и ценностная парадигма: светское и сакральное // Новое в когнитивной лингвистике XXI века Серия «Концептуальные исследования»: сборник научных статей / отв. ред. М. В. Пименова. Бишкек – Волгоград-Екатеринбург – Санкт – Петербург. 2015. Вып. 21. С. 47–56.
12. Низамиева М. В. Концепт *мать* в современных произведениях на русском и английском языках // Казанская наука. 2017. № 9. С. 69–71. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30394519> (дата обращения: 10.03.2021).
13. Низамиева М. В., Рахимова Д. Р. Концепт *мать* в русской и французской фразеологии // Казанская наука. 2020. № 1. С. 110–112. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42601699> (дата обращения: 01.03.2021).
14. Пименова М. В. Особенности структуры символического макроконцепта РОД // Вестник Кокшетауского университета им. Ш. Уалиханова. Серия Филология. 2021. № 2. С. 37–44. URL: https://kgu.kz/sites/default/files/Documents/vestnik/2021/2_2021.pdf (дата обращения: 08.05.2021).
15. Пименова М. В. Символические концепты как часть концептуальной системы (на примере концепта *творчество*) // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: памяти проф. Евгения Александровича Пименова Серия «Концептуальные исследования»: сб. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. М.: ИЯ РАН, 2011. Вып. 15. С. 65–83.
16. Пименова М. В. Соотношение терминов *мифологема* и *символический макроконцепт* // Лингвистика и литературоведение на переломе тысячелетий: сб. ст. Международной научно-практической конференции, приуроченной к 175-летию юбилею Абая Кунанбаева. Атырау: Атырауский государственный университет им. Х. Досмухамедова, 2020. С. 130–133. URL: https://asu.edu.kz/upload/iblock/d95/abay_nanbay_ly-175-zhyldy_yna-arnal_an-konferentsiya-zhina_y_compressed.pdf (дата обращения: 12.05.2021).
17. Пименова М. В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 82–90.
18. Фесенко О. П. Концепт «Родина» в русской и арабской лингвокультурах (на материале словарей) // Язык и культура: сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции (31 марта, 26 апреля, г. Новосибирск). Новосибирск: ЦРНС, 2016. С. 161–165. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26196261> (дата обращения: 07.05.2021).
19. Cempa K. Polysemy of mother – a linguistic overview of the concept // Beyond Philology. An International journal of linguistics, literary studies and English language teaching. 2010. No. 7. Pp. 9–33.
20. Hentschel E., Keller H. Cultural concepts of parenting. A linguistic analysis // Linguistik online, 2006. No 4. Pp. 73–95. URL: https://www.researchgate.net/publication/238673933_Cultural_concepts_of_parenting_A_linguistic_analysis (дата обращения: 15.05.2021).

Статья поступила в редакцию 03.09.2021 г.; одобрена после рецензирования 08.10.2021 г.; принята к публикации 17.10.2021 г.

Об авторах

Ибраимова Гульсайра Озгонбаевна

кандидат филологических наук, главный специалист управления науки и научно-технической политики, Министерство образования и науки Киргизской Республики (720040, Киргизская Республика, г. Бишкек, ул. Тыныстанова, д. 257), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9458-2181>, gulsara25089@yandex.ru

Касымова Алтынай Авазбековна

зав. кафедрой современных языков, старший преподаватель, Международный университет Кыргызстана (720001, Киргизская Республика, г. Бишкек, проспект Чуй, д. 255), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9312-6491>, altynay0507@gmail.com

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Avanesyan N. K. Sravnitel'no-sopostavitel'naya kharakteristika sredstv vyrazheniya kontseptual'no-kognitivnogo freima "Mat'" v angliiskom i russkom yazykakh [The comparative-contrastive study of means of expression of conceptual-cognitive frame "Mother" in English and Russian]. *Kazanskaya nauka* = Kazan Science, 2012, no. 5, pp. 143–147. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17756302> (accessed 11.05.2021). (In Russ.).

2. Andreyanova M. A., Bagautdinova G. A. Realizatsiya kontsepta 'mat' (mother) v russkom i angliiskom yazykakh (na materiale romanov M. Gor'kogo i Dzh. E. Steinbeka [Realization of the concept 'mother' in the Russian and English languages (as actualized in the novels by M. Gorky and J. E. Steinbeck)]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Chelyabinsk State University, 2011,

no. 17 (232). Philology. Art history, issue 55, pp. 17–22. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kontsepta-mat-mother-v-russkom-i-angliyskom-yazykah-na-materiale-romanov-m-gorkogo-i-dzh-e-steynbeka> (accessed 13.05.2021). (In Russ.).

3. Ani Rakhmat Verbalizatsiya kontsepta mat' v russkoi frazeologii (na fone indoneziiskogo yazyka) [Verbalization of the concept “Mother” in Russian phraseology (compared to Indonesian language)]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* = *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences* [Electronic resource]. Available at: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/152/rachmat_152_101_105.pdf (accessed 05.05.2021). (In Russ.).

4. Vezhbinski J. Kontsept mat' v russkoi i pol'skoi lingvokul'turakh [Concept mother in Russian and Polish linguocultures]. *Acta Universitatis Lodzensis. Folia Linguistica Rossica* [Electronic resource]. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.18778/1731-8025.14.05>

5. Ganieva A. O. Kontsept “mother” (mat') i sredstva ego realizatsii v serii romanov Dzhoan Rouling “Garri Potter” [The “mother” concept and its means of expression in the Joan Rowling’s “Harry Potter” series of novels]. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya* = *Modern problems of science and education*, 2017, no. 29 (111). [Electronic resource]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-mother-mat-i-sredstva-ego-realizatsii-v-serii-romanov-dzhoan-rouling-garri-potter> (accessed 03.30.2021) (In Russ.).

6. Gimasheva G. M. Lingvokul'turnyi analiz kontseptov “otets” (“Ata”) i “Syn” (“Ul”) v sovremennom bashkirskom yazykoznanii (na materiale proizvedeniya “Salavat” Mustaya Karima) [The linguocultural analysis of concepts “Father” (“Ata”) and “Son” (“Ul”) in modern Bashkir linguistics (on material of the literary work “Salavat” of Mustay Karim)]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* = *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 2018, no. 4 (32), pp. 62–65. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-analiz-kontseptov-otets-ata-i-syn-ul-v-sovremennom-bashkirskom-yazykoznanii-na-materiale-proizvedeniya-salavat-mustaya> (accessed 15.03.2021). (In Russ.).

7. Dugarov B. S. Kontsept syna neba i proobraz Gesera [Concept of the son of the heaven and the prototype of Geser]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* = *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2010, vol. 9, issue 4: *Oriental Studies*, pp. 122–126. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15173620> (accessed 25.04.2021). (In Russ.).

8. Kartashova E. P., Gardfelder Yu. M. Kontsept Bog v povesti A. S. Pushkina “Kapitanskaya dochka” [The concept of God in the novel “The Captain's Daughter” by A.S. Pushkin]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Vestnik of the Mari State University*, 2020, vol. 15, no. 1, pp. 98–103. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-1-98-103>

9. Kolesov V. V. “Pervosmysl” kontsepta [“Pervosmysl” of the concept]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* = *Vestnik of St. Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, no. 3, pp. 438–452. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2018.309>

10. Kolesov V. V. Mir cheloveka v slove Drevnei Rusi [The world of man in the word of Ancient Rus]. Leningrad, LGU Publ., 1986, 306 p.

11. Maslova V. A. Dukhovnyi kod i tsennostnaya paradigma: svetskoe i sakral'noe [Spiritual code and value paradigm: secular and sacred]. *Novoe v kognitivnoi lingvistike XXI veka. Seriya “Kontseptual'nye issledovaniya”: sbornik nauchnykh statei, otv. red. M. V. Pimenova* = *New in cognitive linguistics of the XXI century. Series “Conceptual studies”: collection of scientific articles, resp. ed. M. V. Pimenova*, Bishkek-Volgograd-Yekaterinburg-Saint Petersburg, 2015, issue 21, pp. 47–56. (In Russ.).

12. Nizamieva M. V. Kontsept mat' v sovremennykh proizvedeniyakh na russkom i angliiskom yazykakh [Concept “mother” in contemporary works in Russian and English]. *Kazanskaya nauka* = *Kazan Science*, 2017, no. 9, pp. 69–71. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30394519> (accessed 10.03.2021). (In Russ.).

13. Nizamieva M. V., Rakhimova D. R. Kontsept mat' v russkoi i frantsuzskoi frazeologii [Concept “mother” in the Russian and French phraseology]. *Kazanskaya nauka* = *Kazan Science*, 2020, no. 1, pp. 110–112. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42601699> (accessed 01.03.2021). (In Russ.).

14. Pimenova M. V. Osobennosti struktury simvolicheskogo makrokontsepta ROD [Features of the structure of the symbolic macro concept *Genus*]. *Vestnik Kokshetauskogo universiteta im. Sh. Ualikhanova. Seriya Filologiya* = *Bulletin of the Kokshetau University named after Sh. Ualikhanov. Series Philology*, 2021, no. 2, pp. 37–44. Available at: https://kgu.kz/sites/default/files/Documents/vestnik/2021/2_2021.pdf (accessed 08.05.2021). (In Russ.).

15. Pimenova M. V. Simvolicheskie kontsepty kak chast' kontseptual'noi sistemy (na primere kontsepta *tvorchestvo*) [Symbolic concepts as part of a conceptual system (on the example of the concept of *creativity*)]. *Kognitivnaya lingvistika: novye paradigmy i novye resheniya: pamyati prof. Evgeniya Aleksandrovicha Pimenova. Seriya “Kontseptual'nye issledovaniya”: sbornik statei / otv. red. M. V. Pimenova* = *Cognitive linguistics: new paradigms and new solutions: in memory of Prof. Evgeny Aleksandrovich Pimenov* *Series “Conceptual studies”: collection of articles, resp. ed. M. V. Pimenova*, Moscow, 2011, issue 15, pp. 65–83. (In Russ.).

16. Pimenova M. V. Sootnoshenie terminov mifologema i simvolicheskii makrokontsept [Correlation of the terms *mythologeme* and *symbolic macro concept*]. *Lingvistika i literaturovedenie na perelome tysyacheletii: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, priurochennoi k 175-letnemu yubileyu Abaya Kunanbaeva* = *Linguistics and literary criticism at the turn of the millennium: collection of articles of the International scientific and practical conference dedicated to the 175th anniversary of Abay Kunanbayev*, Atyrau, Atyrau University, 2020, pp. 130–133. Available at: https://asu.edu.kz/upload/iblock/d95/abay_nanbay_ly-175-zhyldy_yna-arnal_an-konferentsiya-zhina_y_compressed.pdf (accessed 12.05.2021). (In Russ.).

17. Pimenova M. V. Tipologiya strukturnykh elementov kontseptov vnutrennego mira (na primere emotsional'nykh kontseptov) [Typology of structural elements of the inner world concepts (emotional concepts)]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* = *Issues of Cognitive Linguistics*, 2004, no. 1, pp. 82–90. (In Russ.).

18. Fesenko O.P. Kontsept "Rodina" v russkoi i arabskoi lingvokul'turakh (na materiale slovariei) [Concept "Homeland" in Russian and Arabic linguocultures (based on dictionaries)]. *Yazyk i kul'tura: sbornik materialov XXII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (31 marta, 26 aprelya, g. Novosibirsk)* = Language and Culture: collection of materials of the XXII International scientific and practical conference (March 31, April 26, Novosibirsk), Novosibirsk, 2016, pp. 161–165. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26196261> (accessed 07.05.2021). (In Russ.).
19. Cempa K. Polysemy of mother – a linguistic overview of the concept. *Beyond Philology. An International Journal of Linguistics, Literary Studies and English Language Teaching*, 2010, no 7, pp. 9–33. (In Eng.).
20. Hentschel E., Keller H. Cultural concepts of parenting. A linguistic analysis. *Linguistics online*, 2006, no. 4, pp. 73–95. Available at: https://www.researchgate.net/publication/238673933_Cultural_concepts_of_parenting_A_linguistic_analysis (accessed 15.05.2021). (In Eng.).

The article was submitted 03.09.2021; approved after reviewing 08.10.2021; accepted for publication 17.10.2021.

About the authors

Gulsaira O. Ibraimova

Ph. D. (Philology), Chief Specialist of the Department of Science and Scientific and Technical Policy, Ministry of Education and Science of the Kyrgyz Republic (257 Tynystanov St., Bishkek 720040, Kyrgyz Republic), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9458-2181>, gulsara25089@yandex.ru

Altynai A. Kasymova

Head of the Modern Languages Department, Senior Lecturer, International University of Kyrgyzstan (255 Chui Avenue, Bishkek 720001, Kyrgyz Republic), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9312-6491>, altynay0507@gmail.com

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 81`42:811.111

DOI 10.30914/2072-6783-2021-15-4-447-453

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ НЕОНОМИНАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

В. В. Катермина, Н. Б. Шершнева

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Система наименований лиц по профессии и должности в любом национальном языке находится в непрерывном движении и развитии: «появляются новые сферы знания и деятельности – возникают новые обозначения для лиц, активно функционирующих в этих сферах. Английские неологические единицы с профессиональным компонентом формируют информационную картину мира и отражают национально-культурные особенности мировосприятия и систему ценностных отношений». **Цель исследования** – описать английские неологические единицы, называющие человека по профессиональному признаку. Научная новизна заключается в том, что исследованию подвергается класс новых лексических единиц и выделяются тематические группы. В результате предлагается классификация современных неологических единиц с профессионально ориентированным компонентом, представленных в электронных лексикографических источниках. **Материалы и методы.** Материалом исследования послужили электронные лексикографические источники Cambridge Dictionaries Online Blog и Urban Dictionary. В работе применялись такие методы научного познания, как анализ литературы, обобщение опыта, классификация и дедукция. **Результаты исследования, обсуждение.** Анализ современного употребления наименований лиц по профессиональному признаку из электронных лексикографических источников позволяет говорить о возникновении новых профессий в англоязычном дискурсе, что может быть связано с развитием интернет-технологий и социальных сетей; наличием отрицательной и положительной оценки, представленной в компонентах как профессиональными, так и непрофессиональными номинантами, а также метафоры как выражения оценки неониминаций по этическим и эстетическим нормам данного языкового коллектива; преимущественной реализации продуктивных словообразовательных моделей номинаций с использованием обозначением новых понятий и предметов (сложные слова и словосочетания); стремлении к краткости и содержательной емкости неониминаций. **Заключение.** Образование и существование данных лексических новаций в английском языке говорит об их значимости при отражении национально-культурных особенностей мировосприятия и системы ценностных отношений.

Ключевые слова: неологизмы, профессиональный компонент, модель, структура, семантика, дискурс, язык, культура

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Катермина В. В., Шершнева Н. Б. Профессиональные неониминации в англоязычном дискурсе // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 4. С. 447–453. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-447-453>

PROFESSIONAL NEONOMINATIONS IN ENGLISH DISCOURSE

V. V. Katermina, N. B. Shersheva

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Abstract. The article deals with professional neo-nominations in the English discourse. The semantic, structural, and discursive plans of this layer of vocabulary are analyzed. The meaning of such neologisms is transparent due to the nominative weight of their components. These units form an informational picture of the world and reflect the national and cultural characteristics of the world perception and the system of value relations. The emergence of new things is an essential property of any system, a consequence of its development, movement forward, an integral feature and evidence of its viability. The appearance of new words in the language system is a manifestation of this tendency and confirmation of the principles of its dynamism and openness. These units form an informational picture of the world and reflect the national and cultural characteristics of the world perception and the system of value relations. The unremitting attention of researchers to the problems of neology is due to the significant role of new words as a mirror of linguistic development which clearly reflects the adaptation of the language to the changing conditions of its functioning under the influence of linguistic and extralinguistic factors. The authors pay special attention to the system of names of persons by profession and position which in any

national language are in continuous movement and development: new areas of knowledge and activity appear – new designations appear for persons actively functioning in these areas. The article used such methods of scientific knowledge as literature analysis, generalization of experience, classification, and deduction, as well as the method of contextual analysis and the descriptive method. The methodological basis was the work of leading Russian specialists in the field of neology, axiology, and onomastics. Methods of formation of new words denoting professions were established and described, patterns and causes of the activity of certain language processes at the present stage of language formation were revealed. The article concludes about the role of the new vocabulary as an indicator of the display of value orientations of society at the present stage of its development.

Keywords: neologisms, professional component, model, structure, semantics, discourse, language, culture

The authors declare no conflict of interests.

For citation: Katermina V. V., Shershneva N. B. Professional neonominations in English discourse. *Vestnik of the Mari State University*. 2021, vol. 15, no. 4, pp. 447–453. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-447-453>

Целью данной статьи является попытка описания английских неологических единиц, называющих человека по профессиональному признаку. Материалом исследования послужили следующие электронные лексикографические источники: Cambridge Dictionaries Online Blog [Camb]¹ и Urban Dictionary [Urb]².

Введение

Новые слова «приходят в язык постоянно, на всех этапах его существования; это явление закономерное и исторически обусловленное. В периоды социальной стабильности процессы языкового развития протекают размеренно и постепенно, а языковые изменения затрагивают отдельные участки системы. В пору социальных потрясений процессы языкового развития ускоряются; создается впечатление хаоса и нестабильности. В соответствии с особенностями ситуации в обществе изменяются психологические установки масс, их языковой вкус и чутье языка» [9, с. 9].

Появление в языке новых номинативных единиц – «обязательный спутник нового в области культуры общества, будь то материальное производство, духовная или общественная жизнь, экономическая сфера, взаимоотношения между людьми разных социальных групп и профессий и между государствами» [6, с. 4–5].

Ученые подчеркивают, что «членение внешнего мира, осуществляемое с помощью языка,

отражается прежде всего в лексике. Лексикализация понятия свидетельствует о его особой значимости для данной культуры. Следовательно, лексика языка играет особую роль в формировании языковой картины мира» [7, с. 4].

Как считает Л. М. Абросимова, «слово, как основная единица языка, наиболее наглядно может показать связь между познанием и языковой картиной мира. Главное назначение лексической единицы – функция наименования, и, следовательно, формирование новых слов в основном обусловлено необходимостью наименования новых понятий» [1, с. 107].

Система наименований лиц по профессии и должности в любом национальном языке находится в непрерывном движении и развитии: «появляются новые сферы знания и деятельности – возникают новые обозначения для лиц, активно функционирующих в этих сферах» [4, с. 30].

Профессиональная коммуникация – это «такая разновидность общения, которая характеризуется наличием надситуативных целей, общностью знаний и восприятия коммуникантов, стереотипностью ситуаций общения. Главное отличие профессиональной коммуникации от других разновидностей коммуникации состоит в том, что она изначально включена в контекст профессиональной деятельности. Поэтому характеристики профессиональной коммуникации определяются содержанием самой профессиональной деятельности как таковой» [5, с. 33].

Методы исследования

Приоритетными методами выявления и анализа функционирующих английских неологических

¹ Cambridge Dictionaries Online [Electronic resource]. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms> (дата обращения: 10.07.2021)

² Urban Dictionary [Electronic resource]. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 10.07.2021).

единиц, называющих человека по профессиональному признаку, в электронных лексикографических источниках, для нас являются: методы научного познания – анализ литературы, обобщение опыта, классификация и дедукция, а также метод контекстологического описания и описательный метод. Контекстуальный метод был применен с целью установления особенностей актуализации изучаемых единиц в исследуемом типе текста; описательный метод – для выявления характерных особенностей английских неологических единиц, называющих человека по профессиональному признаку, в электронных лексикографических источниках. Методологической базой исследования послужили работы ученых, анализировавших семантический и лингвокультурный потенциал новой лексики [4; 6; 10; 11].

Обсуждения и результаты

Проведенный анализ позволил выделить следующие особенности профессиональных английских неологизмов:

I. Нами были зафиксированы две основные группы профессиональных неонимантов:

1. В первую группу (60 % проанализированных единиц [70 неологизмов]) входят неологизмы, в основе которых содержится компонент, называющий профессию. Второй компонент является либо нейтральным дополнением, позволяющим понять специфику работы (*ergocoach* – *a person who coaches others on best practice in ergonomics* [Camb] – человек, передающий другим опыт в эргономике; *breath coach* – *someone who you pay to give you advice about how to breathe correctly* [Urb] – человек, получающий деньги за советы о правильном дыхании; *homework therapist* – *someone whose job is to help students with their schoolwork and exams and to help them deal with issues such as stress and anxiety* [Camb] – человек, чья работа заключается в том, чтобы помогать ученикам выполнять их домашнюю работу и готовить их к экзаменам, а также помогать им справляться с такими проблемами, как стресс и беспокойство), либо образным дополнением, позволяющим более ярко и емко охарактеризовать особенности данной профессии (*scare actor* – *someone whose job is to scare people at tourist attractions, for example by dressing up as a monster and jumping out at them* [Camb] – человек, чья работа – пугать людей у туристических достопримечательностей, например, пе-

реодевшись монстром и прыгнув на них; *ghost driver* – *a taxi driver who uses a frightening profile photograph to encourage the passenger to cancel the taxi ride* [Camb] – водитель такси, использующий устрашающую фотографию в профиль, чтобы побудить пассажира отказаться от поездки; *funsultant* – *someone who advises employees on how to make the company a more fun place to work* [Camb] – человек, дающий советы сотрудникам как сделать работу в компании более увлекательной; *vibe manager* – *someone whose job is to create a good atmosphere in the workplace* [Urb] – человек, в чьи обязанности входит создание хорошей атмосферы на рабочем месте).

В данной группе дополнительными компонентами выступают такие единицы, как *ergonomics* – эргономика; *breath* – дыхание; *vibe* – вибрация; *fun* – забава; *scare* – испуг, страх; *ghost* – привидение. Помимо нулевой оценки отдельные единицы несут в себе отрицательную или положительную окраску (*fun* – *an enjoyable activity* – приятное занятие; *scare* – *a sudden feeling of fear or worry* – внезапное чувство страха или беспокойства; *vibe* – *a distinctive emotional atmosphere sensed intuitively* – характерная эмоциональная атмосфера, ощущаемая интуитивно; *ghost* – *the spirit of a dead person that someone sees or hears* – дух мертвого человека, которого кто-то видит или слышит).

В отдельную подгруппу нами были выделены единицы, представляющие собой неологизмы, в состав которых входит профессиональный образный компонент (*vegetable butcher* – *a person who prepares vegetables at a shop* [Camb] – человек, который готовит овощи в магазине; *wine detective* – *someone whose job is to prove that wine is counterfeit* [Urb] – человек, чья работа состоит в том, чтобы доказать, что вино поддельное; *break-up concierge* – *a person or company whose job is to help someone after their relationship has ended such as by finding new accommodation for them* [Urb] – человек или компания, чья работа заключается в том, чтобы помогать людям после того, как их отношения закончились, например, находя для них новое жилье).

Так, называя человека, который готовит овощи в магазине, «овощным мясником» (*butcher* – *someone whose job is to sell meat and sometimes also to kill animals for meat* – человек, чья работа заключается в продаже мяса, а иногда даже в убийстве животных ради мяса) или человека, в чьи профессиональные обязанности входит

доказательство подделки вин, «винным детективом» (*detective – a police officer whose job is to try to discover information about a crime so that the criminal can be caught* – полицейский, чья работа заключается в том, чтобы попытаться обнаружить информацию о преступлении, чтобы преступник мог быть пойман), а компанию, которая помогает людям найти новое жилье после окончания личных отношений, «портье по расставанию» (*concierge – someone whose job is to help people staying in a hotel by dealing with problems and giving them information*) – человек, чья работа – помогать людям, остановившимся в отеле, решать проблемы и предоставлять им информацию), носители языка через метафору соизмеряют мир «с человеческим масштабом знаний и представлений, с системой культурно-национальных ценностей» [8, с. 91], так как метафора «отражает фундаментальные культурные ценности, ибо основана на культурно-национальном видении мира» [8, с. 91].

Метафора понятна культурно-национальной личности, иностранец зачастую испытывает определенные трудности ввиду того, что «на вход метафоры поступают различные виды идеального – эмоции, экстралингвистические знания, житейский опыт носителей языка, иногда случайные впечатления, наблюдения, утилитарные оценки» [2, с. 173].

Метафора согласуется «с экспрессивно-эмоциональной функцией практической речи. Однако более важен другой ее источник: метафора отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между очень разными индивидами и классами объектов. Эта способность играет громадную роль как в практическом, так и в теоретическом мышлении» [3, с. 15].

Структурно в данной группе преобладают сложные слова или слова-бленды. Именно эти способы английского словообразования характеризуются краткостью, емкостью и четкостью. Следует также отметить, что в отличие от словосложения, которое всегда являлось доминирующим типом в английском словообразовании, блендинг начинает играть первостепенную роль именно в начале XXI века, когда количество блендов в английском языке регулярно растет.

2. Вторая группа (40 % проанализированных единиц [50 неологизмов]) представлена профессиональными неонимантами, в состав которых не входит номинация профессии (*BookTuber –*

someone who posts videos of book reviews on the social media site YouTube [Urb] – человек, публикующий видео с обзорами книг в социальной сети YouTube; *joy strategist – someone whose job is to help people to be happier* [Urb] – человек, чья работа состоит в том, чтобы помочь людям стать счастливее; *cyberdefender – a person who takes actions to protect a workplace from cybercrime* [Camb] – человек, который принимает меры для защиты рабочего места от киберпреступности; *patient influencer – someone who is paid by a pharmaceutical company to review or promote its products on social media sites such as Instagram* [Camb] – человек, кому фармацевтическая компания платит за обзор или продвижение своей продукции в социальных сетях, таких как Instagram).

В данной группе также можно выделить как «безобразные» единицы (*fitstagrammer – someone who posts on the social media site Instagram about fitness and healthy eating* [Camb] – человек, пишущий в социальной сети Instagram о фитнесе и здоровом питании; *cleanstagrammer – someone who posts advice and tips about housework and cleaning on the Instagram social media site* [Urb] – человек, публикующий советы и подсказки по работе по дому и уборке в социальной сети Instagram; *Book Tokker – someone who posts videos on the social media platform Tik Tok in which they talk about books and reading* [Camb] – человек, публикующий видео в социальной сети Tik Tok, в которых рассказывается о книгах и чтении), так и образные (*backwhisperer – a person who helps someone control and manage their back pain without using conventional drugs* [Camb] – человек, помогающий контролировать боль в спине без использования обычных лекарств [whisperer – a person considered to possess some extraordinary skill or talent in managing or dealing with something specified – человек, обладающий исключительными навыками или талантом в управлении или работе с чем-то конкретным]; *cat cuddler – someone whose job is to take care of cats at an animal rescue centre or veterinary clinic by grooming them and playing with them* [Camb] – человек, чья работа – заботиться о кошках в центре спасения животных или ветеринарной клинике, ухаживая за ними и играя с ними [cuddler – a person who cuddles or has a tendency to cuddle – человек, который обнимает или имеет тенденцию обниматься]; *outfluencer – an influencer who posts about outdoor adventure, extreme sport, etc.* [Urb] –

влиятельный человек, публикующий сообщения о приключениях на природе, экстремальных видах спорта и т. д. [*influencer – a person who is able to generate interest in something (such as a consumer product) by posting about it on social media* – человек, который может вызвать интерес к чему-либо (например, к потребительскому товару), публикуя об этом в социальных сетях]).

Неологизмы данной группы также представлены как сложными словами (*BookTuber, joy strategist, cyberdefender, patient influencer, Book Tokker, backwhisperer, cat cuddler*) так и словами-слитками (*fitstagrammer, cleanstagrammer, outfluencer*).

II. Следует отметить группу неониминантов, в которых помимо профессиональных признаков можно выделить дополнительные семы:

- возраст (*yo-pro – a young professional* [Camb] – молодой профессионал; *silver striver – someone who continues to work after they have passed the typical retirement age* [Camb] – человек, продолжающий работать после достижения пенсионного возраста; *nevertiree – a person past retirement age who still works* [Urb]) – человек старше пенсионного возраста, который все еще работает – основными семами в данной подгруппе выступают *young – молодой; retirement age – пенсионный возраст*;

- место работы (*Zoogler – an employee of Google who works in the company's Zurich office* [Camb] – сотрудник Google, работающий в офисе компании в Цюрихе) – сема «место работы» – *Zurich – Цюрих*;

- образ жизни (*bobi – a businessman who leads a bohemian life* [Urb]) – сема «образ жизни» – *bohemian life – богемная жизнь*;

- особенности специализации (*neo-generalist – an employee who has both general and specialist skills* [Urb] – бизнесмен, ведущий богемный образ жизни) – сема «особенности специализации» – *general and specialist skills – общие и специфические навыки*.

III. Интернет-технологии и социальные сети значительно определяют жизнь современного человека, поэтому не является случайным и большое появление единиц, обозначающих новые профессии: *BookTuber – someone who posts videos of book reviews on the social media site YouTube* [Camb] – человек, публикующий видео с обзорами книг в социальной сети YouTube; *Fitstagrammer – someone who posts on the social me-*

dia site Instagram about fitness and healthy eating [Urb] – человек, пишущий в социальной сети Instagram о фитнесе и здоровом питании; *cleanstagrammer – someone who posts advice and tips about housework and cleaning on the Instagram social media site* [Urb] – человек, публикующий советы и подсказки по работе по дому и уборке в социальной сети Instagram. Важным является тот момент, что эти единицы являются своеобразным «продолжением» существующих номинаций: ср. *Youtuber – Book Tuber; Instagrammer – Fitstagrammer; Cleanstagrammer*.

IV. Новые явления современной жизни отражены при помощи таких профессий, как *homework therapist – someone whose job is to help students with their schoolwork and exams and to help them deal with issues such as stress and anxiety* [Camb] – человек, чья работа заключается в том, чтобы помогать ученикам выполнять их домашнюю работу и готовить их к экзаменам, а также помогать им справляться с такими проблемами, как стресс и беспокойство, и *bibliotherapist – a therapist who uses books to facilitate better mental health* [Camb] – терапевт, использующий книги для улучшения психического здоровья. Ритм современной жизни настолько стремителен, что обществу необходимы профессионалы, умеющие оказывать помощь студентам в борьбе со стрессом, беспокойством и страхом, а также способствующие улучшению умственных способностей и снятию напряжения посредством книг.

V. Особо следует отметить номинационный ряд профессий, связанных с офисной жизнью: *joy strategist – someone whose job is to help people to be happier* [Urb] – человек, чья работа состоит в том, чтобы помочь людям стать счастливее; *happiness economist – someone whose job is to study the links between a country's wealth and the happiness of its people* [Camb] – человек, чья работа заключается в изучении связи между богатством страны и счастьем ее народа; *fun-sultant – someone who advises employees on how to make the company a more fun place to work* [Camb] – человек, дающий сотрудникам советы как сделать работу в компании более увлекательной; *vibe manager – someone whose job is to create a good atmosphere in the workplace* [Urb] – человек, чья работа заключается в создании хорошей атмосферы на рабочем месте; *Chief Happiness Officer – someone whose job is to ensure that*

employees of a particular company are happy and fulfilled [Urb] – человек, чья работа состоит в том, чтобы гарантировать, что сотрудники конкретной компании счастливы и удовлетворены. Данные профессии и должности указывают на возросшую необходимость в западном обществе создавать на рабочем месте более комфортную атмосферу, свободную от стресса и негативных эмоций (*joy strategist, vibe manager, Chief Happiness Officer*), а также соизмерять и находить соответствия между богатством страны и счастьем населения (*happiness economist*).

Заключение

Таким образом, анализ современного употребления наименований лиц по профессиональному признаку из электронных лексикографических источников позволяет говорить о возникновении новых профессий в англоязычном

дискурсе, что может быть связано с развитием интернет-технологий и социальных сетей; наличии отрицательной и положительной оценки, представленной в компонентах как профессиональными, так и непрофессиональными номинациями, а также метафоры как выражения оценки неониминаций по этическим и эстетическим нормам данного языкового коллектива; преимущественной реализации продуктивных словообразовательных моделей номинации с использованием обозначений новых понятий и предметов (сложные слова и слова-бленды); стремлении к краткости и содержательной емкости неониминаций.

Все вышесказанное свидетельствует о важности и значимости проанализированных неониминантов для отражения национально-культурных особенностей мировосприятия и системы ценностных отношений.

1. Абросимова Л. С. Неологизмы как фактор изменения языковой картины мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 106–110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-kak-faktor-izmeneniya-yazykovoy-kartiny-mira> (дата обращения: 29.10.2021).
2. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. М. : Наука, 1979. С. 147–173.
3. Арутюнова Н. Д. Теория метафоры: сб. / Пер. с англ., фр., нем., йен., польск. яз., Общ. ред. Арутюновой Н. Д. и М. А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. 512 с.
4. Голованова Е. И. Новые названия лиц по профессии и должности в русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2015. Вып. 98. № 27 (382). С. 60–64. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-nazvaniya-lits-po-professii-i-dolzhnosti-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 14.07.2021).
5. Голованова Е. И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филология. Искусствоведение. Челябинск, 2013. Вып. 73. № 1 (292). С. 32–35. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnyy-diskurs-subdiskurs-zhanr-professionalnoy-kommunikatsii-sootnoshenie-ponyatiy> (дата обращения: 17.07.2021).
6. Катермина В. В. Словообразовательный потенциал неологизмов в англоязычном массмедийном дискурсе: монография. Краснодар, 2019. 133 с.
7. Кретов А. А. Единство Европы по данным лексики: монография. Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2016. 412 с.
8. Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2001. 208 с.
9. Сенько Е. В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект: монография. СПб. : Наука, 2007. 354 с.
10. Gozzi R. New Words and a Changing American Culture. Columbia, S.C.: University of South Carolina Press, 1990. 124 p.
11. Myuller A. On the reflection of the pandemic in multicultural linguistic landscapes (on the example of elements of the public space of Minsk, Nuremberg and Warsaw) // Communicative research. 2020. № 7 (4). Pp. 846–864. DOI: [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(4\)846-864](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(4)846-864)

Статья поступила в редакцию 30.10.2021 г.; одобрена после рецензирования 20.11.2021 г.; принята к публикации 05.12.2021 г.

Об авторах

Катермина Вероника Викторовна

доктор филологических наук, профессор, Кубанский государственный университет (350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149), veronika.katermina@yandex.ru

Шершнева Наталья Борисовна

кандидат филологических наук, доцент, Кубанский государственный университет (350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149), nataliashersheva@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Abrosimova L. S. Neologizmy kak faktor izmeneniya yazykovoi kartiny mira [Neologisms as a factor of the linguistic world image change]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* = Issues of Cognitive Linguistics, 2011, no. 1, pp. 106–110. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/neologizmy-kak-faktor-izmeneniya-yazykovoy-kartiny-mira> (accessed 29.10.2021). (In Russ.).
2. Arutyunova N. D. Yazykovaya metafora [Linguistic metaphor]. *Lingvistika i poetika* = Linguistics and Poetics, M., Nauka Publ., 1979, pp. 147–173.
3. Arutyunova N. D. Teoriya metafory [Metaphor theory]. Collection of articles. Gen. edit. N. D. Arutyunova, M. A. Zhurinskaya. M., Progress Publ., 1990, 512 p.
4. Golovanova E. I. Novye nazvaniya lits po professii i dolzhnosti v russkom yazyke [New names of the persons on the profession and the post in the Russian language]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* = Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology Sciences, 2015, no. 27 (382), issue 98, pp. 60–64. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-nazvaniya-lits-po-professii-i-dolzhnosti-v-russkom-yazyke> (accessed 14.07.2021). (In Russ.).
5. Golovanova E. I. Professional'nyi diskurs, subdiskurs, zhanr professional'noi kommunikatsii: sootnoshenie ponyatii [Professional discourse, subdiscourse, genre of professional communication: correlation of concepts]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya. Iskuststvovedenie* = Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology. Art History, 2013, no. 73, pp. 32–35. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnyy-diskurs-subdiskurs-zhanr-professionalnoy-kommunikatsii-sootnoshenie-ponyatii> (accessed 17.07.2021). (In Russ.).
6. Katermina V. V. Slovoobrazovatel'nyi potentsial neologizmov v angloyazychnom massmediinom diskurse: monografiya [The word-formation potential of neologisms in the English-language mass media discourse: monograph]. Krasnodar, 2019, 133 p. (In Russ.).
7. Kretov A.A. Edinstvo Evropy po dannym leksiki: monografiya [The unity of Europe according to the lexicon: monograph]. Voronezh, Publ. house of VSU, 2016, 412 p. (In Russ.).
8. Maslova V. A. Lingvokulturologiya [Linguoculturology]. M., Akademiya Publ., 2001. 208 p. (In Russ.).
9. Senko E. V. Neologizatsiya v sovremennom russkom yazyke: mezhurovnevnyi aspekt [Neologization in Modern Russian: an inter-level aspect: monograph]. SPb., Nauka Publ., 2007, 354 p. (In Russ.).
10. Gozzi R. New words and a changing American culture. Columbia, S.C., University of South Carolina Press, 1990, 124 p. (In Eng.).
11. Myuller A. On the reflection of the pandemic in multicultural linguistic landscapes (on the example of elements of the public space of Minsk, Nuremberg and Warsaw). *Communicative research*, 2020, no. 7 (4), pp. 846–864. (In Eng.). DOI: [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(4\)846-864](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(4)846-864)

The article was submitted 30.10.2021; approved after reviewing 30.11.2021; accepted for publication 05.12.2021.

About the authors

Veronika V. Katermina

Dr. Sci. (Philology), Professor, Kuban State University (149 Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation), veronika.katermina@yandex.ru

Natalia B. Shershneva

Ph. D. (Philology), Associate Professor, Kuban State University (149 Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation), nataliashershneva@rambler.ru

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 800

DOI 10.30914/2072-6783-2021-15-4-454-463

ЭВФЕМИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ МАНИПУЛЯТИВНОМ ДИСКУРСЕ СМИ**М. Д. Лагуткина, И. С. Карабулатова***Российский университет дружбы народов (РУДН), г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. Введение. В современном российском академическом дискурсе изучения языка средств массовой информации эвфемизмы рассматриваются в качестве стилистического средства либо прагматической функции. Однако, до сегодняшнего дня изучение этого явления в русском языке является только сферой, которая недостаточно развита. Актуальным является анализ эвфемизмов как проемов и методов воздействия /в манипулятивном дискурсе СМИ. **Цель.** Статья посвящена исследованию явления эвфемизмов в современном манипулятивном дискурсе СМИ и уточнению определения, функций и понимания социальной прагматики применения этих языковых форм в массовых коммуникациях. **Материалы и методы.** Статья включает анализ ряда распространенных представлений об эвфемизмах и предлагает собственный взгляд на это явление в современном манипулятивном дискурсе СМИ. В данном исследовании используется исторический метод, сравнение и анализ академических источников, социально-прагматический функциональный взгляд на языковые явления для выявления их функций в жизни общества. **Результаты исследования, обсуждения.** Эвфемизмы рассматриваются как один из действенных приемов для манипуляции и непосредственного воздействия на сознание общества в современных СМИ. Эвфемизация тесно связана с психологическими потребностями человека и анализируется на трех уровнях: архетипическом, личностном и общественно-прагматическом. Учитывая сложную внутреннюю смысловую и этимологическую структуру эвфемизмов, чрезвычайно широко используемых в практике средств массовой коммуникации, актуальным является рассмотрение этого языкового и стилистического средства в манипулятивном аспекте новостного или политического дискурса. **Заключение.** Следует избегать ошибочной идентификации эвфемизма с редкими терминами и другими языковыми формами, которые не совпадают с ними по своим функциям.

Ключевые слова: эвфемизм, манипулятивный дискурс, СМИ, политический дискурс, новостной дискурс
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лагуткина М. Д., Карабулатова И. С. Эвфемизмы в современном манипулятивном дискурсе СМИ // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 4. С. 454–463. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-454-463>

EUPHEMISMS IN MODERN MANIPULATIVE MEDIA DISCOURSE**M. D. Lagutkina, I. S. Karabulatova***Peoples Friendship University of Russia (RUDN-university), Moscow, Russian Federation*

Abstract. Introduction. In the modern Russian academic discourse of studying the language of the mass media, euphemisms are considered as a stylistic means or a pragmatic function. However, to this day, the study of this phenomenon in the Russian language is only an area that is not sufficiently developed. The analysis of euphemisms as openings and methods of influence in the manipulative discourse of the media is relevant. **Purpose.** The article is devoted to the study of the phenomena of euphemisms in the modern manipulative discourse of the media and clarification of the definition, functions and understanding of social pragmatics in the use of these linguistic forms in mass communications. **Materials and methods.** The paper provides the analysis of a number of common ideas about euphemisms and offers its own view of this phenomenon in the modern manipulative media discourse. This study uses the historical method, comparison and criticism of academic sources, a socio-pragmatic functional view of the linguistic possibilities of their functions in the life of society. **Results, discussion.** Euphemisms are considered as one of the most effective methods for manipulation and direct impact on the consciousness of society in modern media. Euphemization is closely related to the psychological needs of a person and is analyzed at three levels: archetypal, personal and socio-pragmatic. Given the complex internal semantic and etymological structure of euphemisms, which are extremely widely used in the practice of mass communication, it is relevant to consider this linguistic and stylistic means in the manipulative aspect of news or political discourse. **Conclusion.** Erroneous identification of euphemisms with rare terms and other languages that do not coincide with them in their functions are excluded.

Keywords: euphemism; manipulative discourse; mass media; political discourse; news discourse

The authors declare no conflict of interests.

For citation: Lagutkina M. D., Karabulatova I. S. Euphemisms in modern manipulative media discourse. *Vestnik of the Mari State University*. 2021, vol. 15, no. 4, pp. 454–463. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-454-463>

Введение

Эвфемизмы являются важным средством языковой прагматики и присутствуют в качестве универсалии во всех известных языках в качестве стилистического приема. При этом в политическом дискурсе и средствах массовой информации эвфемизмы анализируются как один из приемов манипуляции и влияния на сознание и мнение общества, что свидетельствует о широких возможностях его использования. В политическом дискурсе эвфемизмы могут использоваться в речи определенного политика, что, таким образом, дает возможность для выделения и узнавания его языковой личности на основе эвфемизации среди других политических деятелей, а также скрыто влиять на общество [13]. До сегодняшнего дня изучение этого явления в русском языке является только сферой, которая недостаточно развита, что признается большинством исследователей [2; 3]. Относительно природы, особенностей и функции этого языкового явления нет единого мнения и выработанной академической позиции. В большинстве случаев эвфемизмы изучаются именно в связи с деятельностью и языком средств массовой информации, хотя само это явление, как демонстрируют исследования, присуще практически всем функциональным стилям языка и используется разными речевыми контекстами [2; 5; 6]. Так, мы стараемся не говорить напрямую о частях человеческого тела, относящихся к признакам телесного низа (конец, вареник, мягкое место, пятая точка), и том, что из тела выходит, и о процессах, с этим связанных (сходить на горшок, показаться на белом пони), также исключаем темы смерти и болезни (болезнь стюардесс, откинуть копыта), различные политические и дипломатические темы (задержать вместо арестовать, военная операция вместо война), и множество других тем. Актуальность изучения особенностей функционирования эвфемизмов в современном манипулятивном дискурсе объясняется повышением уровня воздействия современных средств массовой информации на общество и значительной актуализацией различных манипуляций с целью донести

определенную идею или изменить общественное мнение о современных событиях или конкретных ситуациях.

Обзор литературы

В современном российском академическом дискурсе изучения языка средств массовой информации эвфемизмы рассматриваются в качестве стилистического средства либо прагматической функции [3; 9; 16]. При этом эвфемизмы также являются одним из приемов и методов воздействия, применяемых СМИ в ходе выполнения ими своих общественных функций, что дает возможность для их рассмотрения в контексте манипулятивного дискурса. Об эвфемизации пишут как о методе вуалирования смысла, мистификации, введения в заблуждение и средстве, предназначенном для языковой манипуляции¹ [8; 6]. Процесс эвфемизации стоит рассматривать в широком общелингвистическом контексте, который обеспечивает понимание сути этого явления и его функций в текстах разных функциональных стилей, в том числе и текстах СМИ с целью манипуляции.

Рассматривая работу средств массовой информации и их общественные функции, многие авторы заявляют, что СМИ являются в современном обществе основным источником информации [8; 9; 12]. Это обуславливает их доминирующую роль как во влиянии на сознание реципиентов, так и на создание общественной социальной картины мира, модели реальности, «формирование желаемой информационной модели действительности» [9]. Однако по отношению к развивающимся странам и по отношению к России доминирующая роль как источника информации принадлежит Интернету и социальным сетям. Эта тенденция может

¹ Кипрская Е. В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ (на примере конфликта в Ираке 2003–2004 гг.): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 159 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-evfemizmy-kak-sredstvo-manipulirovaniya-v-sovremennoy-publitsistike> (дата обращения: 15.05.2021).

существенным образом меняться по социальным и возрастным стратам и в зависимости от конкретной страны и уровня проникновения технологий электронных коммуникаций в ней, но тенденция остается одинаково стабильной¹ [10]. В социальных сетях и в рамках электронных коммуникаций языковые средства применяются и функционируют по иным законам, чем в традиционных СМИ. В условиях Web 2.0 доминирует функциональный стиль бытовой, а не публицистической речи, и языковые единицы используются, скорее, по законам стилистики разговорного языка. Например: «С отменой санкций «русский медведь» превратится в монстра» (Военное обозрение, 02.02.2017); «Россия и Китай: «медовый месяц» или завуалированные противоречия?» (InoPressa, 12.09.2018). В средствах массовой информации в качестве эвфемизмов могут употребляться разные значения слов для достижения стилистического эффекта, на основе чего создаются манипуляции. Манипулятивный характер эвфемизмов объясняется целью СМИ, связанной с необходимостью непосредственного влияния на мнение и сознание общества.

В современных британских и американских электронных СМИ используются языковые приемы и лексика, которые были бы недопустимы в печатной прессе или на телевидении² [12; 14; 15]. Таким образом, эвфемизмы следует рассматривать в широком аспекте: как в рамках стилистики и средств, присущих именно публицистической речи и СМИ, так и с точки зрения места эвфемизмов в структуре общей прагматики языка в целом, особенно в сфере публичной и бытовой речи. Главная особенность языковой прагматики Web 2.0 заключается в смещении прагматических слов речи: здесь в публичном дискурсе могут быть использованы языковые средства «низкого» бытового языка, и при этом его реципиентами будет выступать громадная аудитория, характерная для дискурса СМИ [6]. Особенный интерес вызывает тема, связанная с обсуждением проблем коронавируса и его мифологизации [20] (табл. 1). В этом случае использованные эвфемизмы также могут рассматриваться в контексте манипулятивного дискурса, поскольку представленная в СМИ информация влияет на общество и формирует его мнение об актуальной проблеме коронавируса.

Таблица / Table

Примеры использования эвфемизмов в СМИ о коронавирусе (разработано нами – М. Л., И. К.) /
Examples of the use of euphemisms in the media about coronavirus (developed by us – M. L., I. K.)

| Эвфемизм в тексте /
Euphemism in the text | Значение /
Meaning | Ссылка /
Link |
|--|--|---|
| Проработала в «скафандре» 3 месяца | Скафандр — специальный защитный костюм для медиков, которые работают с COVID-19-пациентами | https://vk.com/wall-160966228_869171 |
| Можете звать меня королевой как даму коронованную, ну или просто пожелать здоровья, потому что чего свалиться в новый год с земным вирусом не очень весело, даже если он у меня в легкой форме | Коронованная дама = заболевшая COVID-19, носитель COVID-19 | https://vk.com/wall-157087006_1778 |
| Без намордника лучше, но млею от этих дизайнерских масок с лавандовой вышивкой | Намордник = одноразовая медицинская маска или многоразовая маска из ткани. | https://vk.com/wall31039752_5959 |
| И вот в связи с длительным «отдыхом» из-за вируса появилась крамольная мысль, а что если стать самозанятым и обслуживать своих клиентов на выезде у них дома | Длительным «отдых» из-за вируса = карантин, самоизоляция | https://vk.com/wall-62433315_2471124 |

¹ Семенов А. В. Этимологический словарь русского языка. М. : Юнвес, 2003. 704 с. URL: <http://evartist.narod.ru/text15/001.htm> (дата обращения: 15.05.2021).

² Кипрская Е. В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ (на примере конфликта в Ираке 2003–2004 гг.): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 159 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-evfemizmy-kak-sredstvo-manipulirovaniya-v-sovremennoy-publitsistike> (дата обращения: 15.05.2021).

Материалы и методы

В данном исследовании используется исторический метод, сравнение и анализ академических источников, социально-прагматический функциональный взгляд на языковое явление эвфемизации для выявления его функций в жизни общества в контексте современного манипулятивного дискурса СМИ.

Результаты исследования

Эвфемизмы благодаря своим функциональным возможностям в текстах разных стилей характеризуются реализацией в различных аспектах дискурсивной практики, прежде всего манипулятивном как одном из ведущих в изучении языка современных СМИ.

Так, вначале исследований это языковое явление привлекало интерес этнологов, в частности Дж. Фрейзера, М. Элиаде и др. исследователей [10]. Они отмечали, что эвфемизмы по своему происхождению тесно связаны с табуированием: запрещением прямого упоминания или названия священных или мистических опасных предметов и явлений. Такое название могло привести либо к реализации называемого явления или к появлению называемого объекта, например, злых духов, духов умерших, духов болезней, потусторонних сил и так далее. Первично табуировались именно магические «истинные имена» предметов и явлений, среди которых были также названия священных местностей, животных, ко-

торые считались родовыми предками, ритуальных предметов. Это запрещение расширяется на все, что так или иначе связано со смертью и уходом в иной мир, поскольку тесно связано со страхом перед мертвыми и возможностью воздействия духов предков на мир живых людей [17]. Аналогично табуирование во многих обществах распространяется на языковые обозначения всего, что связано с рождением, а также сексуальностью. Использование сексуальных терминов в качестве табуированных ругательств может происходить от магических проклятий, призванных нанести вред роду, духам предков и жизни обидчика [17]. Соответственно, эвфемизация связана с необходимостью обходить использование особенно значимых, магических по ожидаемому воздействию на окружающий мир словесных обозначений. При этом, следует отметить, что эвфемизация является исключительно оральным явлением, потому что использование графических символов-заменителей неназываемых терминов широко распространено у всех народов, практикующих эвфемизацию и табуирование на уровне разговорного общения [17]. Отметим, что вопрос связи словесной и графической эвфемизации и табуирования очень слабо исследован и остается одной из актуальных тем для дальнейшего академического исследования. Так, например, мифологизация коронавируса в современных СМИ также базируется на эвфемизации и табуировании [4]. Например:

Я уже боюсь разговаривать с друзьями или родственниками про этот вирус .	COVID-19	https://vk.com/wall-60397113_8895281

Эвфемизмы рассматриваются как часть культуры манипуляции и вуалирования смысла и изучаются в практике новостного [11] и политического дискурса [7; 16]. Соответственно, эвфемизмы выполняют с такой точки зрения функции вуалирования значения, смещения значения, подмены понятий [5; 7; 15]. Основной целью использования эвфемизмов в языке СМИ является манипуляция сознанием реципиентов, что актуализует возможность их изучения именно в современном манипулятивном дискурсе. При этом стоит отметить, что процесс манипуляции определяется как психологическое воздействие, направленное на изменение поведения других людей таким образом, чтобы это не было ими замечено [15]. Поскольку СМИ являются частью

государственной и общественной культуры и находятся под контролем сил, осуществляющих в той или иной форме власть, манипулятивный дискурс, и в частности его языковой аспект, рассматривается в связи с политическим дискурсом в целом. В таком виде процесс использования манипуляций определяется как применение власти, при котором обладающий ею влияет на поведение других людей, не объясняя, чего он от них на самом деле ожидает [15]. Исходя из этой дефиниции, В. Г. Крысько выделяет три стадийных уровня манипулятивного дискурса: начиная от усиления уже имеющихся у индивида идей или ценностных установок через частые и малозаметные изменения их в нужном направлении и до кардинальных изменений жизненных

ценностей и установок, воспринимающихся как личные и желательные изменения [15]. Роль эвфемизмов в этой цепочке проявляется на всех трех этапах, поскольку они позволяют не только не называть вещи своими именами, но и перемещать значения в нужном направлении. Например, военная агрессия сначала может называться «конфликтом», затем «борьбой с нежелательными элементами» и наконец «уничтожением врагов революции и таму подобное». Причем на каждой из стадий эвфемизм продолжает нести свои привычные функции вуалирования, но изменяет направление воздействия на сознание и мнение реципиента, и, как результат, рассматривается в манипулятивном дискурсе.

Основу для понимания современной эвфемизации в практике публичной речи и СМИ как явления составляют работы П. Грайса и Дж. Лича, анализируемые в ряде современных российских исследований [5; 12]. Подходы, сформулированные этими исследователями, лежат в основе политкорректности как социального движения. Они сформулировали принцип кооперации и принцип вежливости в речевой практике. Эти принципы предполагают опору на максимум великодушия в соблюдении позиции равенства собеседников как прессупозиции общения, а также максимум одобрения – добродушного отношения к позиции собеседника и готовности открыто выслушать и принять его высказывания и аргументацию [12]. Использование данных принципов предполагает исключение терминов эксклюзии из речи и, соответственно, требует применения эвфемизации как одного из способов влияния на собеседника, его мысли или чувства.

Более детальное исследование принципов кооперации и вежливости может указать на то, что в общении люди стараются избежать возникновения конфликтных ситуаций или ситуаций, в которых кто-то из участников будет ограничен в социальных правах. Применение эвфемизмов предназначено, с одной стороны, для избегания собственной эмоциональной боли, а также для избегания боли другого человека. Такое понимание сути эвфемизации включает в себя также личную форму эвфемизмов, когда человек, переживший травму, избегает ее прямого названия или использования даже общераспространенных нейтральных терминов для ее названия. В данном случае эвфемизм не служит для вуали-

рования, манипуляции или искривления информации, передаваемой собеседнику или публично распространяемой. Данную функцию эвфемизмов следовало бы назвать анестетической (обезболивающей).

Использование эвфемизмов также связано с попыткой обойти использование слов и выражений, которые кажутся грубыми, низкими, унижающими [2; 3]. Соответственно, соматические компоненты могут заменяться фразеологическими единицами, которые в определенных ситуациях выступают в роли эвфемизмов, во избежание прямого названия или необходимостью обойти использование слов в прямом значении [1]. Приписывание тем или другим языковым единицам функций эвфемизации является ярко выраженным историческим явлением. Например, как отмечают исследователи, слово «калека» в дискурсе современных российских СМИ выступает в роли дисфемизма, который чаще заменяется эвфемизмами разного рода, даже в официально-деловой практике [9]. Первично это слово происходит из *санс. kalika*, обозначавшего бродячего мудреца и мага, преимущественного шиваита, заклинателя, который мог представлять собой и мистическую угрозу и вызывал страх и уважение. *Др. рус.* калика (см. «калики переходящие» в былинном цикле) имело то же самое значение, которое под давлением христианства сместилось в сторону исключительно позитивной коннотации: бродячий нищий мудрец и святой, часто юродивый, обладающий даром целительства и предсказания. Смещение значения слова в сторону унижительного и появление потребности в использовании вместо него слов-субститутов – довольно позднее явление, окончательно сформировавшееся уже во второй половине XX века. Слова-субституты для понятия «калека» в позднем значении «человек с неустраняемыми физическими повреждениями и ограниченной функциональностью» также имеют собственную историю развития [10]. Так, понятие «инвалид» (от англ. *invalid*) в период до Второй мировой войны обозначало нечто, синонимическое современному «ветеран». Например, название русского издания и общества «Отечественный инвалид», означало сообщество ветеранов Первой мировой и русско-турецких войн, а не общество людей с физическими повреждениями [10].

Описанные примеры свидетельствуют о процессе снижения значения слов, которые изначально

имели нейтральное или даже высокое пафосное значение и употреблялись в ограниченном, мифологизированном или специфическом контекстах. Затем их значение суживается, и в конце концов табуируется из-за того, что начинает обозначать понятие, которое может унижить того, по отношению к кому используется. Процесс исторического существования и трансформации эвфемизмов также до сих пор не исследован, несмотря на наличие полноценного корпуса этимологических исследований русской лексики и соответствующей обширной академической лексикографии.

Практика политкорректности в современном западном обществе направлена на преодоление практики многовекового использования норм языка как средства эксклюзии. Использование ряда специфических обозначений уже самим фактом своего применения создает определенный контекст доминирования и принуждения. Использование этих терминов ставит человека или группу людей в особенное, выделенное из человеческого общества положение, и по отношению к этой группе или человеку не действуют общечеловеческие нормы и правила [11; 16]. Отказ от использования таких слов, как *nigger* и подобных связано не с унижительным контекстом данного имени существительного, а с тем, что его употребление формирует контекст, который подразумевает отношение ко всем остальным людям по одним правилам, а к «нигерам» по другим, отличительным от общечеловеческих. В русском обществе существует большой набор таких традиционных ярлыков эксклюзии: «чурка», «чучмек», «хохол», «жид», «мавр» [19] – по принципу национальной принадлежности; «ботаник», «мусор» – по принципу профессиональной принадлежности и так далее. Одним из важных и малоисследованных явлений именно русского языка является феномен общенационального распространения криминальной лексики в качестве общеупотребительного средства бытового стиля общения. Именно криминальная лексика и аргументы поставляют в русском языке большую часть терминов эксклюзии, то есть выделения в речи социальных групп, подлежащих подавлению или унижению. Соответственно, эвфемизмы выступают средствами манипуляции, замены, вуалирования, синонимии по отношению к вышеописанным терминам, как в бытовой, так и в публицистической речи [2; 3].

Обсуждение и заключения

Таким образом, анализ особенностей функционирования эвфемизации и основных интерпретационных моделей этого явления в исследованиях дает возможность выделить среди эвфемизмов три значимые группы языковых форм, используемых в современном манипулятивном дискурсе СМИ.

В первой группе представлены термины табуирования, связанные с архетипическими атрибутами психики и имеющие особенности, связанные с национальным менталитетом. Именно эти термины связаны чаще всего со смертью, сексуальностью, терминами родства и тому подобное. Эта группа эвфемизмов является более-менее стабильной и изменяется медленно на протяжении длительного исторического времени и включает большой архаичный фонд. Акцент в значении эвфемизмов этой группы на атрибутах психики свидетельствует о возможности их использования в текстах СМИ с манипулятивной целью, поскольку манипуляция в первую очередь обозначает обращение к сознанию реципиента на психологическом уровне, вызывая у него положительные или отрицательные эмоции.

Вторая группа состоит из социализированных эвфемизмов, употребление которых диктуется актуальным общественным дискурсом. Данная группа эвфемизмов является исключительно историческим явлением и подчинена действующим в данный момент правилам, мировоззрению и даже политическим взглядам, которые с помощью манипулятивных механизмов могут распространяться через СМИ.

К третьей группе относятся личные эвфемизмы, употребление которых связано с личным травматическим опытом, а также с распространенным общественным травматическим опытом. Таким образом, эвфемизмы этой группы также могут активно использоваться с манипулятивной целью в современных СМИ, поскольку в этом случае оказывают влияние на мнение реципиентов об определенных общественных событиях травматического характера, меняют восприятие связанных с ними ситуаций и, как следствие, вызывают чаще всего негативные эмоции страха, боли или печали. Например, вследствие войны появляется много инвалидов, что приводит к тому, что ряд слов и выражений, связанных с названием травм и обстоятельств к ним приведшим, которые до этого субституировались эвфемизмами

в личной речи, теперь субституируются рядом общепринятых эвфемизмов уже в речи всех носителей языка. Также стоит отметить, что в языковой практике СМИ постоянно присутствуют и смешиваются в употреблении все три типа эвфемизмов, при этом они могут иметь манипулятивный характер или рассматриваться в аспекте новостного или политического дискурса.

Анализируя эвфемизмы в манипулятивном дискурсе СМИ, необходимо внести ряд значимых разграничений. В ряде исследований к эвфемизмам искусственно причисляются термины, которые только кажутся эвфемизмами из-за распространения политкорректности в современном языке СМИ. Например, использование слова *engagement* для обозначения военного столкновения боевых кораблей не является эвфемизацией, поскольку представляет собой специализированный термин, обозначающий столкновение с целью втягивания противника в активное противоборство еще с XVIII века. Аналогично современный термин *peacekeeping operation* не может считаться вуалирующим смысл эвфемизмов, поскольку обозначает особый тип военных операций, который по методам и характеристикам проводимых действий значимо отличается от любых других видов военных действий и потому должен считаться термином, то есть лексемой, имеющей ограниченное, точное значение [12]. В русском языке приводимая авторами некоторых исследований замена термина «эмиссия» термином «расширение денежной массы» по тому же принципу трудно признать эвфемизмом

[6]. Такого рода термины широко распространены в лингвоэкономическом дискурсе [21]. Эвфемизм по своей прагматической функции тяготеет к разъяснительной функции, он направлен именно на массовое употребление, и потому усложнение термина не может рассматриваться как эвфемизация. Замена одного термина другим может служить средством манипуляции с помощью языковых средств, но не может признаваться эвфемизмом [18].

Таким образом, эвфемизмы являются явлением, которое относится к сфере речевой прагматики и проникает в разные функциональные стили речи. Эвфемизмы используются в разных аспектах современной дискурсивной практики, в том числе высоким уровнем актуализации характеризуется сфера СМИ, где эвфемизмы выполняют манипулятивную функцию. Поскольку это явление считается историческим и не может рассматриваться в отрыве от этимологической составляющей истории языка, то эвфемизмы связаны с современным развитием общества и формируют мнение реципиентов об определенном историческом событии. Эвфемизация тесно связана с психологическими потребностями человека и рассматривается на трех уровнях: архетипическом, личностном и общественно-прагматическом, что свидетельствует о широких возможностях для ее использования как средства манипуляции в СМИ. При этом следует избегать ошибочной идентификации эвфемизмов с редкими терминами и другими языковыми формами, которые не совпадают с ними по своим функциям.

1. Абукаева Л. А., Фокина А. А. Национальное своеобразие фразеологизмов с соматизмами вуй/голова/head в марийском, русском и английском языках // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 2 (22). С. 66–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnoe-svoebrazie-frazeologizmov-s-somatizmami-vuy-golova-head-v-mariyskom-russkom-i-angliyskom-yazykah> (дата обращения: 15.05.2021).

2. Агабабян С. Р., Колесникова Д. А. Функции эвфемизмов в дискурсе средств массовой информации // Приоритетные направления развития науки и образования: сб. ст. VII Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение. 2019. С. 172–174. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38180566> (дата обращения: 20.05.2021).

3. Ерастова А. А. Подходы к анализу эвфемизмов в текстах средств массовой информации // Актуальные проблемы лингвистики, психолингвистики и лингводидактики: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (21 марта 2019 г.) / отв. ред. Д. С. Лапенков. 2019. С. 16–19. URL: [http://og-ti.ru/documents/Актуальные%20проблемы%20лингвистики,%20психолингвистики%20и%20лингводидактики%20\(2019\)_5e37f617b4bc9.pdf](http://og-ti.ru/documents/Актуальные%20проблемы%20лингвистики,%20психолингвистики%20и%20лингводидактики%20(2019)_5e37f617b4bc9.pdf) (дата обращения: 15.05.2021).

4. Карабулатова И. С., Шехи Э. Влияние имен собственных на трансформацию архетипических представлений о коронавирусе в современной мифологизированной картине мира // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Филология и искусствоведение. 2020. № 4 (267). С. 54–61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-imen-sobstvennyh-na-transformatsiyu-arhetipicheskikh-predstavleniy-o-koronaviruse-v-sovremennoy-mifologizirovannoy-kartine> (дата обращения: 15.05.2021).

5. Космеда Т. А. Коммуникация в средствах массовой информации: эвфемизмы современной газеты // Культура народов Причерноморья. 2004. № 49 (2). С. 58–60. URL: <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/74219> (дата обращения: 15.05.2021).

6. Кудряшова А. П. Эвфемизмы в сообщениях средств массовой информации // Язык и мир изучаемого языка. 2014. № 5. С. 97–100. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22571347> (дата обращения: 20.05.2021).

7. Латыпова Ю. А., Тодосиенко З. В. Манипулятивный потенциал эвфемизмов (на материале публицистических текстов) // Казанская наука. 2019. № 12. С. 77–79. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42607566> (дата обращения: 10.05.2021).
8. Лисушкин Г. В. Эвфемизмы как средство коммуникации // Языковые и культурные реалии современного мира: сб. мат. V Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Пенза, 8–20 октября 2020 г.), 2020. С. 70–73. URL: http://www.penzgtu.ru/fileadmin/filemounts/science/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5_%D0%B8_%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B821.10.2020_%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%86.pdf (дата обращения: 18.05.2021).
9. Орлова Е. А. Эвфемизмы и дисфемизмы в политических текстах британских СМИ // Сб. мат. IV Международной научной конференции. 2018. С. 133–136. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/23980> (дата обращения: 15.05.2021).
10. Сенчикова Е. П. Эвфемизмы в призмах текстовой реальности // Текстовые проблемы языковых единиц. Лодзь. 2009. URL: <https://docplayer.ru/29200092-Evfemizmy-v-prizme-tekstovoy-realnosti.html> (дата обращения: 15.05.2021).
11. Сочивец П. А. Политически корректный язык на примере новостных материалов в средствах массовой информации // Идеи. Поиски. Решения: сб. ст. и тезисов XIII Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов. 2019. № 2. С. 179–186. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/241177/1/Сочивец%20П.А._ПОЛИТИЧЕСКИ%20КОРРЕКТНЫЙ%20ЯЗЫК%20НА%20ПРИМЕРЕ%20НОВОСТНЫХ%20МАТЕРИАЛОВ%20В%20СРЕДСТВАХ%20МАССОВОЙ%20ИНФОРМАЦИИ.pdf (дата обращения: 15.05.2021).
12. Стрижевич Е. Н., Архипов Д. В. Роль эвфемизмов в современных печатных СМИ // Коммуникативное пространство Беларуси: тезисы Международной научной конференции. 2018. С. 96–99. URL: <http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/3891> (дата обращения: 15.05.2021).
13. Хабибуллина Ф. Я., Иванова И. Г. Отражение языковой личности субъектов политического дискурса в институциональной коммуникации // Вестник Марийского государственного университета. 2018. Т. 12. № 3 (31). С. 158–169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-yazykovoy-lichnosti-subektov-politicheskogo-diskursa-v-institutsionalnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 15.05.2021).
14. Цыбулько О. В. Функционирование эвфемизмов в средствах массовой информации // Специалист XXI века: психолого-педагогическая культура и профессиональная компетентность : сб. мат. V Междунар. науч.-практ. конф., Барановичи (20–22 окт. 2016 г.) / Мин-во образования Респ. Беларусь, Барановичский гос. ун-т, Тамбовский гос. ун-т им. Г. Р. Державина / гл. ред.: А. В. Никишова. Барановичи : БарГУ, 2016. С. 130–131. URL: <http://rep.barsu.by/handle/data/1978> (дата обращения: 14.05.2021).
15. Цыбуляк О. Д. Эвфемизмы как манипулятивный инструмент СМИ в политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 22 (313). С. 230–243. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evfemizmy-kak-manipulyativnyy-instrument-smi-v-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 15.05.2021).
16. Шафигуллина Л. Ш., Даминаева Э. Р., Тарасова В. В. Политические эвфемизмы в средствах массовой информации (на материале американских и турецких печатных изданий начала XXI века) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (3). С. 170–173. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-evfemizmy-v-sredstvakh-massovoy-informatsii-na-materiale-amerikanskikh-i-turetskikh-pechatnyh-izdaniy-nachala-xxi-veka> (дата обращения: 15.05.2021).
17. Cebrat G. Euphemisms and dysphemisms as linguistic means of coping with the taboo of death. 2018. URL: <http://tcn.pwzstar.edu.pl/wp-content/uploads/2018/02/05.pdf> (дата обращения: 15.05.2021).
18. Karabulatova I. S. The manipulation of the public consciousness through Russian press coverage of events around the Paris Peace Conference, 1918–1920. The Paris Peace Conference (1918–1920) and Its Aftermath: Settlements, Problems, Perceptions. London: Cambridge Scholars Publishing. 2020. Pp. 209–227.
19. Karabulatova I. S., Chesnokova O. S., Ebzeeva Yu. N., Radović M. The influence of Islamic migration on Russian and Spanish society: verbalization of the concept “MOOR” // Terra Sebus 2020. № 12. Pp. 301–325. URL: https://www.cclbsebes.ro/wp-content/uploads/2021/03/Terra-Sebus-12-16_-I_Karabulatova_et_alii.pdf (дата обращения: 15.05.2021).
20. Karabulatova I. S., Lagutkina M. D., Amiridou S. The mythologeme «coronavirus» in the modern mass media news in Europe and Asia. Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2021. № 14 (4). Pp. 558–567. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0742>
21. Karabulatova I. S., Vykhrystyuk M. S., Dolzhenko N. G., Mychko E. I., Potmenskaya E. V. The use of stable expressions in modern economic discourse as an emotional increase in the potential impact on purchasing power. Space and Culture. India. 2020. № 7 (4). Pp. 283–292. DOI: <https://doi.org/10.20896/saci.v7i4.488>

Статья поступила в редакцию 25.08.2021 г.; одобрена после рецензирования 26.09.2021 г.; принята к публикации 11.10.2021 г.

Об авторах

Лагуткина Маргарита Дмитриевна

ассистент, Российский университет дружбы народов (РУДН) (117647, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2830-6274>, mlagutkina9@gmail.com

Карабулатова Ирина Советовна

доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов (117647, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4228-3235>, radogost2000@mail.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Abukaeva L. A., Fokina A. A. Natsional'noe svoeobrazie frazeologizmov s somatizmami vuy/golova/head v mariiskom, russkom i angliiskom yazykakh [National peculiarity of the phraseological units with somatic components вуй / голова / head in the Mari, Russian and English languages]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University. 2016, no. 2 (22), pp. 66–70. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnoe-svoeobrazie-frazeologizmov-s-somatizmami-vuy-golova-head-v-mariyskom-russkom-i-angliyskom-yazykah> (accessed 15.05.2021). (In Russ.).
2. Agababyan S. R., Kolesnikova D. A. Funktsii evfemizmov v diskurse sredstv massovoi informatsii [Functions of euphemisms in the media]. *Prioritetnye napravleniya razvitiya nauki i obrazovaniya: Sbornik statei VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* = Priority directions for the development of science and education: Collection of articles of the VII International scientific and practical conference, Penza, Science and Education Publ., 2019, pp. 172–174. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38180566> (accessed 20.05.2021). (In Russ.).
3. Erastova A. A. Podkhody k analizu evfemizmov v tekstakh sredstv massovoi informatsii [Approaches to the analysis of euphemisms in mass media texts]. *Aktual'nyye problemy lingvistiki, psikholingvistiki i lingvodidaktiki: Materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* = Actual problems of linguistics, psycholinguistics and linguodidactics: Materials of the III All-Russian scientific and practical conference, 2019, pp. 16–19. Available at: [http://og-ti.ru/documents/Актуальные%20проблемы%20лингвистики,%20психоллингвистики%20и%20лингводидактики%20\(2019\)_5e37f617b4bc9.pdf](http://og-ti.ru/documents/Актуальные%20проблемы%20лингвистики,%20психоллингвистики%20и%20лингводидактики%20(2019)_5e37f617b4bc9.pdf) (accessed 15.05.2021). (In Russ.).
4. Karabulatova I. S., Shehi E. Vliyanie imen sobstvennykh na transformatsiyu arkhetypicheskikh predstavlenii o koronavirusе v sovremennoi mifologizirovannoi kartine mira [The influence of proper names on public sentiment and the transformation of archetypal ideas about coronavirus in the modern mythologized worldview: based on the Russian and Albanian electronic news discourse]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* = Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art Criticism. 2020, vol. 4, no. 267, pp. 54–61. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-imen-sobstvennykh-na-transformatsiyu-arhetipicheskikh-predstavleniy-o-koronaviruse-v-sovremennoy-mifologizirovannoy-kartine> (accessed 15.05.2021). (In Russ.).
5. Kosmeda T. A. Kommunikatsiya v sredstvakh massovoi informatsii: evfemizmy sovremennoi gazety [Communication in the media: euphemisms of a modern newspaper]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* = Culture of the peoples of the Black Sea Region, 2004, vol. 49, no. 2, pp. 58–60. Available at: <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/74219> (accessed 15.05.2021). (In Russ.).
6. Kudryashova A. P. Evfemizmy v soobshcheniyakh sredstv massovoi informatsii [Euphemisms in mass media reports]. *Yazyk i mir izuchayemogo yazyka* = Language and world of the studied language, 2014, no. 5, pp. 97–100. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22571347> (accessed 20.05.2021). (In Russ.).
7. Latypova Y. A., Todosienko Z. V. Manipulyativnyi potentsial evfemizmov (na materiale publitsisticheskikh tekstov) [Manipulative potential of euphemisms (on material of public texts)]. *Kazanskaya Nauka* = Kazan Science. 2019, vol. 12, pp. 77–79. (In Russ.).
8. Lisushkin G. V. Evfemizmy kak sredstvo kommunikatsii [Euphemisms as a means of communication]. *Yazyk i kul'turnye realii sovremennoy mira: sbornik materialov V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh (g. Penza, 8–20 oktyabrya 2020 g.)* = Language and cultural realities of the modern world: collection of materials of the V All-Russian scientific and practical conference of students, postgraduates and young scientists (Penza, October 8–20, 2020), 2020, pp. 70–73. URL: http://www.penzgtu.ru/fileadmin/filemounts/science/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5_%D0%B8_%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%80%D0%B5_%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B821.10.2020_%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%86.pdf (accessed 18.05.2021). (In Russ.).
9. Orlova E. A. Evfemizmy i disfemizmy v politicheskikh tekstakh britanskikh SMI [Usage of euphemisms and dysphemisms in political texts of the British Media]. *Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* = Collection of materials of the IV International scientific conference, 2018, pp. 133–136. (In Russ.). Available at: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/23980> (accessed 15.05.2021). (In Russ.).
10. Senichkina E. P. Evfemizmy v prizme tekstovoi real'nosti [Euphemisms in the light of textual reality]. *Tekstovye problemy yazykovykh edinits* = Textual problems of language units, Lodz Publ., 2009. Available at: <https://docplayer.ru/29200092-Evfemizmy-v-prizme-tekstovoy-realnosti.html> (accessed 15.05.2021). (In Russ.).
11. Sochivets P. A. Politicheski korrektnyi yazyk na primere novostnykh materialov v sredstvakh massovoi informatsii [Politically correct language on the example of news materials in the media]. *Idei. Poisk. Resheniya: sbornik statei i tezisev XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei, aspirantov, magistrantov, studentov* = Ideas. Search. Solutions: collection of articles and abstracts of the XIII International scientific and practical conference of teachers, postgraduates, undergraduates, students, 2019, vol. 2, pp. 179–186. Available at: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/241177/1/Сочивец%20П.А.%20Политически%20корректный%20язык%20на%20примере%20новостных%20материалов%20в%20средствах%20массовой%20информации.pdf>

20П.А._ПОЛИТИЧЕСКИ%20КОРРЕКТНЫЙ%20ЯЗЫК%20НА%20ПРИМЕРЕ%20НОВОСТНЫХ%20МАТЕРИАЛОВ%20В%20СРЕДСТВАХ%20МАССОВОЙ%20ИНФОРМАЦИИ.pdf (accessed 15.05.2021). (In Russ.).

12. Strizhevich E. N., Arkhipov D. V. Rol' evfemizmov v sovremennykh pechatnykh SMI [The role of euphemisms in modern print media]. *Kommunikativnoe prostranstvo Belarusi: tezisy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* = Communicative space of Belarus: abstracts of the International scientific conference, 2018, pp. 96–99. (In Russ.). Available at: <http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/3891> (accessed 15.05.2021). (In Russ.).

13. Khabibullina F. Ya., Ivanova I. G. Otrazhenie yazykovoi lichnosti sub'yektov politicheskogo diskursa v institutsional'noi kommunikatsii [Reflection of the language identity of subjects of a political discourse in institutional communication]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2018, vol. 12, no. 3 (31), pp. 158–169. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-yazykovoy-lichnosti-subektov-politicheskogo-diskursa-v-institutsionalnoy-kommunikatsii> (accessed 15.05.2021). (In Russ.).

14. Tsybulko O. V. Funktsionirovanie evfemizmov v sredstvakh massovoi informatsii [The functioning of euphemisms in the media]. *Spetsialist XXI veka: psikhologo-pedagogicheskaya kul'tura i professional'naya kompetentnost': sbornik materialov V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* = Specialist of the XXI century: psychological and pedagogical culture and professional competence: collection of materials of the V International scientific and practical conference, Baranovichi (October 20–22, 2016), Baranovichi, BarSU Publ., 2016, pp. 130–131. Available at: <http://rep.barsu.by/handle/data/1978> (accessed 14.05.2021). (In Russ.).

15. Tsybulyak O. D. Evfemizmy kak manipulyativnyi instrument SMI v politicheskom diskurse [Euphemisms as a manipulative means of mass media in the political discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Chelyabinsk State University, 2013, vol. 22, no. 313, pp. 230–243. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/evfemizmy-kak-manipulyativnyy-instrument-smi-v-politicheskom-diskurse> (accessed 15.05.2021). (In Russ.).

16. Shafigullina L. Sh., Daminova E. R., Tarasova V. V. Politicheskie evfemizmy v sredstvakh massovoi informatsii (na materiale amerikanskikh i turetskikh pechatnykh izdaniy nachala XXI veka) [Political euphemisms in mass media (by the material of the American and Turkish printed editions of the beginning of the XXI century)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Theory and Practice. 2016, vol. 7, no. 3, pp. 170–173. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-evfemizmy-v-sredstvakh-massovoy-informatsii-na-materiale-amerikanskikh-i-turetskikh-pechatnykh-izdaniy-nachala-xxi-veka> (accessed 15.05.2021). (In Russ.).

17. Cebrat G. Euphemisms and dysphemisms as linguistic means of coping with the taboo of death. 2018. Available at: <http://tcn.pwszta.edu.pl/wp-content/uploads/2018/02/05.pdf> (accessed 15.05.2021). (In Eng.).

18. Karabulatova I. S. The manipulation of the public consciousness through Russian press coverage of events around the Paris Peace Conference, 1918–1920. In: *The Paris Peace Conference (1918–1920) and Its Aftermath: Settlements, Problems, Perceptions*. London: Cambridge Scholars Publishing, 2020, pp. 209–227. (In Eng.).

19. Karabulatova I. S., Chesnokova O. S., Ebzeeva Yu. N., Radović M. The influence of Islamic migration on Russian and Spanish society: verbalization of the concept “MOOR”. *Terra Sebus*. 2020, vol. 12, pp. 301–325. Available at: https://www.cclbsebes.ro/wp-content/uploads/2021/03/Terra-Sebus-12-16_-I_Karabulatova_et_alii.pdf (accessed 15.05.2021). (In Eng.).

20. Karabulatova I. S., Lagutkina M. D., Amiridou S. The mythologeme “coronavirus” in the modern mass media news in Europe and Asia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2021, vol. 14, no. 4, pp. 558–567. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0742>

21. Karabulatova I. S., Vykhrystyuk M. S., Dolzhenko N. G., Mychko E. I., Potmenskaya E. V. The use of stable expressions in modern economic discourse as an emotional increase in the potential impact on purchasing power. *Space and Culture. India*. 2020, vol. 7, no. 4, pp. 283–292. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.20896/saci.v7i4.488>

The article was submitted 25.08.2021; approved after reviewing 26.09.2021; accepted for publication 11.10.2021.

About the authors

Margarita D. Lagutkina

Assistant of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples Friendship University of Russia (RUDN-university) (6 Miklukh-Maklaya St., Moscow 117647, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2830-6274>, mlagutkina9@gmail.com

Irina S. Karabulatova

Dr. Sci. (Philology), Professor, Research Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples Friendship University of Russia (RUDN-university) (6 Miklukh-Maklaya St., Moscow 117647, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4228-3235>, radogost2000@mail.ru

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 821.511.131-14"1941/1945".09(045)
DOI 10.30914/2072-6783-2021-15-4-464-470

ФРОНТОВАЯ ЛИРИКА УДМУРТСКОГО ПОЭТА Ф. Г. КЕДРОВА

Е. Н. Петрова

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье рассматривается фронтовое творчество известного удмуртского поэта и прозаика Филиппа Григорьевича Кедрова (1909–1944). Становление основных мировоззренческих и поэтических принципов Ф. Кедрова произошло в «огненные сороковые», это и определило философские, нравственно-психологические, художественно-эстетические особенности и ценностные основы его стихотворений. Наследие писателя, прожившего короткую, но яркую жизнь, выдержало испытание временем и вошло в золотой фонд национальной классики. К сожалению, сегодня замечен спад читательского интереса к произведениям писателей-фронтовиков. Актуальность исследования обусловлена объективной научной потребностью современного прочтения военной поэзии Ф. Кедрова, востребованной как ценностный ориентир и фундамент духовной жизни народа. **Цель исследования:** изучить идейно-художественное своеобразие фронтовой лирики Ф. Кедрова и ее место в истории удмуртской литературы. **Материалы и методы исследования.** Предмет исследования – стихотворения Ф. Кедрова, написанные в годы Великой Отечественной войны на передовой линии фронта (в боевой обстановке), с пометкой для печати «Действующая армия». В исследовании применены биографический, историко-литературный, проблемно-эстетический методы анализа материала. **Результаты исследования, обсуждения.** Удмуртская литература периода Великой Отечественной войны – одна из самых малоизученных областей национального литературоведения. Между тем, произведения этого периода отражают реальную историю народа на переломном этапе существования страны. В результате исследования на примере творчества Ф. Кедрова показано, что удмуртские писатели-фронтовики, являясь непосредственными участниками боевых действий, на основе личных впечатлений воссоздали события войны, отразили чувства патриотизма и единения людей разных национальностей в годы тяжелейших испытаний. **Заключение.** Ведущие мотивы военной поэзии Ф. Кедрова – чувство патриотизма и интернационализма, тоска по дому, преданность большой и малой Родине, мечта о победе, раздумья о дальнейшей судьбе народа. Далеко не все рукописи Ф. Кедрова военных лет обнаружены, в настоящее время автор статьи ведет активную источниковедческую работу. В статье рассматривается ряд стихотворений поэта-фронтовика, еще не введенных в научный оборот.

Ключевые слова: фронтовая лирика, удмуртская поэзия 1941–1945 гг., Ф. Г. Кедров, проблематика, поэтика, мотив, образ, пафос

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Петрова Е. Н. Фронтовая лирика удмуртского поэта Ф. Г. Кедрова // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 4. С. 464–470. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-464-470>

FRONT-LINE LYRICAL POETRY OF THE UDMURT POET F. G. KEDROV

E. N. Petrova

Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article discusses the front-line poetry of the famous Udmurt poet and writer Philip Grigorievich Kedrov (1909–1944). The formation of the main ideological and poetic principles of F. Kedrov took place in the “fiery forties”, which determined the philosophical, moral, psychological, artistic and aesthetic features and the value foundations of his poems. The legacy of the writer, who lived a short but bright life, has stood the test of time and entered the “golden fund” of the Udmurt literature. Unfortunately, today there is a decline in readers’ interest in the works of front-line writers. The relevance of the research is due to the objective scientific need for a modern interpretation of F. Kedrov’s front-line poetry which is in demand as a value guideline and the foundation of the spiritual life of the people. **The purpose of the research is** to study the ideological and artistic originality of the front-line lyrical poetry of F. Kedrov and its place in the history of Udmurt literature. **Materials and research methods.** The subject of the study is the poem of F. Kedrov, written during the Great Patriotic War on the front line

(in a combat situation), marked for the publication as “active army”. The study uses biographical, historical-literary, problem-aesthetic methods of material analysis. **Research result, discussion.** Udmurt literature of the period of the Great Patriotic War is among the most poorly studied areas of Udmurt literary studies. Meanwhile, the works of this period reflect the real history of the people at the turning point of the country’s existence. As a result of the study, on the example of F. Kedrov’s works, it is demonstrated that the Udmurt authors who took part in the Great Patriotic War depicted the events of the war based on their personal impressions. They reflected the feelings of patriotism and unity of people of different nationalities during the years of the most difficult ordeals. **Conclusion.** The leading motifs of F. Kedrov’s front-line poetry include the ideas of patriotism and internationalism, yearning for home, commitment to motherland, the dream of victory, thoughts about the future fate of the people. Not all the manuscripts of F. Kedrov of the period of the Great Patriotic War have been found, currently the author of the article works to identify other works of F. Kedrov. The article discusses a number of poems of F. Kedrov, which have not yet been introduced into scientific circulation.

Keywords: front-line lyrics, Udmurt poetry of 1941–1945, F. G. Kedrov, problematics, poetics, motive, image, pathos

The author declares no conflict of interests.

For citation: Petrova E. N. Front-line lyrical poetry of the Udmurt poet F. G. Kedrov. *Vestnik of the Mari State University*. 2021, vol. 15, no. 4, pp. 464–470. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-464-470>

Введение

Поколение писателей-фронтовиков составляет особую когорту отечественных литераторов. Они «через индивидуальное восприятие войны, представленное в художественных образах, <...> формируют коллективное сознание, коллективную память» [7, с. 72]. Наряду с именами крупных советских писателей-фронтовиков следует назвать и удмуртских авторов, создавших самобытный корпус текстов о войне на национальном языке. Исследователи верно отмечают, что удмуртская «литература сумела быстро и динамично изменить эмоциональный строй, идейный и сюжетно-тематический диапазон произведений, сделать каждую публикацию боевой, активной, массовой» [4, с. 67]. В первые же месяцы войны удмуртские мастера слова были призваны на фронт, более «тридцати журналистов и писателей Удмуртии были участниками Великой Отечественной войны» [5, с. 35].

Отметим, что монографических работ, посвященных изучению удмуртской литературы 1941–1945-х гг., не существует. Вместе с тем в финно-угорском литературоведении уже имеются серьезные труды об особенностях развития в военные годы прозы и поэзии в мордовской¹ [1], в марий-

ской² [3], в коми [2] литературах. Ученые отмечают, что «число исследований, в которых дана обобщающая характеристика развития отечественной литературы в военные годы, в целом невелико» [10, с. 16]. Попытка комплексного исследования опыта удмуртской литературы военного периода во многом связана с нерешенной проблемой рассмотрения творческих индивидуальностей авторов-фронтовиков.

Большой вклад в развитие удмуртской военной литературы внес Ф. Кедров, который до последних минут своей жизни находился на передовой линии фронта. О фронтовой жизни Ф. Кедрова известно немного, он не вел записных книжек и дневников. Есть сведения о том, что семья Кедровых два раза получала похоронку на Филиппа Григорьевича (июль 1941 г., январь 1943 г.). Однако в первый раз его часть была в окружении, второй – после тяжелого ранения он находился в госпитале; затем воевал в партизанском отряде, позже – в 98-й стрелковой дивизии. Командир роты Ф. Кедров погиб в феврале 1944 г. в тяжелейшем бою под Витебском³. Архивные материалы характеризуют его как человека мужественного, стойкого, глубоко осознающего свой долг перед Родиной. Неслучайно для

¹ Чекашкина Н. И. Художественное осмысление темы Великой Отечественной войны в современной мордовской прозе (80–90-е годы XX в.): автореферат дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2004. 24 с.

² Гусева Н. В. Поэтика марийского рассказа о Великой Отечественной войне: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2019. 23 с.

³ ЦГА УР. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

его стихов характерны обостренное чувство Родины, ощущение неразрывной слитности со своей землей, ненависть к бесчеловечной сущности фашизма.

О жизни и творчестве Ф. Кедрова написано очень мало работ, большая их часть носит обзорный характер. Есть краткие разделы в главах различных изданий «Истории удмуртской литературы»^{1, 2}. Значимы для изучения поэзии Ф. Кедрова предисловия к его книгам, написанные А. Лужаниным³ и А. Ермолаевым⁴. Содержательные и поэтические особенности некоторых стихотворений Ф. Кедрова рассмотрены в статье «Эхо войны: удмуртская поэзия в 1941–1945 годы» [6, с. 108]. Следует отдельно упомянуть книгу «Ваньзэ-а верай...»⁵, в которой представлены отрывки из фронтовых писем поэта. Масштаб и значение творчества Ф. Кедрова, являющегося важной составляющей национального историко-литературного развития, не определены до сих пор. Между тем творческий потенциал Кедрова хорошо ощущали его современники. Со скорбью восприняли весть о смерти поэта в среде удмуртской интеллигенции: П. Чайников написал балладу «Капитан Кедров», М. Петров – поэму «Песня не умрет» и другое.

Цель исследования

Целью статьи является анализ наиболее значимых фронтовых стихотворений удмуртского поэта Ф. Г. Кедрова, отражающих общие идейно-художественные тенденции и признаки национальной поэзии военных лет.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено на материале стихотворений Ф. Кедрова, написанных на фронте и опубликованных в сборниках избранных произведений поэта в послевоенные годы. В работе при-

меняются биографический, историко-литературный, проблемно-эстетический методы анализа.

Результаты, обсуждение

Многие стихотворения Ф. Кедрова, написанные между боями, публиковались на страницах газеты «Советская Удмуртия» в 1941–1944-е гг. с пометкой «Действующая армия». Стихи Ф. Кедрова военных лет вошли в послевоенные коллективные сборники «Вормон сюрес» («Победный путь», 1944), «Зарни крезь» («Золотые гусли», 1946), «Стихи удмуртских поэтов» (1957), «Вормон кизили» («Победная звезда», 1987). Также следует назвать два сборника избранных произведений Ф. Кедрова «Бырьем произведениос» (1946, 1959). Фронтовые стихотворения Ф. Кедрова значительно шире ситуации, в которой они были созданы, в них с разных сторон раскрывается общая проблема «человек на войне».

Важно отметить, что в годы Великой Отечественной войны творчество Ф. Кедрова обрело новую силу. Для кедровских произведений, созданных до войны, характерна проблематика и поэтика, обусловленная эпохой 1920–1930-х гг. – яркий просветительский пафос, тематика классово-вой борьбы, идеализация будущего, вовлеченность в общественное движение пионерской и комсомольской организаций. Примечательно, что молодой поэт одним из первых в удмуртской литературе предчувствовал скорое начало войны. Его произведения, написанные в предвоенные годы, призывают к бдительности, твердости, готовности к борьбе.

Отличительная особенность стихотворений первых лет войны – обобщенный характер образа бойца и лирического героя. Фронтовая поэзия Ф. Кедрова – это обращение к Родине, клятва в верности и любви; в ней, как и во всей советской литературе, созданной авторами-фронтовиками, «трагизм пережитого народом и его беспримерный подвиг» [9, с. 126]. В военной лирике Ф. Кедрова нет глобальных образов, сложных сравнений и риторических фигур, стилистического разнообразия, но они полны личных душевных переживаний, придающих текстам глубокую искренность. Эти стихотворения захватывают единой и богатой интонацией, раскрывая в обычных понятиях глубинный смысл. Героизм и мужество, самоотверженность автора, его преданность Родине отражены в стихотворном послании «Фронтысь салам» («Привет с фронта»). Лириче-

¹ История удмуртской советской литературы: в 2 т. / Кол. авторов; ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР, НИИ при СМ УАССР. Устинов: Удмуртия, 1987. Т. 1. 252 с.

² Очерки истории удмуртской советской литературы / Удмурт. науч.-исслед. ин-т истории, экономики, лит. и яз. при Совете Министров АССР; редкол.: А. И. Писарев, Н. П. Кралина, П. М. Яшин. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1957. 184 с.

³ Лужанин А. Писатель – патриот // Кедров Ф. Г. Бырьем произведениос. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. С. 3–14.

⁴ Ермолаев А. Вся жизнь – подвиг // Кедров Ф. Г. Этой жизни. Стихи. Ижевск: Удмуртия, 1979. С. 5–12.

⁵ Кедров Ф. Г. Ваньзэ-а верай... = Все ли сказал...: Кыльбурьес. Стихи. Ижевск: Удмуртия, 1999. 140 с.

ский герой, тоскуя по родной земле, воссоздает образ Удмуртии, который воспринимается как образ большой страны:

Жеч-а, Удмуртия,
Виль ар нунал тыныд
Ыстйськомы салам
Вордэм нылпиосыд.
Самой зырдыт салам –
Воин салам фронтысь,
Сюлэммы кадъ зырдыт
Салам лек тыл ожысь¹.

Здрава ли ты, Удмуртия,
В новый день нового года
Шлем тебе салам
Твои родные дети.
Самый горячий салам –
Солдатский салам тебе с фронта,
Как наши сердца пламенные
Салам с жестокого огненного боя².

В соответствии с запросами времени в удмуртской литературе военных лет большое место начинают занимать жанры стихотворного послания и лирического письма. Особенно популярными становятся стихотворения-обращения к матери, к любимой женщине, в которых не только рассказ о фронтовой жизни солдата и клятва истребить фашистских злодеев, но и проявление разных человеческих чувств. Фронтовые послания Ф. Кедрова преисполнены глубоким лиризмом. 16 августа 1943 г. за несколько месяцев до своей гибели поэт написал два стихотворения-обращения на русском языке – к маленькому сыну и жене. В этих стихотворениях поэт будто прощается с любимыми людьми: дает напутствия и наставления, пишет о своем желании дойти до победы, мечтает о светлом «завтра». Стихотворение «Сыну», как отмечает венгерский литературовед Петер Домокош, «поражает моральной возвышенностью, наставлениями, советами, а также теми милыми, непосредственными оборотами, которые напоминают колыбельную Г. Верещагина (милый, голубок, голубочек)»³:

Ты прощай, сыночек,
Мой единственный, родной,
Сизый, милый голубочек,
Озорник мой дорогой.
<...>

Сохрани в душе отца.
Будь таким же патриотом,
Сыном Родины своей!...
Вместо папы встань скорей»⁴.

В прощальном стихотворении к жене «До свидания, родная!...» поэт совмещает в едином порыве рифму, слово, чувство тоски и веру. Сила этих строк Кедрова определена мироощущением советских людей той эпохи, с их абсолютной верой в победу; здесь поэтически запечатлено героическое настроение человека, дающего клятву бить врага, не щадя своей жизни:

Мне не страшен бой с гадукой
Бил и стану бить опять!
Перед Родиной долг свой
Буду честно выполнять...
Перестанет биться сердце –
Значит, все... Прощай, жена!
За свободу, ваше счастье
Жизнь моя вся отдана⁵.

В годы войны в творчестве писателей особенно остро проявляется чувство патриотизма. Ф. Кедров вспоминает родной край, в его сознании возникают картины мирной жизни. Хранимый в сердце поэта образ малой родины дает ему силы и бесстрашие на борьбу с врагом. Большую Родину сообща защищают представители разных народов, взращенных своей малой родиной. Подтверждением этому является рассмотренное выше стихотворение «Фронтысь салам», в центре которого – коллективный герой – «мы», «армия», «народ». Автор подчеркивает общенациональную составляющую характера советского человека, защитника Отечества:

Родинамес быдэс
Мозмытомы съёсьлэсь.
Шудо улон сюрес
Мозмоз секытьёслэсь⁶.

Всю нашу Родину
Освободим от гадов.
Счастливая дорога в будущее
Окажется освобождена.

Сильные патриотические чувства определили своеобразие и любовной лирики военных лет. Несмотря на невзгоды, долгую разлуку, лирический герой Ф. Кедрова еще острее ощущает свое родство с возлюбленной. В стихотворении «Жеч

¹ Кедров Ф. Г. Ваньзэ-а верай... = Все ли сказал...: Кылбуръёс. Стихи. Ижевск: Удмуртия, 1999. С. 93.

² Здесь и далее удмуртский текст приводится в дословном переводе автора статьи. – Е. П.

³ Кедров Ф. Г. Ваньзэ-а верай... = Все ли сказал...: Кылбуръёс. Стихи. Ижевск: Удмуртия, 1999. С. 8.

⁴ Кедров Ф. Г. Бырьем произведениос. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. С. 205.

⁵ Там же. С. 204.

⁶ Там же. С. 83.

лу, мусо туганэ!» («До свидания, милая!..») хорошо передано наблюдение, что на фронте жизнь и смерть, отвага и страх, любовь и ненависть находятся совсем рядом, они практически неотделимы друг от друга:

Пукисько мон траншея пушкын,
Пумйылтэм малпаськон йырвизьмын.
Син азам пукиськод, туганэ,
Азьлолэсь но чебер тон туннэ.

<...>

Немчура пулемёт тачыртэ,
Пуляос шулало дугдытэк.
Пуштыло снаряждёс, минаос...
Йырвизьмын бергало малпанёс.

<...>

Жеч лу, жеч лу, мусо туганэ,
Нош бое султйсько мон туннэ,
Виль ивор мон ысто бой бере,
Мон понна юмне эн кайгыре¹.

Сижу я в окопе,
В голове бесконечные думы.
Перед глазами встаешь ты, любимая,
Ты сегодня красивее, чем раньше.

<...>

Строчит немчуры пулемет,
Пули свистят без остановки.
Взрываются снаряды, мины...
Думы всякие в голове.

<...>

Прощай, прощай, любимая,
Иду сегодня снова в бой я,
Вновь письмо отправлю после боя,
За меня не переживайте зря.

Поэзия военных лет – это поэзия необыкновенной интенсивности личных и гражданских чувств. Фронтовые стихотворения Ф. Кедрова, ставшие своеобразной поэтической присягой, клятвой верности Родине-матери, были необыкновенно популярны в подростково-молодежной среде. Прежде всего, это стихотворения «Оскы, Родина!» («Родина, верь!»), «Мемилы» («Матери»), «Фронтысь салам» («Привет с фронта») и другие. Исследователь башкирской поэзии военных лет верно отмечает, что в самих названиях стихотворений тех лет «ярко бросается в глаза призывной тон, агитирование, восклицание» [8, с. 65]. Незадолго до своей гибели поэт пишет стихотворение «Оскы, Родина!» («Родина, верь!»). Это ритмически напряженное произведение, написанное классическим ямбом, его логично сопоставить с гимном мужеству и героизму советских солдат. Эмоциональная сти-

лика стихотворения отражает патриотическое воодушевление народа-освободителя.

Берыктомы ваньмыз понна
Урмем Гитлер армилы,
Оскы, калык, оскы, страна,
Котьку оскы милемлы².

За все сполна отплатим
Обезумевшей армии Гитлера,
Верь, народ, верь, страна,
Надейся на нас.

Особенно полюбилось читателю «сороковых» биографическое стихотворение Ф. Кедрова «Мемилы» («Матери», 1943), обращенное к женщине, глубоко переживающей гибель сына. Автор находит нужные слова утешения скорбящей матери: время такое – победа добывается кровью:

Алигес мон басьтй гожтэттэс,
Ми понна сюлмаськись мемие,
Пересьмид, шөдйське, ни тужгес
Агае быремысь кайгуэн.
Зэм, меми, мон понна но секыт
Агайлэн войнаын быремез.
Ма карод бен, та вакыт
Чик виртэк шат вормод тушмонэз³.

Сейчас я ваше письмо получил,
Переживающая за нас мама,
Сдала ты, кажется, очень,
Горяю за гибель брата.
Да, мама, и мне тяжела
Весть о гибели брата.
Что поделать, время такое –
Без крови не победишь врага.

В этом стихотворении автор опирается на удмуртские народные традиции: мужчина, покидая родительский дом, оставляет о себе память – сажает возле дома дерево. Так человек оставляет свой след на Земле. Основа стихотворения «Мемилы», как написано выше, биографическая. Братьев Кедровых связывала крепкая дружба; уходя на войну, они посадили два тополя. За деревьями, как за малыми детьми, ухаживала мама, с тревогой думая о своих сыновьях. Старший брат Филипп Кедрова Петр Кедров погиб в 1942 году. Горе согнуло мать после гибели старшего сына. Филипп Кедров старается поддержать ее в своих письмах и стихах:

² Там же. С. 82.

³ Кедров Ф. Г. Быръем произведениос. Ижевск : Удм. кн. изд-во, 1959. С. 51.

¹ Кедров Ф. Г. Быръем произведениос. Ижевск : Удм. кн. изд-во, 1959. С. 84.

Юнматскы, эн сётскы куректын,
Кисырмем ымныро мемие.
Укыргес мёзмыкуд пот кыре,
Вамышты каньылля бакчае,
Отысен, мын, меми, шур дуре,
Пумиськод кык веськрес тополен.
Бадзымез – агайлэн мертгэмез –
Туж баблес, агай кадь ик веськрес,
Покчиез – со луоз мынамез –
Учкы тон, мемие, мёзмыкуд.
Быдтомы, мемие, кыйёсты,
Тйнь соку ик война но быроз.
Агай ке быремын, мон берто,
Улонмы нош крезен жингыртоз¹.

Крепись, не давай победить себя горю,
Постаревшая морщинистая мама.
В минуты глубокой тоски выйди на волю,
Отправляйся ты в огород,
Затем сходи за деревню к реке,
Встретишь два стройных тополя.
Тот, что выше – старший брат посадил –
Кучерявый, стройный, как брат,

А поменьше – это мой –
Смотри на них, мама, как затоскуешь.
Уничтожим, мама, змеев,
Вот тогда и кончится война.
Брат погиб, но я вернусь,
Зазвенит вновь наша жизнь крезем.

Заключение

Гибель Ф. Кедрова стала невосполнимой потерей для удмуртской литературы. Это была вторая большая потеря в рядах удмуртских писателей после смерти в 1942 году под Смоленском талантливого прозаика Петра Блинова.

Фронтовая поэзия Ф. Кедрова – равноценный свидетель войны. В ней сочетаются острая публицистичность с глубоким лиризмом и личностным отношением автора к переживаемым событиям. В поэзии Ф. Кедрова «сороковых» без особых притязаний, простыми словами, но содержательно и проникновенно раскрывается душа воюющего удмуртского народа в тылу и на фронте за свободу родной земли.

¹ Кедров Ф. Г. Бырем произведениос. Ижевск : Удм. кн. изд-во, 1959. С. 52.

1. Брыжинский А. И. В едином строю. Саранск : Мордовское кн. изд-во, 1984. 120 с.
2. Ванеева И. М. Великая Отечественная война и коми литература. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1975. 112 с.
3. Васинкин А. А. Героические годы: Жанр военного романа в литературах народов Поволжья. Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 1987. 129 с.
4. Зайцева Т. И. Литературная жизнь Удмуртии в годы Великой Отечественной войны // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: Проблемы регионального литературоведения и фольклористики: материалы XI Международного симпозиума (г. Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.) / отв. ред. О. Г. Владимирова, И. Ю. Кириллова; ЧГИГН, ЧГУ. Чебоксары, 2018. С. 61–67.
5. Зайцева Т. И., Налдеева О. И., Павлова И. Ф., Прокаева Е. П. Военная публицистика писателей Удмуртии (по материалам архивов) // Казанская наука. 2018. № 10. С. 33–35. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36400039> (дата обращения: 16.04.2021).
6. Зайцева Т. И., Петрова Е. Н. Эхо войны: удмуртская поэзия в 1941–1945 годы // Наследие. 2018. № 2 (13). С. 106–116. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37319255> (дата обращения: 22.04.2021).
7. Кульпина В. Г., Татаринцов В. А. О концепт-образующих функциях звуковых и цвето-световых номинаций в военной поэзии и прозе // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2016. № 2. С. 52–76. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kontsept-obrazuyuschih-funktsiyah-zvukovyh-i-tsveto-svetovyh-nominatsiy-v-voennoy-poezii-i-proze> (дата обращения: 18.04.2021).
8. Мустафина Р. Д. Жанровое своеобразие Башкирской поэзии военных лет // Восточно Европейский Научный Журнал. Филологические науки. 2020. Выпуск 62. Т. 5. С. 65–66. URL: <https://eesa-journal.com/filologicheskie-nauki/zhanrovoe-svoebrazie-bashkirskoj-poezii-voennykh-let-65-66/> (дата обращения: 10.04.2021).
9. Первалова С. В. «О днях войны, принесших миру мир...»: тема памяти в художественных произведениях ветеранов Великой Отечественной войны // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (114). С. 126–131. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-dnyah-voyny-prinesshih-miru-mir-tema-pamyati-v-hudozhestvennyh-proizvedeniyah-veteranov-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения: 16.04.2021).
10. Храмова Е. Л. Литература периода великой отечественной войны в современной историографии // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2011. № 2 (14). С. 15–26. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literatura-perioda-velikoy-otechestvennoy-voyny-v-sovremennoy-istoriografii> (дата обращения: 13.04.2021).

Статья поступила в редакцию 01.09.2021 г.; одобрена после рецензирования 15.10.2021 г.; принята к публикации 25.10.2021 г.

Об авторе**Петрова Елена Никифоровна**

аспирант, Удмуртский государственный университет (426034, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8770-7505>, peva77@mail.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

1. Bryzhinsky A. I. V edinom stroyu [In a single line]. Saransk, Mordovian Book Publ. house, 1984, 234 p. (In Rus.).
2. Vaneyeva I. M. Velikaya Otechestvennaya voyna i komi literatura [Great Patriotic War and Komi literature]. Syktyvkar, Komi Book Publishing house, 1975, 112 p. (In Rus.).
3. Vasinkin A. A. Geroicheskie gody: Zhanr voennogo romana v literaturakh narodov Povolzh'ya [Heroic years: The genre of military novel in the literature of the peoples of the Volga region]. Yoshkar-Ola, Mari Book Publishing House, 1987, 129 p. (In Rus.).
4. Zaitseva T. I. Literaturnaya zhizn' Udmurtii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny [Literary life of Udmurtia during the Great Patriotic War]. *Yazykovye kontakty narodov Povolzh'ya i Urala: Problemy regional'nogo literaturovedeniya i fol'kloristiki: materialy XI Mezhdunarodnogo simpoziuma (g. Cheboksary, 21–24 maya 2018 g.) / otv. red. O. G. Vladimirova, I. Yu. Kirillova* = Language contacts of the peoples of the Volga region and the Urals: the problems of regional literary studies and folklore: Materials of the XI International Symposium (Cheboksary, May 21–24, 2018), resp. ed. O. G. Vladimirova, I. Yu. Kirillova, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, Cheboksary, 2018, pp. 61–67. (In Rus.).
5. Zaitseva T. I., Taldeeva O. I., Pavlova I. F., Prokaeva E. P. Voennaya publitsistika pisatelei Udmurtii (po materialam arkhivov) [Military journalism of writers of Udmurtia (based on archives)]. *Kazanskaya nauka* = Kazan Science. 2018, no. 10, pp. 33–35. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36400039> (accessed 16.04.2021). (In Russ.).
6. Zaitseva T. I., Petrova E. N. Ekho voyny: udmurtskaya poeziya v 1941–1945 gody [War echo: the Udmurt poetry in the 1941–1945 years]. *Nasledie* = Heritage, 2018, no. 2 (13), pp. 106–116. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37319255> (accessed 22.04.2021). (In Russ.).
7. Kulpina V. G., Tatarinov V. A. O kontsept-obrazuyushchikh funktsiyakh zvukovykh i tsveto-svetovykh nominatsii v voennoi poezii i proze [The functions of sound, color and light nominations in the concept creating in World War II poetry and prose]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda* = Moscow University Translation Studies Bulletin, 2016, no. 2, pp. 52–76. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kontsept-obrazuyuschih-funktsiyah-zvukovykh-i-tsveto-svetovykh-nominatsiy-v-voennoy-poezii-i-proze> (accessed 18.04.2021). (In Russ.).
8. Mustafina R. D. Zhanrovoe svoeobrazie Bashkirskoi poezii voennykh let [Genre peculiarity of Bashkir Poetry of the war years]. *Vostochno-Evropeiskii Nauchnyi Zhurnal. Filologicheskie nauki* = East European Scientific Journal. Philological sciences, 2020, issue 62, vol. 5, pp. 65–66. Available at: <https://eesa-journal.com/filologicheskie-nauki/zhanrovoe-svoeobrazie-bashkirskoj-poezii-voennykh-let-65-66/> (accessed 10.04.2021). (In Russ.).
9. Perevalova S. V. “O dnyakh voyny, prinesshikh miru mir...”: tema pamyati v khudozhestvennykh proizvedeniyakh veteranov Velikoi Otechestvennoi voyny [«O dnyakh voyny, prinesshikh miru mir...»: theme of memory in fiction by veterans of the Great Patriotic War]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University, 2017, no. 1 (114), pp. 126–131. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-dnyah-voyny-prinesshih-miru-mir-tema-pamyati-v-hudozhestvennykh-proizvedeniyah-veteranov-velikoy-otechestvennoy-voyny> (accessed 16.04.2021). (In Russ.).
10. Khramkova E. L. Literatura perioda velikoi otechestvennoi voyny v sovremennoi istoriografii [The Great Patriotic War period literature in the modern history]. *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniya* = Humanitarian: actual problems of the humanities and education, 2011, no. 2 (14), pp. 15–26. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/literatura-perioda-velikoy-otechestvennoy-voyny-v-sovremennoi-istoriografii> (accessed 13.04.2021). (In Russ.).

The article was submitted 01.09.2021; approved after reviewing 15.10.2021; accepted for publication 25.10.2021.

About the author**Elena N. Petrova**

Postgraduate student, Udmurt State University (1 Universitetskaya St., Izhevsk 426034, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8770-7505>, peva77@mail.ru

All authors have read and approved the final manuscript.

УДК 81'42+81'373.2

DOI 10.30914/2072-6783-2021-15-4-471-476

МИФЫ О ВРАЧЕБНЫХ ОШИБКАХ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**Е. С. Степанова***Самарский государственный медицинский университет, Самара, Российская Федерация*

Аннотация. Введение. Настоящее исследование посвящено проблеме репрезентации мифа о врачебных ошибках, которые связаны с субъективностью морально-этических суждений и отсутствием механизмов объяснения возникающих проблем в лечении. **Цель исследования** – описать ценностно-мировоззренческие представления о врачебных ошибках, бытующих в нашем лингвокультурном обществе. Поставленная цель определяет **задачи исследования**: описать типологию мифа о врачебных ошибках; проанализировать лингвистические способы репрезентации мифа о врачебных ошибках. Методологическую базу исследования составили труды зарубежных и отечественных ученых в области изучения понятий «миф» и «врачебная ошибка». Даны определения понятий «медицинский миф» и «врачебная ошибка». Под медицинским мифом понимается форма выражения, актуализации результатов эмоционально-ценностного освоения мира, совокупности материальных и духовных условий деятельности врача в одной из знаковых систем. Врачебная ошибка детерминируется как неудачное выполнение запланированных действий, направленных на достижение определенной цели терапии или неверный выбор метода лечения. **Материалом для исследования** послужила научно-популярная работа Даниэль Офри (Danielle Ofri) «Когда мы причиняем вред: врач сталкивается с врачебной ошибкой» (“When We Do Harm: A Doctor Confronts Medical Error”), которая анализирует причины медицинских ошибок и влияние, которое они оказывают на пациентов, их семьи, врачей, медсестер и других лиц, осуществляющих уход. Приоритетными **методами исследования** мифа о врачебных ошибках для нас являются культурологический анализ, описательно-аналитический контекстуальный метод и метод сплошной выборки. Делается вывод о том, что миф о врачебной ошибке воплощает в себе существенную ценность для носителей лингвокультуры и имеет аксиологическую составляющую. **Результаты исследования** позволили нам предложить **типологию мифа о врачебных ошибках**, в которой систематизируются мифы о врачебных ошибках, определяющих ценностное отношение врача к различным составляющим медицинской деятельности. Как показал анализ, миф о врачебных ошибках имеет аксиологическую составляющую и репрезентирован с помощью языковых средств таких, как *имплицированные сравнительные обороты, метафорические модели и прецедентные феномены*.

Ключевые слова: миф о врачебных ошибках, ценностно-мировоззренческие представления, типология, прецедентный феномен, метафорическая модель

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Степанова Е. С. Мифы о врачебных ошибках: лингвистические и аксиологические аспекты // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 4. С. 471–476. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-471-476>

MYTHS ABOUT MEDICAL ERRORS: LINGUISTIC AND AXIOLOGICAL ASPECTS**E. S. Stepanova***Samara State Medical University, Samara, Russian Federation*

Abstract. Introduction. This study is devoted to the problem of the representation of the myth about medical errors, which are associated with the subjectivity of moral and ethical judgments and the lack of mechanisms to explain the emerging problems in treatment. The **purpose** of the study is to describe the value and worldview representations about medical errors that exist in our linguocultural society. The stated goal defines the objectives of the research: to describe the typology of the myth about medical errors; analyze linguistic ways of the representation of the myth about medical errors. The methodology of the research is based on the works of foreign and Russian scientists in the field of study of the notions “myth” and “medical error”. The definitions of the notions “medical myth” and “medical error” are given. A medical myth is understood as a form of expression, actualization of the results of the emotional and axiological mastering of the world, the combination of material and spiritual conditions of a doctor’s activity in one of the sign systems. A medical error is determined as a failure to

perform planned actions aimed at achieving a specific goal of therapy or the wrong choice of a treatment method. The popular science work “When We Do Harm: A Doctor Confronts Medical Error” by Danielle Ofri, which analyzes the causes of medical errors and the impact, which they provide on patients, their families, doctors, nurses and other caregivers served as the **material for the research**. The priority **research methods** of the myth about medical errors are the cultural analysis, the descriptive and analytical contextual method and the method of continuous sampling. It is concluded that the myth about medical errors embodies a significant value for the representatives of the linguoculture and has an axiological component. **The results of the study** allowed us to propose a typology of myth about medical errors, which systematizes the myths about medical errors that determine the value attitude of a doctor to various components of medical activity. The analysis shows that the myth about medical errors has an axiological component and is represented by linguistic means such as implicit comparative constructions, metaphorical models and precedent phenomena.

Keywords: myth about medical errors, value and worldview representations, typology, precedent phenomenon, metaphorical model

The author declares no conflict of interests.

For citation: Stepanova E. S. Myths about medical errors: linguistic and axiological aspects. *Vestnik of the Mari State University*. 2021, vol. 15, no. 4, pp. 471–476. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-471-476>

Введение

Проблема нанесения ущерба здоровью пациента является очень важной для нашего общества. Невозможность достижения желаемого эффекта от лечения либо неблагоприятный исход заболевания способствуют формированию негативного отношения к врачам среди населения. СМИ позиционируют тему врачебных ошибок в искаженном виде.

Такое положение дел приводит к тому, что врач, осуществляя лечение, не руководствуется интересами пациента, не думает о клинической эффективности лечения, а пытается все сделать правильно с юридической точки зрения. Однако очень часто причинами неблагоприятного исхода заболевания являются осложнения после проведенного лечения, а также несвоевременное обращение за медицинской помощью.

Страх перед врачебными ошибками породил много мифов в современном обществе. Так, существует миф о том, что врачебные ошибки возникают вследствие временной задержки между тем, когда врач осматривал пациента, и тем, когда результат теста появился у врача, поэтому, чтобы должным образом оценить результат теста, врачу нужно получить карту этого пациента, найти последнюю запись и перечитать то, что написано в истории болезни пациента. Другой миф о том, что электронные медицинские карты повышают безопасность пациентов с помощью различных предупреждений, вместо этого они в конечном итоге

наносят серьезный вред пациенту. Но ошибка назначения может быть обнаружена мгновенно, если врач выпишет назначение препарата от руки вместо компьютера или если лекарство будет выдано фармацевтом, а не роботом.

Цель исследования – описать ценностно-мировоззренческие представления о врачебных ошибках, бытующих в нашем лингвокультурном обществе.

Поставленная цель определяет *задачи исследования*:

- 1) описать типологию мифа о врачебных ошибках;
- 2) проанализировать лингвистические способы репрезентации мифа о врачебных ошибках.

Методы и материалы исследования

Методологическую базу исследования составили труды зарубежных и отечественных ученых в области изучения понятий «миф» и «врачебная ошибка». Миф как «базовый тип миропонимания» представляет собой «емкую форму или структуру, которая способна воплотить наиболее фундаментальные черты человеческого мышления и социального поведения, а также художественной практики» [2; 4, с. 10], может быть осмыслен как «концепт, имеющий понятийные, образные и ценностные характеристики» [1].

А. Ф. Лосев определяет миф как «обобщенное отражение действительности в виде чувственных

представлений или, точнее, в фантастическом виде тех или других одушевленных существ» [3, с. 458]. О. М. Фрейденберг отмечает, что для мифа характерно «воплощение в конкретной форме абстрактного содержания, единство абстрактного и конкретного воплотилось позднее в художественном образе, в обыденной же практике складывается разделение дифференцирующей познавательной установки и целостной оценочной» [7, с. 103].

Зарубежными исследователями врачебная ошибка рассматривается как «невиновное добросовестное деяние». Б. Лайан определяет врачебную (медицинскую) ошибку как неблагоприятный исход запланированного действия либо как «применение неверного плана лечения для достижения поставленной цели, которое не включает в себя умышленные или неосторожные действия, наносящие вред пациенту» [9, с. 64–68]. В свою очередь Л. Кон детерминирует врачебную ошибку как «неудачное выполнение запланированных действий, направленных на достижение определенной цели терапии или неверный выбор метода лечения» [8, с. 170].

Термин «ошибка» подразумевает подход, ориентированный на человека, а не системный подход, который включает человека. Опытные специалисты по безопасности (safety professionals) обычно выбирают термин «нежелательные побочные реакции», поскольку вы пытаетесь предотвратить действие, которое причиняет вред пациенту [10, с. 279–280].

Хардип Сингх, терапевт из Хьюстона, различает диагностическую и процедурную ошибки. Диагностическая ошибка, по мнению Сингха, отличается от процедурной ошибки, потому что диагностика – это подвижная цель. Сингх определяет диагностическую ошибку как «упущенную возможность поставить правильный или своевременный диагноз». Диагнозы меняются с течением времени. Они также меняются в зависимости от места и людей, поскольку пациенты иногда обращаются к разным врачам или в разные больницы, чтобы продолжить лечение. Врачи часто не имеют возможности узнать, допустили они диагностическую ошибку или нет [11, с. 418–425].

Медицинский миф представляет собой форму выражения, актуализации результатов эмоционально-ценностного освоения мира, совокупности материальных и духовных условий

деятельности врача в одной из знаковых систем. Его сущностью является «процесс обобщения и осмысления в образно-символической и эмоционально-ценностной форме важнейших способов и средств структурирования действительности, главная из которых – надежда на положительные перспективы в практической деятельности врача» [5, с. 99]. При этом интерпретация медицинского мифа включает в себя не только «авторские ценности, но и ценности культуры, осмысленные как автором, так и реципиентом»¹.

Экстраполируя данное положение на наше исследование, можно предположить, что миф о врачебной ошибке воплощает в себе существенную ценность для носителей лингвокультуры и имеет аксиологическую составляющую.

Материалом для исследования послужила научно-популярная работа Даниэль Оффри (Danielle Ofri) «Когда мы причиняем вред: врач сталкивается с врачебной ошибкой» (“When We Do Harm: A Doctor Confronts Medical Error”), которая анализирует причины медицинских ошибок и влияние, которое эти ошибки оказывают на пациентов, их семьи, врачей, медсестер и других лиц, осуществляющих уход. Доктор Оффри исследует ошибки в контексте культуры и систем, в которых они возникают. Автор подчеркивает, что меры, направленные на уменьшение количества ошибок, часто приводят к обратным результатам или не позволяют достичь этой цели, и что неблагоприятный исход лечения пациентов обычно возникает не из-за одной ошибки или неверного суждения, а из-за слияния множества ошибок [10].

Приоритетными *методами* исследования мифа о врачебных ошибках для нас являются культурологический анализ, описательно-аналитический контекстуальный метод и метод сплошной выборки. Культурологический анализ, предполагающий учет совокупности представлений, связанных с мифом о врачебных ошибках; описательно-аналитический контекстуальный метод – непосредственный анализ контекста, содержащего языковые репрезентации мифологической информации; метод сплошной выборки для учета языковых средств, репрезентирующих миф о врачебных ошибках.

¹ Кривцун О.А. Миф // Культурология: энциклопедия: в 2 т. / Глав. ред. С.Я. Левит. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007. Т. 1. С. 1330–1331.

Результаты и обсуждение

Как показал анализ, в деятельности врача присутствует аксиологическая составляющая. Ценности врача определяют отношение к различным составляющим медицинской деятельности: пациенту, болезни, условиям, инструментам и способам ее осуществления. В медицине реализуются взаимоотношения врача и пациента, следовательно, происходит взаимодействие – ценностей деятельности врача и ценностей пациента (отношение к болезни). В результате обмена ценностями участников процесса происходит рассогласование восприятия и оценки деятельности врача из-за столкновения ее нормативной и ценностной составляющих. Нередко это связано с субъективностью морально-этических суждений и отсутствием механизмов объяснения возникающих проблем в лечении. Именно это и порождает мифы о врачебных ошибках. Результаты исследования позволили нам предложить типологию мифа о врачебных ошибках:

1. Миф о том, что должен быть механизм, позволяющий врачам сообщать о своих ошибках, не опасаясь судебного преследования или выговора (*“there needs to be a mechanism for clinicians to report their own errors without fear of getting sued or reprimanded”*):

“Rather than learning lessons about medical actions they shouldn’t do, they saw the court as a weapon to scapegoat doctors for the shortcomings of the entire medical system” («Вместо того, чтобы извлекать уроки о медицинских действиях, которые они не должны делать, они рассматривали суд как оружие, чтобы обвинять врачей в недостатках всей медицинской системы») [10, р. 170]. В данном примере используется имплицитный сравнительный оборот *“the court as a weapon to scapegoat doctors”* («суд как оружие для обвинения врачей») для того, чтобы подчеркнуть, что вместо работы над системными ошибками существует угроза судебного процесса, что вселяет страх в сердца большинства врачей.

2. Миф о том, что необходимо использовать когнитивный прием – сосредоточиться на данных, которые не соответствуют вашему предполагаемому диагнозу (*“Another cognitive trick is to focus on the data that don’t fit your presumptive diagnosis”*):

“Improving the grand diagnostic process is something of a holy grail for researchers in this field. It would include all the rare diseases that fal-

libe humans tend to forget but, of course, eliminate the ones that are too far out in the left field”. («Улучшение грандиозного диагностического процесса – это своего рода Святой Грааль для исследователей в этой области. Он будет включать все редкие болезни, о которых люди, склонные делать ошибки, забывают, но, конечно же, устраняет те, которые находятся слишком далеко в левом поле») [10, р. 72]. В данном примере используется прецедентный феномен *“a holy grail”* «Святой Грааль» для того, чтобы отметить, что данный когнитивный прием позволит избежать как ложноположительных, так и ложноотрицательных ошибок.

3. Миф о том, что уменьшение количества диагностических ошибок в конечном итоге потребует культурного сдвига в здравоохранении (*“Reducing diagnostic error will ultimately require a culture shift in healthcare”*):

“We need to reorient how we think as well as the culture that impedes our thinking. Sharpening the thinking process is a much tougher nut to track”. («Нам нужно переориентировать мысли, а также культуру, которая мешает нашему мышлению... Отточить навык мышления – задача намного сложнее») [10, р. 58]. В данном примере используется идиома *“a much tougher nut to track”* («задача намного сложнее») для того, чтобы подчеркнуть, что изменение процесса мышления, а также культурный сдвиг в здравоохранении позволят избавиться от многих диагностических ошибок.

4. Миф о том, что каждый раз, когда врачи осматривают пациентов, они должны рассматривать ряд диагнозов, прежде чем они остановятся на каком-то одном. Сам процесс рассмотрения вариантов открывает разум к альтернативам. Врач не сможет установить конкретный диагноз, если никогда не задумается над ним. (*“The very act of considering alternatives opens up the mind to, well, alternatives. You can’t get to a particular diagnosis if you never actually consider it”*):

“The name of the game is to come up with a broad differential for each symptom, then prioritize them by likelihood and by severity” («Цель игры – найти широкую дифференциацию для каждого симптома, а затем расположить их по степени вероятности и серьезности») [10, р. 44]. В данном примере используется метафора *“the name of the game”* («название игры») для описания процесса постановки дифференциального диагноза.

5. Миф о том, что усилия по ограничению рабочего времени потенциально могут иметь неприятные последствия для безопасности пациентов. Новые правила позволили стажерам проводить меньше времени с пациентами, что привело к снижению уровня образования (*"It is recognised that these efforts to limit work hours could potentially backfire for patient safety. With the new regulations, trainees were getting less time with patients, resulting in a decreased depth of education"*):

"Patient care was being turned over to many more hands, increasing the risk of error". («Забора о пациентах передавалась в гораздо большее количество рук, что увеличивало риск ошибки») [10, p.139]. В данном примере используется метафорическая модель («деятельность врача») [6, с. 384] *"patient care was being turned over to many more hands"* («забота о пациентах передавалась в гораздо большее количество рук») для описания процесса лечения с сокращением рабочего времени врача.

Лингвистический анализ языкового материала позволил нам выявить средства репрезентации мифа о врачебных ошибках: имплицитные сравнительные обороты, метафорические модели и прецедентные феномены.

Выводы

Мифы о врачебных ошибках способствуют осмыслению и устранению ошибок, что, с одной стороны, ведет к повышению качества оказания медицинской помощи, а с другой – помогает врачам в преодолении психоэмоциональных переживаний последствий врачебных ошибок. Врач, совершивший ошибку, должен взять на себя ответственность, но институциональное внимание должно быть сосредоточено на том, как система сделала ошибку возможной и как ее можно предотвратить в будущем. Именно этому способствует предложенная нами типология, в которой систематизируются мифы о врачебных ошибках, которые определяют ценностное отношение врача к различным составляющим медицинской деятельности.

В нашем исследовании рассматривалась проблема репрезентации мифа о врачебных ошибках, который связан с субъективностью морально-этических суждений и отсутствием механизмов объяснения возникающих проблем в лечении. Как показал анализ, миф о врачебных ошибках имеет аксиологическую составляющую и репрезентирован с помощью языковых средств таких, как *имплицитные сравнительные обороты, метафорические модели и прецедентные феномены*.

1. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы: монография. Волгоград: Парадигма // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/karasik-v-i-yazykovaya-spiral-tsennosti-znaki-motivy-monografiya-v-i-karasik-volgograd-paradigma-2015-432-s> (дата обращения: 13.06.2021).

2. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии). М.: Мысль, 1972. 312 с.

3. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность // Диалектика мифа. М.: Мысль, 1984. С. 1–216.

4. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа: монография. М.: Наука, 1976. 406 с.

5. Пивов В. М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск: Карелия, 1991. 111 с.

6. Степанова Е. С. Лингвокогнитивные особенности мифа о врачах // Вестник Марийского государственного университета. 2020. Т. 14. No 3. С. 379–385. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2020-14-3-379-385>

7. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. 605 с. URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/freidenberg_mif_i_literatura_drevnosti/freidenberg_mif_i_literatura_drevnosti.pdf (дата обращения: 17.06.2021).

8. Kohn L. T., Corrigan J.M., Donaldson M.S. To Err is Human: Building a safer health system // Committee on Quality of Health Care in America. Washington (DC, USA): National Academy Press, 2000. P.170. DOI: <https://doi.org/10.17226/9728>

9. Liang B. A. A system of medical error disclosure // Quality & safety in health care. 2002. № 11. P. 64–68. DOI: <http://dx.doi.org/10.1136/qhc.11.1.64>

10. Ofri D. When We Do Harm: A Doctor Confronts Medical Error. Boston: Beacon Press, 2020. 304 p.

11. Singh H. Types and Origins of Diagnostic Errors in Primary Care Settings // JAMA Internal Medicine. 2013. № 173. Pp. 418–425. DOI: <http://dx.doi.org/10.1001/jamainternmed.2013.2777>

Статья поступила в редакцию 15.09.2021 г.; одобрена после рецензирования 21.10.2021 г.; принята к публикации 01.11.2021 г.

Об авторе**Степанова Елена Сергеевна**

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и латинского языков, Самарский государственный медицинский университет (443001, Российская Федерация, г. Самара, ул. Арцыбушевская, д. 171), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-7222>, pretty.step@bk.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Karasik V. I. Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy: monografiya [Language spiral: values, signs, motives: monograph]. Volgograd, Paradigma Publ., 2015, 432 p. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/karasik-v-i-yazykovaya-spiral-tsenosti-znaki-motivy-monografiya-v-i-karasik-volgograd-paradigma-2015-432-s> (accessed 13.06.2021). (In Russ.).
2. Cassidy F. X. Ot mifa k logosu (Stanovlenie grecheskoi filosofii) [From myth to logos (Formation of Greek philosophy)]. M., Mysl Publishing House, 1972, 312 p. (In Russ.).
3. Losev A. F. Mif. Chislo. Sushchnost'. [Myth. Number. Essence]. *Dialektika mifa* = Dialectic of myth, M., Mysl Publishing House, 1984. pp. 1–216. (In Russ.).
4. Meletinsky E. M. Poetika mifa [Myth poetics]. M., Nauka Publishing House, 1976, 406 p. (In Russ.).
5. Pivoev V. M. Mifologicheskoe soznanie kak sposob osvoeniya mira [Mythological consciousness as a way of mastering the world]. Petrozavodsk, Karelia Publishing House, 1991, 111 p. (In Russ.).
6. Stepanova E. S. Lingvokognitivnye osobennosti mifa o vrachakh [Linguocognitive specifics of a doctor's myth]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University, 2020, vol. 14 (3), pp. 379–385. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2020-14-3-379-385>
7. Freidenberg O. M. Mif i literatura drevnosti [Ancient myth and literature]. M., Nauka Publishing House, 1978, 605 p. Available at: http://www.sno.pro1.ru/lib/freidenberg_mif_i_literatura_drevnosti/freidenberg_mif_i_literatura_drevnosti.pdf (accessed 17.06.2021). (In Russ.).
8. Kohn L. T., Corrigan J. M., Donaldson M. S. To Err is Human: Building a safer health system. *Committee on Quality of Health Care in America*. Washington (DC, USA), National Academy Press, 2000, 170 p. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.17226/9728>
9. Liang B. A. A system of medical error disclosure. *Quality & safety in health care*, 2002, no. 11, pp. 64–68. (In Eng.). DOI: <http://dx.doi.org/10.1136/qhc.11.1.64>
10. Ofri D. When We Do Harm: A Doctor Confronts Medical Error. Boston, Beacon Press, 2020, 304 p. (In Eng.).
11. Singh H. Types and Origins of Diagnostic Errors in Primary Care Settings. *JAMA Internal Medicine*, 2013, no. 173, pp. 418–425. (In Eng.). DOI: <http://dx.doi.org/10.1001/jamainternmed.2013.2777>

The article was submitted 15.09.2021; approved after reviewing 21.10.2021; accepted for publication 01.11.2021.

About the author**Elena S. Stepanova**

Ph. D. (Philology), Associate Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, Samara State Medical University (171 Artsybushevskaya St., Samara 443001, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-7222>, pretty.step@bk.ru

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 373.5.016:811.161.1'367

DOI 10.30914/2072-6783-2021-15-4-477-488

LANGUAGE POLICY IMPLEMENTATION IN TATARSTAN: MULTILINGUALISM AND LANGUAGE EDUCATION

A. M. Tuktamysheva

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev–KAI, Kazan, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article reveals language policy implementation processes, taking into account the relevance of developing multilingual skills and paying special attention to the teaching of the state (Russian language), national (Tatar language), as well as foreign (English) language. **The purpose** of this article is to analyze how language policy implementation impacts the education of indigenous peoples / minorities in the Republic of Tatarstan (RT). Issues related to language policy are very multifaceted and require analysis from the point of view of law, linguistics, and pedagogy, as well as the interaction of state bodies with its stakeholders. **Materials and methods.** The methods include a whole series of legislative acts regulating the implementation of language policy in Russia and the Republic of Tatarstan. It pays a special attention to the State Program for the preservation, study and development of the state languages of the RT and other languages in the RT (State Program). **The results of the analysis and discussion** describe the state of the language policy in the region, that is, its scale and size, the laws influencing the language policy in the field of education. Secondly, based on the experience of implementing language policy in other regions and countries, a comparative analysis is proposed using the example of the State Program. Using the theory of Professor B. Spolsky, the author conducts a general analysis of the language policy in the region. Also, following the guidelines for the preservation of languages of L. A. Grenoble and L. J. Whaley, this article studies the effectiveness of implementation of the State Program. **In conclusion**, proposals are prepared for the implementation of the language policy in the Republic of Tatarstan and other multilingual societies.

Keywords: language policy, multilingualism, sociolinguistics, language teaching, English, Tatar

The author declares no conflict of interests.

For citation: Tuktamysheva A. M. Language policy implementation in Tatarstan: multilingualism and language education. *Vestnik of the Mari State University*. 2021, vol. 15, no. 4, pp. 477–488. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-477-488>

РЕАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН: МНОГОЯЗЫЧИЕ И ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКАМ

A. M. Туктамышова

Казанский национальный исследовательский технический университет имени А. Н. Туполева – КАИ,
г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья раскрывает особенности реализации языковой политики с учетом актуальности развития навыков многоязычия, уделяя особое внимание обучению государственному (русскому языку), национальному (татарскому языку), а также иностранному (английскому) языку. **Целью данной работы** является анализ влияния реализации языковой политики в Республике Татарстан (РТ) на образование коренных народов/меньшинств в регионе. Вопросы, связанные с языковой политикой, очень многосторонние и требуют анализа и с точки зрения нормативно-правового обеспечения, и языкознания, и педагогики, а также взаимодействия государственных органов с ее исполнителями. **Материалы и методы.** Методический раздел включает в себя целый ряд законодательных актов, регулирующих реализацию языковой политики в России и РТ, уделяя особое внимание Государственной программе по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан (Государственная программа). **Результатами анализа и обсуждения** являются описание состояния языковой политики в регионе, то есть ее масштаб и размеры, приводятся законы, влияющие на языковую политику в сфере образования в Республике Татарстан. Во-вторых, опираясь на опыт реализации языковой политики в других регионах и странах, предлагается сравнительно-сопоставительный анализ на примере Государственной программы. Используя теорию профессора Б. Спольски, автор проводит общий анализ языковой политики в регионе, а также, следуя руководству по сохранению языков Л. А. Гренобля и Л. Дж. Уэйли, описывает эффективность внедрения и исполнения Государственной программы. **В заключение** подготовлены предложения по реализации языковой политики в Республике Татарстан и других многоязычных обществах.

Ключевые слова: языковая политика, многоязычие, социолингвистика, обучение языкам, английский язык, татарский язык

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Туктамышова А. М. Реализация языковой политики в Республике Татарстан: многоязычие и обучение языкам // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 4. С. 477–488. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-477-488>

Introduction

Educational language policy springs from research on language-in-education within its social, political and historical context, and the role of government and other institutions that shape language use and acquisition in societies worldwide [57]. Since the late 1980s and early 1990s scholars have written about the issues of inequality, linguistic discrimination and language rights on the one hand, and the impact of powerful institutions, such as governments, interest groups, social movements on aspects related to language learning, teaching and speaking, on the other [14; 26; 47; 48; 49; 57; 62]. While research on language education policies continues to grow reflecting the impact of educational policy on language situations in various parts of the world – India [44], New Zealand [38]; Africa [30], South Africa and Bolivia [32]; Peru [65], USA [33; 39; 40; 41; 42; 43; 49; 54], Spain [5]; Romania [35]; Israel [53] among others – the complex processes of language policy implementation within educational contexts have not been examined in depth [42].

The few studies that examine various aspects of language policy implementation illustrate how even in cases with official policies that support multilingual education, covert “implicit, informal, unstated, de facto, grass-roots, latent” aspects of policies hinder their success [52, p. 13]. Tatarstan, which is a multilingual state within the Russian Federation, can serve as an illustration of how well-intentioned policies which were spurred in the 1990s have not transformed language patterns among the residents of the state [25]. The focus on Tatarstan is interesting because it provides an insight onto the impact of language education policies on the indigenous people, Tatars are the most populous ethnic group in Tatarstan (53 %) preceding ethnic Russians (39 %) in the state, and they are the second largest in the country (5,310,649)¹. Ethnologue² documents 135 languages in Russia, whereas more

than 200 existed in early 20th century. According to Krauss, about 70 % of indigenous languages in Russia are moribund, which means in their last generation of speakers. The extinction of languages is another concern for studying vitality of multilingualism in Russia [28].

The primary focus of the paper is the role of language policy implementation in regards to the Tatar language maintenance and growth, the analysis of the State Program does not go in depth to address the language needs of speakers of other languages in the republic, even though the 1992 language law embraces both official languages, Tatar and Russian, and other languages spoken in Tatarstan. The concern for the vitality of other languages (besides Russian) is of great importance, but its analysis lies outside the scope of this paper.

Relevance. Policy description

A number of events, policies and other cases are cited as having a direct or indirect impact on language policy implementation in Tatarstan: Tatarstan’s 1990 Declaration on state sovereignty and Tatarstan’s language law of 1992, bilateral Tatarstan–Russia treaty on jurisdictional divisions and mutual delegation of authority (1994), the State Program on the Preservation, Study and Development of the Languages of the Peoples of Tatarstan (1994). However, Cashaback [4] considers that “Although the issues of Tatarstan’s political and constitutional status are intimately linked to language, republican competence in this field did not result from intergovernmental bargaining or the bilateral treaty process” [4, p. 250]. The attempt to switch from Cyrillic alphabet, used for the Tatar language, also did not bring the desired outcomes. After the unanimous vote in favor of script reform at the Second All-World Tatar Congress in 1996 and support from local organizations, the Tatarstan government established the 1999 Law on the Restoration of the Tatar Alphabet on the Basis of the Latin Script. The law generated much discussion on the topic, and was taken up by the federal government who subsequently nullified it by the

¹ Federal State Statistics Service. 2010 *All-Russia Population Census* [in Russian].

² Ethnologue // Этнолог URL: <https://www.ethnologue.com/country/RU> (дата обращения 08.10.2020).

2002 amendment to Russia's law on languages that forbade state languages of republics to be based on scripts other than Cyrillic¹ [52, Article 3§5]. So, not only did the implementation of the language policies deferred in time, the substance of the "Tatarstan model" in language policy was not clearly articulated. Hence, Rorlich [50] contemplates "one is only left to speculate what the replica of an asymmetric federation and bilateral treaty might be in the realm of language relations." [50, p. 392].

Policy alternatives.

So, what is it about the implementation that hampers the effectiveness of language policies in Kazan, Tatarstan? Some argue that it is the lack of local motivation, resources and political commitment on behalf of the government leaders of Tatarstan, not really the federal design: "policymakers are conscious of the deficits of their policies but identify internal factors, such as lack of motivation and insufficient financial support, as the main vectors of weakness" [5, p. 271]. Gorenburg [25] attributes the failure of Tatarstan language policies to the lack of prestige towards Tatar language, and the need to increase the status of the Tatar language vis-à-vis Russian, which has been unsuccessful. Also, he claims that the language revival efforts did not change language practices among Tatars, especially young Tatars and within the Tatar families, which is consistent with Fishman's [16; 17] argument that intergenerational transmission is the primary indicator of the vitality and maintenance of the endangered language.

In the realm of education, Zamyatin² further contends that educational reforms on the federal level "actually discourage teaching of minority languages", and thus, might lead to further decrease in the number of individuals learning their native languages³. He posits that weakening of the institutional position is a result of deliberate action aimed at "diminishing the role in education of languages other than Russian"⁴. Furthermore, federal policies, by giving the freedom of choice to schools, teachers, parents and students to make their own decisions about language education,

echo soviet policies, where nation building efforts take over students' right to mother tongue education and the obligation of state to support all languages. The role of language policy is also referenced in discussions about the "Tatarstan model" of negotiated federalism [1; 3], Tatar language renaissance movement [18], as discussed above.

After the Declaration of Sovereignty (1990), adoption of the 1992 Constitution, and enactment of Law on Languages of Peoples of Tatarstan (1992), the state put forward three state programs – one in place from 1994–2003, the second came into being in 2004 and it was followed by the most current program that spans from 2014 through 2020 – to revive the languages of Tatarstan, but each of which had a specific focus on the Tatar languages revitalization. The purpose of these programs is to create conditions for successful preservation, learning and growth of Tatar, Russian and other languages of Tatarstan, and support for Tatar language outside of the state.

The State Program is to be administered by the Department of Education of Tatarstan, while the main program developers are Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (ANRT), and the Kazan Federal (Volga) University (KFU). The ANRT was created as a separate institution, apart from the Russian Academy of Science which has been the lead source of education reforms, curriculum development, and assessment. The claim to sovereignty has been one of the major rationales for creation of the ANRT. The republicanised academies of science have been crucial in "relocating the production of cultural and historical knowledge away from Moscow and to the republics", and those who work within them consider themselves advocates of sovereignty, of which language constitutes a major part [22, p. 614].

Materials and Methods. Theoretical Framework

To make sense of language policy Spolsky [56] offers a tripartite framework; he distinguishes among three components of the language policy of a speech community – language practices, language beliefs or ideology and language intervention, planning or management. As language policies are very complex, dynamic and correlated with so many other aspects of society, it is vital to discern these elements to unpack the effectiveness of policy implementation. Language management is present at every level of the policy onion. The managers of the language can be legislative assemblies, national legislature, state/local government body, special

¹ RF [Rossiiskaya Federatsiya]. O yazykakh narodov Rossiiskoi Federatsii, 2002 URL: <http://iv2.garant.ru>

² Zamyatin K. The Adoption of Language Policies in the Republics of Post-Sovjet Russia: Actors, Debates, Decisions. *Sociolinguistic Studies*, 2020. No. 2 (2). Pp. 30–66. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-adoption-of-language-policies-in-the-republics-of-post-soviet-russia-actors-debates-decisions> (дата обращения: 10.10.2021).

³ Ibid. P. 17.

⁴ Ibid. P. 40.

interest group, law court, institution or business, or it can be a family member. Whether these stakeholders have direct or indirect impact on the language policy, are cognizant or not of their agency and exercise this agency in an explicit or overt manner, all these levels of language policy management should be taken into account in the process of policy implementation analysis.

The next component of language policy framework is language practices. Spolsky [56] defines language practices as “word and grammatical choices that an individual speaker makes, sometimes consciously and sometimes less consciously, that makes up the conventional unmarked pattern of a variety of a language” [56, p. 9]. Language practices include the differences in language variation or dialects, formal and informal speech, domains in which languages are spoken or avoided, speakers/interlocutors and purpose that determine the choice of language. Language beliefs reveal a set of values, norms, opinions that individuals apply to various language variables, including prestige of a language or language variety. Taken together, these three components are intricately connected yet each or all may be manifested differently depending on the range of conditions that affect language policy. Spolsky’s [56] framework is useful in the analysis of multilingual language policy implementation in Tatarstan, as it provides the tools to deconstruct how policy works or does not through each of these components.

Grenoble and Whaley’s [24] guide for creating a language program is used to assess the needs, commitment, resources, and goals of the State Program. Their step-by-step account of how to identify key factors and then establish an appropriate language revitalization program will serve as a procedure to systematically analyze various parts of language revitalization program in Tatarstan and apply it to the educational context. Alternatively, Fishman’s [16] Graded Intergenerational Dislocation Scale [GIDS], a typology for assessing language shift, has been utilized to evaluate language situation in multilingual societies. In the context of Tatarstan, Wertheim¹ considers it difficult to classify the Tatar language along this scale, as it does not fit only one or two of its stages, but spans across several stages, and even within a few stages it is not very stable. Tatar language use is virtually present in stages 5 through 1 on

GIDS, including some government activity, some mass media, work sphere (which varies across many variables) (Stages 1 and 2), higher education (a few programs offering Tatar-medium of instruction and Tatar classes as core classes, yet a failed attempt at Tatar-medium University), secondary education (Tatar medium schools are available based on parent’s choice, and Tatar classes are mandatory for all school children in Tatarstan), services (dependent on various conditions) (Stages 3–5). However, most importantly, as Wertheim points out, there appears to be a disruption in intergenerational transmission as described in Stage 6: the domestic sphere of Tatar usage is not a stable one, and the language of choice for intragenerational interaction for the youngest generation is often code-switched Russian and Tatar, or entirely Russian speech. Therefore, Tatar is not in a situation of stable diglossia, but is rather a contracting language.

Gorenburg [25] also notes the continuing decline in Tatar language use among Tatars. After the adoption of the first State program in 1994 and until the mid-2000s the proportion of Tatars speaking the language continued to decrease, especially among youth. The statistics Gorenburg [25] cites offer the following numbers: only 20,5 % of Tatars under the age of 30 speak Tatar better than Russian, 42,9 % speak both languages equally well, and 36,6 % claim that their fluency in Russian is higher than in Tatar. So, the shrinking numbers are especially evident among younger generation.

Fishman’s [16] framework provides a holistic approach to the study of multilingual language policy implementation, while the choice of Grenoble and Whaley’s [24] guide is determined by the level of detail that is present at each step of their approach. Now that the Stage 6 is singled out as the key stage in the language revitalization process in Tatarstan, it is crucial that much attention is concentrated on securing the stability, strength and permanence of language development at this stage before attempting to onset initiatives on higher stages. Also, there is a need to understand the role of school in maintaining, developing or hindering the implementation of language policy in Tatarstan. The analysis of the State Program’s goals and indicators reveals that this core element – the intergenerational transmission – is not targeted as a vital element in the language revitalization program. Thus, the next section provides the analysis of the State Program with the focus on key language managers, language practices and language beliefs [56] at each step of the Grenoble

¹ Wertheim S. Linguistic Purism, Language Shift and Contact-Induced Change in Tatar. PhD Thesis, Department of Linguistics, University of California Berkeley, 2003.

and Whaley's [24] language program development and implementation process: vitality and variation assessment; evaluation of community resources and goals; considerations of potential obstacles and ways to overcome them; literacy and formal education; and program evaluation.

Results and Discussion. Analysis of the State Program

Vitality assessment. A careful, comprehensive and strategic assessment of the language situation is important for any language revitalization program to really target areas that need the most attention in the early stages of reversing the language shift [16; 24; 28; 29; 51]. As the number of speakers of the threatened language usually serves as one of the strong indicators of language vitality, its assessment should be rigorous and realistic. The State Program contains a brief overview of the language proficiencies of the Tatarstan residents. Among the 173 peoples living in the republic 53,2 % are Tatar, 39,7 % are Russian, Chuvash make up 3,1 %, and the rest are less than 1 %. Among the residents, members of all ethnic groups demonstrate the level of their Russian language proficiency above 95%, whereas the Tatar language proficiency differs substantially across different ethnic groups: Tatar, Bashkir, Udmurt, Mari, Chuvash state their knowledge of Tatar as 92,4 %, 65,7 %, 35 %, 29,8 % and 14,1 % respectively. The lowest degree of Tatar language proficiency is showed by Mordovians, Ukrainians, and Russians – 4,4 %, 3,6 % and 3,6 % respectively. The survey of Russian speaking school children shows that 12 % can speak, read and write in Tatar; 20 % have difficulty speaking, 23 % understand but cannot speak Tatar, and 34 % do not know the language at all.

The survey data in the State Program, while provides some preliminary information about language situation in Tatarstan, is fraught with several issues. First of all, self-report surveys have been criticized for many reasons as not being the most accurate sources of information: being a member of an ethnic group might show bias towards indication of the stronger language proficiency than is the case in reality. Grenoble [23] shows that in the Soviet Union census data varied based on whether individuals wanted to ally or distance themselves from a given ethnic group. Similarly, strong ties between ethnicity and language might add noise to the data. Second assumption is the ability of an individual to accurately evaluate their language proficiency, the knowledge of the spoken language differs from

real assessment of his/her academic language [9]. Furthermore, the survey does not break down the information by categories: the age and generational distribution, correlation between age and proficiency levels, the number and level of speaking abilities and other literacy skills, levels of fluency based on various domains, topics. There might be other important dimensions such as sex, socioeconomic class, territorial differences (urban, suburban, rural), etc. Without more substantial information about language situation it can be hard to target language revitalization activities, as they can be deemed good for all, and thus serve to improve language proficiency of none.

The lack of active use of multiple languages among children who live in multilingual societies can be attributed to a number of reasons, and De Houwer [10; 11] focuses on the role of parental involvement in patterning of language use children. She argues that "specific parental input may, to a large extent, determine whether children who hear three languages on a regular basis actually end up speaking those three languages or not" [11, p. 118]. Once children start school, the impact of schooling becomes tremendous [45]. The objectives that are geared towards implementing language policies to support bilingualism and mother language learning are minimal in the program, which states that one of the objectives is to retain the same percentage of Tatar students receiving education in their mother tongue in pre-schools and secondary education. No changes are envisioned in terms of Tatar language classes for non-Tatar student population despite the low Tatar language proficiency among secondary students. The lack of special provisions in the area of education for this demographic is another example of how the State Program is unable to conceive of and support multilingual learning in schools.

Assessment of attitudes, goals and resources. The next level of analysis is the evaluation of community attitudes, goals and resources. Residents' knowledge and attitudes towards their own and other languages are also important to explore. As reported elsewhere [19; 20], community members' attitude can either promote or hinder the success of language policy implementation. The State Program reports the results of the previous program, which was in place from 2004 through 2013. As a part of older program free Tatar language classes have been offered to the government employees and public at large. Research shows that more than 90 % of Tatars and about 65 % of Russian consider bilingualism as a necessary skill

among government employees and employees who work in the service industry. Similar to the assessment of language vitality, the results of this research do not provide deep understanding of the language attitudes towards bilingualism in Tatarstan. Tollefson [57], among many other scholars, points out that the study of language policy should always be accompanied with the study of the relationship between language and ideology. The following questions should be answered: what is the relative prestige of each language, how do residents perceive speakers who are monolingual in either of the languages or who are bilingual, what drives positive attitudes towards the local language in educational institutions [24].

The existing studies on Tatar language, education, nationalism, educational policies reveal a huge gap between their findings and the acknowledgement of gravity of language attitudes in the State Program. Numerous studies have depicted the marginalized status of indigenous languages in the Soviet Union, especially since language reforms of the 1960s [23; 50]. The pervasiveness of negative attitudes towards Tatars has been seen in public [Grenoble, 2003], mass media [15], education [5; 25], literature [50]. The negative attitudes have shifted in the Post-Soviet era, and the language policies of the early 1990s could account for a big part of this change [18]. However, official recognition and institutionalization of bilingualism in certain domains does not guarantee a full shift in attitudes. Veinguer and Davis [60] state that due to the fact that “Tatar continues to underperform in its official position” [60, p. 199], that is, its *de jure* status does not match *de facto* language use, attitudes to learning Tatar partially reflect this asymmetry in its bureaucratic and everyday position.

Attitudes of the majority of the families and their school children tend to reflect the dominant negative trends in society. Wertheim¹ notes that for many urban Tatars, as well as many Russians “modern Tatar is dismissed as merely a kitchen language”. Wertheim then goes on to explain that some Russians openly express their negative attitudes towards the Tatar language. These parents consider the learning of Tatar language and literature as “‘useless,’ ‘waste of time,’ and ‘taking up the time that should be used to teach ‘real’ things” [60, p. 32–33]. Za-

myatin² also suggests that the federal language policies leave it up to school to make decisions about language education, and these decisions are often guided by the “collective attitudes of the community at large [majority attitudes]”³. These studies suggest that analysis of parents’, teachers’ and students’ attitudes towards bilingualism and Tatar language play an important role in the effectiveness of language policy implementation, and this aspect should be more thoroughly addressed in the State Program.

When it comes to resources, Grenoble and Whaley [24] offer to look beyond the financial resources, which constitute 1084,20 million Rubles for the State Program, but also existing language resources (grammatical descriptions and dictionaries, textbooks, pedagogical materials, written and oral literatures, and so on) and human or emotional resources. The breakdown of each of the seven goals of the State program shows that a number of efforts are dedicated to the creation and development of the language resources in the forms of scholarly investigations in the field of Tatar language philology, electronic fund of Tatar language, research on linguistic and cultural aspects of the Tatar semantics. The focus on ethno-cultural and linguistic aspects of language revitalization can be partly attributed to the kind of work that professors at the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan and Kazan Federal (Volga) University engage in, which can be enriching in some yet limiting in other regards. The human or emotional resources, which are available in the republic, including but not limited to the Tatar Congress, Tatar Youth Forum, and numerous other non-profit organizations working to promote the Tatar language and culture are not included to directly contribute to development of the program.

The lack of joint efforts might be another reason for lack of success of language policy implementation. As Grumet and Stone [27] state for language revitalization projects to succeed new channels connecting groups of people, new means of communication must be worked through, as “action requires community, for the dyads of home and school, private and public, reproduction and production, self

¹ Wertheim S. Linguistic Purism, Language Shift and Contact-Induced Change in Tatar. PhD Thesis, Department of Linguistics, University of California Berkeley, 2003.

² Zamyatin K. The Education Reform in Russia and its Impact on Teaching of the Minority Languages: An Effect of Nation-Building? // *Journal on Ethnopolitics & Minority Issues in Europe*. 2012. Vol. 11. No. 1. Pp. 17–47. URL: <https://www.ecmi.de/fileadmin/downloads/publications/JEMIE/2012/Zamyatin.pdf> (accessed 18.03.2021).

³ Ibid. P. 38.

and language, and intentionality and reflexivity cannot be mediated only intellectually" [27, p. 196]. For language programs to succeed scholars also mention community support and participation from the beginning of the project. Many multicultural and multilingual movements arise from grassroots community activism [55], so the leadership, awareness, ethnic and linguistic consciousness and responsibility in maintaining native languages of multilingual students should also originate from the community itself [31; 39; 47].

Obstacles to program implementation. The few measures that are mentioned in the State Program that are seen as potential obstacles are changes in the federal legislation. One of the major obstacles that is not considered in the program is the "mismatch between the resources available for language revitalization, including also a consideration of community support as a resource, and the goals for a revitalization program" [24, p. 176]. The analysis in the previous sections illustrates that the lack of identifying key managers of language policy implementation [in this case, parents, students and teachers], without assessing their language attitudes and beliefs and having a realistic sense of their language practices in diverse linguistic environments, it is hard characterize the language policy implementation process as effective [56]. Grenoble and Whaley [24] alert that "unrealistic goals can lead to demoralization and frustration and may even cause community members to abandon the program. Creating and maintaining morale are thus linked to realistic expectations of the community" [24, pp. 176–177].

The studies documenting failures of language policy implementation in Tatarstan, reveal that the lack of internal motivation and continuous sense of responsibility or language ownership on behalf of the republic's leadership might be one of the causes for unachieved goals [4]. Consistent lack of acknowledgement of problems in teaching of the Tatar language in schools also deserves more scrutiny. Gorenburg [25], Gilmetdinova [21] among others point to the sentiment among Tatarstan residents that the Tatar teaching methods, curriculum and staff are not always the most adequate for the given socio-linguistic circumstances. Many Tatar language classes are built on the classical model of language teaching, with a focus on teaching literary language and formal vocabulary. Many of these classes do not prepare students to engage in informal conversations in various functional domains. According to Gorenburg [25] the introduc-

tion of mandatory classes in Tatar in the 1990s did not improve language proficiency of the Tatars, and only slightly increased the knowledge of Tatar among Russian speaking students.

The objectives listed under the goals of the State Program only peripherally mention the development of new curricula materials, professional development of Tatar language teachers and advancements in Tatar teacher training programs. The decreasing knowledge of the Tatar language proficiency among Tatars, especially in urban environments, and the hostility of much of the Russian speaking population call for new approaches in language education. First of all, many countries have acknowledged the fact that many of their students do not come to schools with active knowledge of their own language, the term *heritage language learners* was developed to describe this student population; the author defines the term elsewhere [19]. Studies of heritage language education in many contexts have been prolific, especially in North America, and Tatarstan can profit from their findings: the USA [34; 36; 58; 59], Canada [8; 9; 12].

More so, over the last decade dual language programs have emerged and gained a momentum¹ [7; 17; 71]; these are the programs where students from two different language backgrounds study together and both languages are used as the medium of instruction. Strong models of dual language programs (with about equal amount of instruction in both languages) are considered some of the most successful in terms of long-term students' academic performance and growth [6]. As of now, in most schools in Tatarstan, the dominant language of instruction is Russian, some schools have Tatar language groups (the nature of this division needs more research, as such segregation in and of itself might increase the stigma of being in that group), or Tatar-medium schools. Of course, the borders of language instruction are not clear cut, and the teachers, especially ethnic Tatars can translate or switch from language to language. Nevertheless, a more focused, research-based approach to bilingual language instruction and programming may be another good avenue that the State Program may explore [2].

Literacy. Three considerations are relevant in terms of attending to the literacy needs of the multilingual community in Tatarstan: literacy assessment, literacy materials and teacher training, and all should be done with clear understanding of the needs, aspirations

¹ Wright W.E. Bilingual education. In T.K. Bhatia & W.C. Ritchie [Eds.], *The handbook of bilingualism and multilingualism*, Oxford, UK : John Wiley & Sons. 2013. No. 2. Pp. 598–623.

and reasons for literacy use in the community. The authors remind the readers that “the number of field reports which document the failure of literacy programs due to a lack of community involvement, or a disregard for community desires, is striking” [24, p. 184]. Thus, literacy goals should be linked to needs and the goals of the community. First and foremost, determining the levels of literacy achieved by different segments of the population is helpful. For example, full fluency (spoken and written) in both languages by all community members in all domains can be on the one end of the continua, and no functional fluency with the use of language limited to set phrases, memorized texts on the other end of continua.

It is important for State Program developers to identify the desired level(s) of literacy for different strata of Tatarstan’s population. Specifically, in line with the focus on intergenerational transmission it is important to detect the level of spoken and written literacy among Tatar, Russian families and children and families of other ethnicities. As the statistics in the State Program demonstrates, some of the peoples, like ethnic Bashkir and Udmurt residents of the republic demonstrate fairly high level of Tatar knowledge, whereas Russians and Ukrainians are barely reaching 4 %, so literacy programs should take these differences into consideration. But most importantly, focusing on the two major ethnic groups, Tatars and Russians, “those working to revitalize a language must determine what levels of fluency they believe can be achieved, who will use the language, and in which domains” [24, p. 175]. The indicators of the State Program state that the percentage of Tatars receiving pre-school and secondary education in Tatar language will remain at 64 % and 43,65 %, yet they do not reflect the necessity for more drastic changes, given the declines in language proficiency over the last decades.

There is an immense need to discuss the places for literacies to be used, and contexts that need to be created for its use. In multiple places, the State Program mentions the creation of audio-visual information, possibilities for spoken bilingualism among employees in certain work spheres, but no concrete measures are outlined to address this need. As of now, theatre, media (several TV channels, radio, newspapers and magazines), puppet shows and some online resources are available in Tatar. The fact that the State Program does not designate special groups for the implementation of language policies weakens its effectiveness. Research can be directed to exam-

ine which literacies already exist in the families, family-school dyads, and communities and “how they shape ideas about what local literacy should look like and do” [24, p. 185].

Literacy materials should also reflect the needs of the population. The State Program has a number of objectives that partially address this need, for instance, generic description of the Tatar curricula development, equipment and technology for Tatar classrooms. The hope is that these literacy materials go in line with three important components of functional literacy: literacy, functionality, and awareness [24]. The growing number of libraries and printed resources in Tatar language, as indicated in the program, should facilitate the first component, literacy. Functionality implies that “the content of what is read should be about, or relevant to, economic and vocational development, at both a personal and a community level [24, p. 188]. Thus, cultural, ethnic, socio-political realities of the community should be integrated into the literacy materials.

The analysis of literacy materials in other multilingual societies can provide a useful illustration of the case in point. What matters to a variety of linguistically and culturally diverse populations would differ, but the awareness of the absence of a single interpretation of ‘what knowledge is of most worth’ and ‘how schools should go about teaching it’ is important. Watkins [61], for example, describes black curriculum orientations that continue to fight against the oppressiveness and separateness of U.S. society and “to develop as both a part of and separate from the larger curriculum movement [61, p. 336]”. Care should be taken to identify the sources that misrepresent Tatar history, culture, ethnicity in the textbooks and other sources, and update older editions to provide a more accurate and unbiased interpretation of the information. Also, the goals of literacy materials for different ethnic groups might differ. For instance, what some indigenous peoples place as the core curriculum reveals their ties to the oral culture: “our goal was to create a text that preserved the narrative flow of the original transcribed/translated stories, keeping as much of the translated text as possible, while, at the same time, making it accessible to children”¹ [63, p. 125]. In Arapaho communities, the idea of performing a story is essential in knowledge transmission and acquisition,

¹ Webster, J. P., & Yanez, E. (2007). One must arrive with a story to tell: Traditional Alaska NA Yup’ik Eskimo stories in a culturally based math curriculum. *Journal of American Indian Education*, 46(3), p. 125.

and it fits the purpose of creating bilingual texts produced by most learned and traditional elders [7].

Similarly, the unique cultural elements of Tatars, such as “mong” can be integrated into the literacy materials. Faller [16] defines mong as generalized feeling of grief-sorrow, a type of melancholy song, the sorrowful melodies that animate the melancholy songs, the sentiments singers singing those songs tap into and transmit, the emotion audience members experience while listening to them, and a topic of ideological talk [16, p. 257].

The author explains that there is no one definition of mong among Tatars, because flexibility of its interpretation allows Tatars with different experiences to unite with other Tatars through a feeling of collective suffering. Singing is one of the traditional past times during various festivities among Tatars, so introducing the materials about mong can invite parents to more eagerly embrace and appreciate the language policy implementation program. It can be argued, that deep connection to the mong that Tatar parents have can encourage them to pass it on to their children, thus inculcating both the language and culture through such a literacy activity. Art and/or music classes in schools can incorporate the unique elements of Tatar mong into their curriculum and instruction. Finally, awareness materials could include guides like, Baker’s¹ [1] A Parents’ and Teachers’ Guide to Bilingualism, brochures about the benefits of multilingualism and the role of mother tongue transmission. Such language and culture specific objectives can further strengthen the State Program in Tatarstan.

Evaluation and more. The last step in Grenoble & Whaley [24] guide to language program creation is evaluation. The State Program has a section on the mechanism of its implementation with pre-set dates for reports and assessment of its progress. Interestingly, one of the indicators includes the presence of mass media accounts of the program’s implementation (up to 150 over the course of its 6 years of implementation). This seems to be an attempt at transparency of the program realization and to increase attention and involvement of public at large in the program. Given the analysis provided in the previous sections, the honesty and realistic goals and expectation seem to be the aspects that the program can more thoughtfully integrate. Also, other elements of the program, such as developing the technology that supports language

use [although present is very descriptive and declarative], the role of outsiders, including, many scholars whose research directly or indirectly helps to address the problems of language policy implementation in Tatarstan, should be considered.

Conclusions

Multilingualism is a ubiquitous phenomenon with about 7,000 languages spoken around the world. However, only the few of these languages enjoy the official status within their countries or regions/states: “fewer than 4 % of the world’s languages have any kind of official status in the countries they are spoken”² [50, p. 449] and only a quarter of all countries recognize more than one language [13]. In cases where the policies do exist, they might take a different form, a law, a cabinet document, an administrative regulation. In the case of Tatarstan, the early 1990s created a policy window for Tatarstan to declare sovereignty (2000) and soon enact the language law (1992) that is supportive of bilingualism and that grants the rights to learn and speak (in) the native language [18]. The three State Programs that followed these legislative decisions and which were designed as tools to facilitate the implementation of the language policy have not have been as successful as envisioned. Although the programs have made a number of accomplishments, “including outreach, conferences, the publication of dictionaries, pedagogical material and studies of language policy and law in Tatarstan,” the State Program in its current rendition has room for further improvement” [4, p. 259].

Based on the analysis of the literature review on the topic and studies that have examined the language policy implementation in Tatarstan, the paper identifies that one of the areas that the State Program is failing to address is intergenerational transmission of the Tatar language in the families, and the impact of school on language family language patterns. Language policy implementation can be analyzed at various levels of generalizations [56], and specifying the unit of analysis – the parents, younger generation and teachers – is an important step to direct language revitalization activities. Next, the analysis discovers that “prior ideological clarification” [16] and the realistic understanding of the residents’ attitudes toward Tatar language in Tatarstan is missing. Language beliefs and attitudes

¹ Baker C. A Parents’ and Teachers’ Guide to Bilingualism. Bilingual Education and Bilingualism. Bristol, PA : Multilingual Matters. 2007. No. 5.

² Romaine S. The bilingual and multilingual community. In T.K. Bhatia & W.C. Ritchie [Eds.], *The handbook of bilingualism and multilingualism*. Oxford, UK : John Wiley & Sons. 2013. No. 2. Pp. 445–465.

play a very important role in all steps of creating language revitalization program [24], and the lack of explicit procedures and objectives in the State Program to address this area can be interpreted as one of the reasons for program's slow rates of accomplishments.

The effectiveness of multilingual language policy implementation can be measured according to various criteria, and language use or language practices are at the heart of this process. Without the people who know the language, who are using it in a variety of functional domains [family, school, religious organization, workplace, local government and states [56], in all modes [speaking, writing, reading and listening], for different purposes and with different interlocutors any language policy and its implementation is doomed to fail. The declining rates of Tatar knowledge among residents of Tatarstan, especially Tatars is alarming, and the efforts to change language practices of the society by means of supportive language policies might have slowed down the Tatar language loss but have not yet been able to reverse the language shift. Further research

needs to be done to understand how language is used at different levels of policy management, by the state authorities, institutions and most importantly family members and teachers. Without a clear understanding of the reasons for language use and purposes it serves for the local people, it might be hard to target policy implementation initiatives.

Among other questions that should be addressed in future research are the role of global processes, such as decolonization and the spread of English. Tatar people and Tatarstan society needs to uncover hidden and covert influences of its colonial history. Language policies are not always about language per se, but more about struggle for power and economic resources [57]. Next research topics can address the matter of the struggle for power between the republic and the federal government in the matters of language policy and planning. English language has a great impact as lingua franca, and whether and how it can be used to promote multilingualism deserves further investigation.

1. Balzer M. M. Editor's Introduction. *Anthropology and Archeology of Eurasia*, 2005, no. 43[3], pp. 3–10. (In Eng.).
2. Brisk M. E. *Bilingual education: From compensatory to quality schooling*. New York, NY, Routledge, 2006, 266 p. (In Eng.).
3. Bukharaev R. The Model of Tatarstan. *Anthropology and Archeology of Eurasia*, 2005, no. 43 [3], pp. 62–96. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/10611959.2004.11029011>
4. Cashaback D. Assessing asymmetrical federal design in the Russian federation: A case study of language policy in Tatarstan. *Europe-Asia Studies*, 2008, vol. 60, no. 2, pp. 249–275. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/09668130701820127>
5. Cenoz J. Towards multilingual education: Basque educational research from an international perspective. *Clevedon: Multilingual Matters*, 2009, vol. 72. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1362168810388727> (accessed 12.04.2021). (In Eng.).
6. Collier V. P. & Thomas, W. P. The astounding effectiveness of dual language education for all. *NABE Journal of Research and practice*, 2004, vol. 2, no. 1, pp. 1–20. Available at: https://www.mville.edu/sites/default/files/Dept_School%20of%20Education/Collier__Thomas_-Effectiveness_of_Dual_Language.pdf (accessed 10.04.2021). (In Eng.).
7. Cowell A. Bilingual curriculum among the Northern Arapaho: oral tradition, literacy, and performance. *The American Indian Quarterly*, 2002, vol. 26, no. 1, pp. 24–43. Available at: <https://www.jstor.org/stable/4128473> (accessed 11.04.2021). (In Eng.).
8. Cummins J. Cognitive/academic language proficiency, linguistic interdependence, the optimum age question and some other matters. *Working Papers on Bilingualism*. Toronto, 1979, no. 19, pp. 197–202. Available at: <https://eric.ed.gov/?id=ED184334> (accessed 03.04.2021). (In Eng.).
9. Cummins J. Heritage Language Education: A Literature Review. Toronto, Ministry of Education, 1983. (In Eng.).
10. De Houwer A. Environmental factors in early bilingual development: The role of parental beliefs and attitudes. In G. Extra & L. Verhoeven [Eds.]. *Bilingualism and migration*. Berlin: Walter de Gruyter, 1999, pp. 75–96. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110807820.75>
11. De Houwer A. Trilingual input and children's language use in trilingual families in Flanders. In C. Hoffman & J. Ytsma [Eds.]. *Bilingual education and Bilingualism*, 43: *Trilingualism in Family, School and Community*. Clevedon, GBR. Multilingual Matters, 2004, pp. 118–135. (In Eng.).
12. Duff P. Heritage language education in Canada. In D. Brinton [Ed.]. *Heritage language education: A new field emerging*. Mahwah, NJ. Lawrence Erlbaum Associates, 2008, pp. 71–90. (In Eng.).
13. Edwards J. R. Societal multilingualism: Reality, recognition and response. In P. Auer and L. Wei [Eds.]. *Handbook of Multilingualism and Multilingual Communication*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2007, pp. 447–69. (In Eng.).
14. Fairclough N. Language and power. New York, Pearson Education, 2001. (In Eng.).
15. Faller H. M. Nation, Language, Islam: Tatarstan's Sovereignty Movement. Budapest, Central European University Press. 2011.
16. Fishman J. A. Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages. *Clevedon, Multilingual matters*, 1991, no. 76. (In Eng.).

17. Fishman J. A. Language maintenance, language shift, and reversing language shift. In T.K. Bhatia & W.C. Ritchie [Eds.]. *The handbook of bilingualism and multilingualism*. Oxford, UK, John Wiley & Sons, 2013, 2nd ed., pp. 466–494. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118332382.ch19>
18. Garipov Y. & Faller H. The politics of language reform and bilingualism in Tatarstan. In F. Daftary, F. & Grin, [Eds.]. *Nation-building, ethnicity and language politics in transition countries*. Budapest, Hungary, Local Government and Public Service Reform Initiative/European Centre for Minority Issues [ECMI], 2003, pp. 165–183. (In Eng.).
19. Gilmetdinova A. Principals as gatekeepers of language policy implementation in Kazan, Russia. *International journal of bilingual education and bilingualism*, 2019, vol. 22, no. 2, pp. 120–137. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/13670050.2016.1231772>
20. Gilmetdinova A. & Burdick, J. Many Mansions: Conceptualizing Translingual Curriculum. *International Multilingual Research Journal*, 2016, vol. 10, no. 2, pp. 77–88. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/19313152.2016.1123065>
21. Gilmetdinova A. & Malova, I. Language education for glocal interaction: English and Tatar. *World Englishes*, 2018, vol. 37, no. 4, pp. 624–634. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1111/weng.12324>
22. Graney K. E. Education reform in Tatarstan and Bashkortostan: sovereignty projects in post-Soviet Russia. *Europe-Asia Studies*, 1999, vol. 51, no. 4, pp. 611–632. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/09668139998813>
23. Grenoble L. A. Language policy in the Soviet Union. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 2003, vol. 3.
24. Grenoble L. A. & Whaley L. J. Saving languages: An introduction to language revitalization. Cambridge, Cambridge University Press, 2006. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/15427580802571947>
25. Gorenburg D. Tatar language Policies in Comparative Perspective: Why some Revivals fail and some succeed. *Ab Imperio*. 2005, no. 1, pp. 257–284. URL: <https://muse.jhu.edu/article/560415> (accessed 08.04.2021). (In Eng.).
26. Gorenburg D. P. Minority ethnic mobilization in the Russian Federation, Cambridge, Cambridge University Press, 2006. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511550348>
27. Grumet M., & Stone L. Feminism and curriculum: Getting our act together. *Journal of Curriculum Studies*, 2000, vol. 32, no. 2, pp. 183–197. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/002202700182709>
28. Hale K., Krauss M., Watahomigie L. J., Yamamoto A. Y., Craig C., Jeanne L. M., & England, N. C. Endangered languages. *Language*, 1992, pp. 1–42. Available at: <https://blogs.umass.edu/eba/files/2013/06/EndangeredLang1992.pdf> (accessed 29.03.2021). (In Eng.).
29. Hinton L. Language planning. In L. Hinton & K.L. Hale [Eds.]. *The green book of language revitalization in practice*. San Diego & New York, Brill Academic Press, 2001, pp. 51–59. (In Eng.).
30. Hlongwa N., Balfour R. J., Mkhize N. & Engelbrecht C. Progress and challenges for language policy implementation at the University of KwaZulu-Natal. *Language Learning Journal*, 2010, vol. 38, no. 3, pp. 347–357. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/09571736.2010.511788>
31. Holmes J., Roberts M. & Verivaki M. Language maintenance and shift in three New Zealand speech communities. *Applied linguistics*, 1993, vol. 14, no. 1, pp. 1–24. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1093/applin/14.1.1>
32. Hornberger N. H. Multilingual language policies and the continua of biliteracy: An ecological approach. *Language Policy*. 2002, vol. 1, no. 1, pp. 27–51. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1023/A:1014548611951> (accessed 26.03.2021). (In Eng.).
33. Hornberger N. H., & Johnson D. C. Slicing the onion ethnographically: Layers and spaces in multilingual language education policy and practice. *Tesol Quarterly*, 2007, vol. 41, no. 3, pp. 509–532. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1002/j.1545-7249.2007.tb00083.x>
34. Hornberger N. H. & Wang S. C. Who are our heritage language learners? Identity and biliteracy in heritage language education in the United States. In D. Brinton [Ed.]. *Heritage language education: A new field emerging*. Mahwah, NJ. Lawrence Erlbaum Associates, 2008, pp. 3–35. (In Eng.).
35. Kiss Z. É. Language policy and language ideologies in Szekler Land [Rumania]: A promotion of bilingualism? *Multilingual Journal of Cross-Cultural and Interlanguage Communication*, 2011, vol. 30, no. 2, pp. 221–264. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1515/mult.2011.010>
36. King K. A. Language ideologies and heritage language education. *International Journal of bilingual education and bilingualism*, 2000, vol. 3, no. 3, pp. 167–184. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/13670050008667705>
37. Malone D. L. Developing curriculum materials for endangered language education: Lessons from the field. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 2003, vol. 6, no. 5, pp. 332–348. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/13670050308667790>
38. May S. Language and minority rights: Ethnicity, nationalism and the politics of language. London and New York. Routledge. 2008. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203832547>
39. McCarty T. L. Revitalising indigenous languages in homogenising times. *Comparative education*, 2003, vol. 39, no. 2, pp. 147–163. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/03050060302556>
40. Menken K. From policy to practice in the Multilingual Apple: bilingual education in New York Cit. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 2011, vol. 14, no. 2, pp. 121–131. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/13670050.2011.544117>
41. Menken K. English learners left behind: Standardized testing as language policy. Clevedon, UK: Multilingual matters, 2008, vol. 65. Available at: <https://katemenken.files.wordpress.com/2011/10/ell-left-behind-ch1-only.pdf> (accessed 19.03.2021). (In Eng.).
42. Menken K., & García O. [Eds.]. *Negotiating Language Education Policies: Educators as Policymakers*. New York. Routledge, 2010. (In Eng.).
43. Menken K., & Solorza C. No Child Left Bilingual Accountability and the Elimination of Bilingual Education Programs in New York City Schools. *Educational Policy*, 2014, vol. 28, no. 1, pp. 96–125. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1177/02F0895904812468228>

44. Mohanty A. K. Multilingualism of the Unequals and Predicaments of Education in India: Mother tongue or other tongue? / Eds. O. García, T. Skutnabb-Kangas & M. E. Torres-Guzmán. *Imagining multilingual schools: Languages in education and globalization*. Clevedon, UK. Multilingual Matters, 2006, pp. 262–279. (In Eng.).
45. Montrul S. Bilingualism and the heritage language speaker. In T.K. Bhatia & W.C. Ritchie [Eds.]. *The handbook of bilingualism and multilingualism*. Oxford, UK. John Wiley & Sons, 2013, no. 2, pp. 168–189. (In Eng.).
46. Oviedo A. & Wildemeersch, D. Intercultural education and curricular diversification: the case of the Ecuadorian Intercultural Bilingual Education Model [MOSEIB]. *Compare*, 2008, vol. 38, no. 4, pp. 455–470. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/03057920701860137>
47. Phillipson R. *Linguistic Imperialism*. Oxford [England]. New York. Oxford University Press, 1992. (In Eng.).
48. Phillipson R. & Skutnabb-Kangas T. Linguistic imperialism and endangered languages. In T.K. Bhatia & W.C. Ritchie [Eds.], *The handbook of bilingualism and multilingualism*. Oxford, UK. John Wiley & Sons, 2013, no. 2, pp. 495–516. (In Eng.).
49. Ricento T. K. & Wright W. E. Language policy and education in the United States. In *Encyclopedia of language and education*. Springer US, 2008. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1007/978-0-387-30424-3>
50. Rorlich A. A. History, collective memory and identity: the Tatars of sovereign Tatarstan. *Communist and Post-Communist Studies*, 1999, vol. 32, no. 4, pp. 379–396. (In Eng.). DOI: [https://doi.org/10.1016/S0967-067X\(99\)00020-3](https://doi.org/10.1016/S0967-067X(99)00020-3)
51. Sallabank J. *Attitudes to Endangered Languages: Identities and Policies*. New York, Cambridge University Press, 2013, 271 p. (In Eng.).
52. Schiffman H. F. *Linguistic culture and language policy*. London, Routledge Publ., 1996, 364 p. (In Eng.).
53. Shohamy E. *Language policy: Hidden agendas and new approaches*. London and New York, Routledge, 2006, 185 p. (In Eng.).
54. Simich C. & Boals T. Language and education policy in the state of Indiana. Implications for language minority students. *TESOL Quarterly*, 1996, vol. 30, no. 3, pp. 537–555. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.2307/3587697>
55. Sleeter C. E. *Un-standardizing curriculum: Multicultural teaching in the standards-based classroom*. New York, Teachers College Press, 2005. (In Eng.).
56. Spolsky B. *Language policy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511615245>
57. Tollefson J. W. [Ed.]. *Language policies in education: Critical issues*. Mahwah, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 2002, 350 p. (In Eng.).
58. Tse L. Resisting and reversing language shift: Heritage-language resilience among US native biliterates. *Harvard Educational Review*, 2001, vol. 71, no. 4, pp. 676–709. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.17763/haer.71.4.ku752mj536413336>
59. Valdés G. Bilingualism, heritage language learners, and SLA research: Opportunities lost or seized? *The Modern Language Journal*, 2005, vol. 89, no. 3, pp. 410–426. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1540-4781.2005.00314.x>
60. Veinguer A. A., Davis H. H. Building a Tatar elite Language and national schooling in Kazan. *Ethnicities*, 2007, vol. 7, no. 2, pp. 186–207. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1177/1468796807076840>
61. Watkins W. H. Black curriculum orientations: A preliminary inquiry. *Harvard Educational Review*, 1993, vol. 63, no. 3, pp. 321–338. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.17763/haer.63.3.26k2433r77v631k2>
62. Wiley T. G., Wright W. E. Against the undertow: Language-minority education policy and politics in the “age of accountability”. *Educational Policy*, 2004, vol. 18, no. 1, pp. 142–168. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0895904803260030>
63. Zavala V. Tactics of intersubjectivity and boundary construction in language policy: An Andean case. *Journal of Language, Identity & Education*, 2020, vol. 19, no. 2, pp. 95–110. (In Eng.). DOI: <https://doi.org/10.1080/15348458.2019.1649982>

Статья поступила в редакцию 15.06.2021 г.; одобрена после рецензирования 18.09.2021 г.; принята к публикации 27.09.2021 г.

The article was submitted 15.06.2021; approved after reviewing 18.09.2021; accepted for publication 27.09.2021.

Об авторе

Туктамышова Алсу Махмутовна

кандидат педагогических наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технический университет имени А. Н. Туполева – КАИ (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 10), Alsu.Tuktamysheva@kai.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the author

Alsu M. Tuktamysheva

Ph. D. (Pedagogy), Associate Professor, Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI (10 Karl Marx St., Kazan 420111, Russian Federation), Alsu.Tuktamysheva@kai.ru

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 811.511.131

DOI 10.30914/2072-6783-2021-15-4-489-494

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СОЮЗА *ШУЙСА* В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

А. Ф. Уткина

*Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск, Российская Федерация*

Аннотация. Введение. Сложноподчиненные предложения удмуртского языка характеризуются полифункциональностью многих союзов и союзных слов. Однако на сегодняшний день для союза *шуыса* 'что' в удмуртской лингвистике традиционно выделяется лишь его изъяснительная функция. Между тем указанная лексема может иметь набор дополнительных значений. **Цель статьи** – выявить функциональные возможности союза *шуыса* в современном удмуртском языке. **Материалы и методы.** Исследование проведено на основе анализа примеров из художественных и фольклорных текстов, входящих в базу Национального корпуса удмуртского языка. В качестве основных методов исследования послужили метод сплошной выборки, контекстный анализ, а также описательный метод. **Результаты исследования.** В статье были систематизированы научные труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные вопросам изучения удмуртских союзов. Проведенное исследование позволило конкретизировать и уточнить функции союза *шуыса* 'что'. Отмечается, что в системе современного удмуртского языка союз *шуыса* 'что' является полифункциональным. **Заключение.** На основе анализа Национального корпуса удмуртского языка было выявлено, что полифункциональный и постпозитивный союз *шуыса* 'что' в текстах удмуртской художественной литературы употребляется в придаточных изъяснительных, определительных, целевых и причинных. Частотность употребления каждого из указанных семантических значений различна. Большинство сложноподчиненных предложений с исследуемым союзом возникло на базе конструкций с прямой речью, в которых *шуыса* замыкает синтаксическое единство, представляющее собой чужую речь. Изъяснительные сложноподчиненные предложения удмуртского языка могут быть трансформированы в простое предложение с беспослеложным отглагольным оборотом или с послеложным отглагольным оборотом.

Ключевые слова: удмуртский язык, синтаксис удмуртского языка, сложноподчиненное предложение, изъяснительное придаточное, постпозитивный союз, послелог

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Уткина А. Ф. К вопросу о функционировании союза *шуыса* в удмуртском языке // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 4. С. 489–494. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-489-494>

ON THE ISSUE OF FUNCTIONING OF CONJUNCTION *SHUYSА* IN THE UDMURT LANGUAGE

A. F. Utkina

*Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch
of RAS, Izhevsk, Russian Federation*

Abstract. Introduction. Complex sentences in the Udmurt language are characterized by the polyfunctionality of many conjunctions and connective words. Nowadays for the conjunction *shuysа* 'what' in Udmurt linguistics only its explanatory function is traditionally distinguished. Meanwhile, the specified token can have a set of additional meanings. The **purpose of the article** is to reveal the functionality of the conjunction *shuysа* in the modern Udmurt language. **Materials and methods.** The research was carried out on the analysis of examples from literary and folklore texts included in the base of the National Corpus of the Udmurt language. The main research methods were the method of continuous sampling, contextual analysis and the descriptive method. **Research results, discussion.** The article systematizes the scientific works of domestic and foreign researchers devoted to the study of Udmurt conjunctions. The conducted research made it possible to concretize and clarify the functions of the conjunction *shuysа* 'what'. It is noted that in the system of the modern Udmurt language, the conjunction of *shuysа* 'what' is multifunctional. **Conclusion.** Based on the analysis of the National Corpus of the Udmurt language, it was revealed that the multifunctional and postpositive conjunction *shuysа* 'what' in the texts of Udmurt fiction is used in subordinate explanatory, determinative, target and causal. The frequency of use of each of these semantic meanings is different. Most of the complex sentences with the conjunction under study

arose on the basis of constructions with direct speech, in which *shuysa* closes the syntactic unity, which is someone else's speech. Explanatory complex sentences of the Udmurt language can be transformed into a simple sentence with a non-postpositive verbal clause or with a postpositive verbal clause.

Keywords: the Udmurt language, syntax of the Udmurt language, complex sentence, explanatory clause, post-positive conjunction, postposition

The author declares no conflict of interests.

For citation: Utkina A. F. On the issue of functioning of conjunction *shuysa* in the Udmurt language. *Vestnik of the Mari State University*. 2021, vol. 15, no. 4, pp. 489–494. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-89-494>

В системе современного удмуртского языка союз *шуыса* 'что' относится к постпозитивным союзам, обладающим рядом значений. В работе А. Ф. Шутова «Постпозитивные союзы в сложноподчиненных предложениях» [10] к указанным единицам отнесены такие союзы, «которые употребляются не в начале придаточной части сложноподчиненного предложения, а в конце или (реже) середине ее» [10, с. 169]. Помимо союза *шуыса*, к постпозитивным союзам удмуртский исследователь причисляет также такие союзы, как *бере*, *дыръя*, *кадь*, *вылысь* и так далее.

Впервые постпозитивные союзы были рассмотрены эстонским исследователем Ф. И. Видеманном в грамматике удмуртского языка [14]. Он отмечает, что союз *шуыса* функционально соответствует немецким *da*, *damit* [10, с. 170].

Другой зарубежный исследователь Х. Винклер в работе «Der uralaltaische Sprachstamm» [15] рассматривает союзы *ке*, *ке но*, *шуыса*, *гинэ* и отмечает сходство употребления союза *шуыса* и соответствующего ему монгольского союза.

Постпозитивные союзы также исследованы в работе К. М. Баушева [2], где ученый отмечает, что «вносные предложения с союзом *шуыса* «сказав» как придаточные начинают оформляться на базе прямой речи»¹. Продолжая гипотезу К. М. Баушева, А. Ф. Шутов подчеркивает, что «в современном удмуртском языке встречаются реликты, отражающие случаи перехода предложений с прямой речью в сложноподчиненные предложения» [10, с. 170].

Относительно этимологии данного союза, ученые единогласно подчеркивают постпозитивное происхождение *шуыса*. В частности, П. Н. Пе-

ревошиков² [6; 7] подробно рассматривает функции и происхождение союзов *шуыса*, *бере*, *дыръя*. Удмуртский ученый подчеркивает, что союз *шуыса* образован от глагола *шуыны* 'говорить, сказать'. Как отмечает П. Н. Перевошиков, у этого союза имеется несколько функций. Чаще всего он подчиняет придаточное дополнительное (изъяснительное) главному предложению, например, *Гурезь йылэ туристъес жьытазе гинэ вуизы шуыса, милем ивортйызы* 'Нам сообщили, что туристы дошли до вершины горы только вечером' [6, с. 41]. В то же время *шуыса* может находиться в придаточном причины, в этом случае слова *мед*, *медаз* подчиняет придаточное причины: *Пинальёс гурезь йылэ ик тубизы, отысен куасэн нискылскыны умой шуыса* 'Дети взобрались прямо на вершину горы, объяснив это тем, что оттуда хорошо спуститься на лыжах' [6, с. 41].

В своих трудах П. Н. Перевошиков также предложил принципы разграничения деепричастных оборотов с *шуыса* и сложноподчиненных предложений с союзом *шуыса*, которые в некоторых грамматиках удмуртского языка ошибочно были введены в раздел предложений с деепричастными оборотами³.

В работе В. К. Кельмакова «Об отглагольных послелогов *шуыса* и *луыса* в удмуртском языке» [5] также подробно исследованы особенности употребления исследуемых лексем в системе современного удмуртского языка. Ученый подчеркивает, что основная служебная функция деепричастия *шуыса* 'говоря' – союзная, послеложные же функции оно выполняет в двух случаях:

1) во-первых, в глагольных словосочетаниях имени с ограниченным количеством глаголов

¹ Баушев К. М. Синтаксический строй вотской речи и генезис частиц союзного порядка. М.; Л., 1929. С. 45.

² Перевошиков П. Н. Сложноподчиненные предложения в удмуртском языке. Ижевск, 1939. 75 с.

³ Там же. С. 41.

в качестве стержневого слова: *ниманы* ‘назвать’, *нимаськыны* ‘называться’, *лыдъяны* ‘считать, принимать за...’ и т.д., например, в таких предложениях, как: *Но сыёе сюрес вылтй ке мынысалмы, асьмеос большевикёс шуыса нимаськыны ой быгатысалмы* ‘Но если бы мы пошли по такому пути, не имели бы права называться большевиками’ [5, с. 127]; *Вашкала дыръя жегез юг палан жаа-турын шуыса лыдъяло вылэм...* ‘В древности рожь на юге считали сорняком’ [5, с. 129]. В данных предложениях *шуыса* не выступает в качестве самостоятельного члена предложения, а выполняет совместно с именами существительными роль обстоятельства образа действия, подобно послелогу [5, с. 128];

2) во-вторых, сочетание *шуыса* с формой дательного падежа имени существительного служит для выражения объектно-целевого отношения, например: *Губилы шуыса потэм вал но, пужмер улэ сюрем, лэся, ини, буш кудыен бертйёско* ‘Отправилась было за грибами, да их, видимо, прихватило уже заморозками, вот и возвращаюсь с пустой корзиной’ [5, с. 129]; *Водопровод кинлы шуыса лэсьтэмын?* ‘Для кого сделан водопровод?’ [5, с. 130]. В приведенных предложениях глаголы *потэм вал*, *лэсьтэмын* присоединяют существительные в дательном падеже с отглагольным образованием *шуыса*, в данном случае утратившим употребления статус знаменательного слова и выполняющим функцию послелога [5, с. 130].

Важно подчеркнуть, что подобное происхождение союзов от знаменательных частей речи характерно и для других языков (см. в частности: [3]).

Типологические особенности употребления союза *шуыса* рассмотрены также в трудах финского ученого Р. Бартенс и болгарского исследователя Е. Георгиевой. Как подчеркивает Р. Бартенс, придаточные с конечным аргументом содержат дополняющий элемент *šujsa*, который образован от формы глагола *šui-* «сказать». Аналогичные дополнительные элементы встречаются в марийском, татарском, чувашском и монгольском языках; ранее утверждалось, что развитие этого элемента в удмуртском языке происходит под татарским влиянием [12, с. 311]. Указанная мысль находит выражение и в работе Е. Георгиевой «Non-finite adverbial clauses in Udmurt», в которой подробно исследуется грамматика удмуртского языка, и, в частности, неопределенные обстоятельственные придаточные предложения [17, с. 34].

Анализируя особенности дистрибуции английской грамматической структуры «сложное дополнение», молодой исследователь А. А. Тимбекова отмечает, что данная конструкция переводится на удмуртский язык сложноподчиненными предложениями с придаточными изъяснительными, например: *I never saw a man laugh so much* ‘Вань улытозям ой адзылы, адями сомында мед серекъялоз шуыса’ [8, с. 164]; *James had said he would be lonely* ‘Джеймс вераз, солы огназ мёзмыт луоз шуыса’ [8, с. 164]. Это объясняется тем, что изъяснительные придаточные предложения являются развернутыми дополнениями сказуемого главного предложения и отвечают на те же вопросы, что и простые дополнения, а также с использованием отглагольных оборотов [8, с. 164].

Русские лингвисты, опираясь на анализ данных Национального корпуса русского языка, рассмотрели изъяснительные придаточные при оценочных существительных, которые можно перевести на удмуртский язык при помощи союзов *шуыса* или *что*: *Молодец, что проявил характер и вытащил пятый раунд* [2, с. 231] ‘Жечок, (что) аслэсьтыз сямзэ адзытйз но витетй раундэз поттйз (шуыса)’; *Туська, – позвал папа. – Вот умница, что встала с постельки* [2, с. 235] ‘Туська, – отиз атаез. – Вот жечок, (что) иземысь султйд (шуыса)’.

Удмуртский исследователь Р. И. Яшина отмечает, что «придаточные с союзом *шуыса* придают всему сложному предложению оттенок разговорности, просторечия, поэтому их чаще можно встретить в произведениях фольклора и в устной разговорной речи» [11, с. 90]. В своей статье ученый также упоминает о том, что союз *шуыса* встречается и в уступительном придаточном предложении: *Ойдо, Матронлэсь трос ик уд тоды, контораын ужа шуыса, їужонзэ но гур эстонзэ сяна уг вала* (Г. Красильников) ‘Ну да, от Матрены много не узнаешь, несмотря на то что работает в конторе, — кроме метлы и топки печи ничего не понимает’. В данном случае такие сложноподчиненные предложения поясняют предложения с отрицательной модальностью и переводятся на русский язык конструкцией *с несмотря на* [11, с. 93].

Удмуртский лингвист А. А. Шибанов относит подчинительный союз *шуыса* к придаточным цели и изъяснительным придаточным, например, в предложении: *Пинальёс ваньзы умой мед вала-лозы шуыса, дышетйсь верослэсь кыкетй люкетсэ эшишо лыдйиз на* ‘Чтобы все ребята хорошо

поняли, учитель еще снова прочитал вторую часть рассказа' [9, с. 97] *шуыса* выступает в роли союза цели. В другом предложении – *Огпол ми Нина сузэреным тодйм, атаймы кык нуналлы дорысь кошке шуыса* 'Однажды мы с сестрой Ниной узнали, что наш отец отлучается из дому на два дня' [9, с. 98] – данный союз выступает в роли изъяснительного союза.

Учитывая вышесказанное, можно заметить, что в трудах исследователей удмуртского языка отмечается полифункциональность союза *шуыса*. Однако в связи с новыми достижениями синтаксиса как науки, а также в связи с развитием Национального корпуса удмуртского языка, многие лингвистические явления требуют конкретизации и корректировки. Здесь стоит отметить, что Национальный корпус удмуртского языка существует с конца 2019 года и является информационно-справочной системой, основанной на собрании удмуртских текстов в электронной форме и находящейся на портале <http://udmcorpus.udman.ru/body>. В настоящее время объем корпуса состоит примерно из 3,5 млн словоупотреблений и постепенно пополняется. Разработка корпуса осуществляется сотрудниками Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН. На основе анализа художественных и фольклорных текстов, входящих в базу Национального корпуса удмуртского языка, были выявлены следующие синтаксические функции союза *шуыса*:

1. Придаточные изъяснительные: *Валя вёзын сылйёсез валатскиз, лэся, эшезлы юрттыны кулэ шуыса* (Т. Архипов) 'Стоящий рядом с Валею, видимо, догадался, что надо помочь другу'; *Асьмеос ог-огмылы кыл сётйм вал, ноку но ум люкиське шуыса* (В. Сергеев) 'Мы друг другу слово давали, что никогда не расстанемся'.

2. Придаточные причины: *Эмез уз луы шуыса, лэся, Олёна кенак аракызэ пелляса удоно кариз* (М. Петров) 'Полагая, что иначе не будет пользы, Олёна кенак решила угостить самогонкой с соответствующим наговором'; *Нокинэз өвёл шуыса, Вася кошкыны турттэ ни вал* (Г. Красильников) 'Полагая, что никого нет, Вася хотел уже уйти';

3. Придаточные цели: *Солдатъёс мултэс медаз юалляське шуыса, Шамиль ачиз вераськон мытыны дыртйиз* (С. Самсонов) 'Чтобы солдаты излишне не допрашивали, Шамиль поспешил сам завести разговор'; *Эн сюлмаське, мон поездлэсь уг кылы, ёс ке чогамын, вагон йылэ кечырско, — Лида но мед кылоз шуыса, воргоронлы кеськыса вераз Петя* (С. Самсонов) 'Не беспокойтесь, я от поезда не отстану, если дверь закрыта, то я на вагон заберусь, — чтобы Лида услышала, Петя громко сказал мужчине'.

4. Придаточные определительные: *Чочиялы кикур быдза бумага лэзиллям, пиед «без вести» быремын шуыса* (Г. Красильников) 'Чочии послали бумажку размером с ладонь о том, что сын ее «без вести» пропал'; *Фаина, кёлыны выдыкыды тодады коть ваелэ, кытын ке но тйледыз малпась адыми вань шуыса...* (Г. Красильников) 'Фаина, ложась спать хоть вспоминайте о том, что где-то есть человек, думающий о вас...'. Данные предложения с союзом *шуыса* входят в группу определительных придаточных в виду того, что придаточная часть имеет указательное значение, она называет признак, выделяющий предмет из числа подобных ему.

Из вышесказанного следует, что союз *шуыса* является полифункциональным, т.е. может использоваться в придаточных изъяснительных, цели, причины и определительных. Аналогичная тенденция характерна и для некоторых других языков, в частности, для русского и итальянского [1; 4]. В перспективе целесообразно также исследовать синонимические ряды конструкций с союзом *шуыса*.

Таким образом, опираясь на Национальный корпус удмуртского языка, можно отметить полифункциональность постпозитивного союза *шуыса*. Он широко употребляется в придаточных изъяснительных, целевых и причинных, реже используется для связи определительных придаточных с главными частями. Большинство сложноподчиненных предложений с данным союзом возникли на базе конструкций с прямой речью, в которых деэпричастие *шуыса* замыкало синтаксическое единство, представляющее собой чужую речь.

1. Аверьянова Н. А. Сложноподчиненные предложения в зеркале корпуса ошибок инофонов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11. Ч. 2. С. 274–278. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.12>

2. Ван Илин, Воейкова М. Д. Изъяснительное придаточное при оценочных существительных // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2020. № 196. С. 230–238. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izyasnitelnoe-pridatochnoe-pri-otsenochnyh-suschestvitelnyh> (дата обращения: 08.07.2021).

3. Гусев В. Ю. О камасинском постпозитивном условно-временном союзе *dak* // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 4 (26). С. 76–89. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45697820> (дата обращения: 08.07.2021).
4. Жолудева Л. И. Конкуренция причинных/пояснительных союзов в итальянском языке XVI – начала XVII века // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2018. № 2. С. 14–21. URL: <https://readera.org/konkurencija-prichinnyh-pojasnitelnyh-sojuzov-v-italjanskom-jazyke-xvi-146281236> (дата обращения: 08.07.2021).
5. Кельмаков В. К. Об отглагольных послелогах *шуыса* и *луыса* в удмуртском языке // Вопросы удмуртского языкознания. 1973. Вып. 2. С. 123–151.
6. Перевошиков П. Н. Удмурт кылын сложноподчиненной предложениос // Удмурт кылын морфология но синтаксис во-просъёс. 1-тй сборник. 1938. С. 31–74.
7. Перевошиков П. Н. Союзы подчинения в удмуртском языке: Функции и происхождение союзов *шуса*, *бере*, *дыръя*. М. 1946. 221 с.
8. Тимбекова А. А. К вопросу о переводе английской конструкции «сложное дополнение» на удмуртский язык // Богатство финно-угорских народов: материалы IV Международного финно-угорского студенческого форума. 2017. С. 163–165. URL: https://marsu.ru/events/finno_ygr_forum/files/sbornik4.pdf (дата обращения: 08.07.2021).
9. Шибанов А. А. Функциональные омонимы в удмуртском языке. Союзы и союзные слова // Коми-пермяцкий язык и культура: прошлое, настоящее, будущее: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 60-летию коми-пермяцкого русского отделения ПГПУ. 2015. Вып. XII. С. 96–101.
10. Шутов А. Ф. Постпозитивные союзы в сложноподчиненных предложениях удмуртского языка // Пермистика: Диалекты и история пермских языков: сборник статей. 1992. С. 169–173.
11. Яшина Р. И. Синтаксические конструкции со словом *шуыса* в удмуртском языке // Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка). 1981. С. 78–95.
12. Bartens R. *Permiläisten kielen rakenne ja kehitys*. Helsinki : SUS, 2000. 238 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/19524742.pdf> (дата обращения: 10.07.2021).
13. Georgieva E. Non-finite adverbial clauses in Udmurt. PhD dissertation. Szeged, 2018. 211 p. URL: http://doktori.bibl.u-szeged.hu/id/eprint/10022/1/Georgieva_PhD_2018.pdf (дата обращения: 08.07.2021).
14. Wiedemann F. J. *Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch wotjakischen Wörterbuche*. Reval, 1851. 390 p.
15. Winkler H. *Der Uralaltaische Sprachstamm, das Finnische und das Japanische*. Berlin, F. Dümmler, 1909. 316 p.

Статья поступила в редакцию 02.08.2021 г.; одобрена после рецензирования 23.09.2021 г.; принята к публикации 29.09.2021 г.

Об авторе

Уткина Александра Филипповна

аспирант, младший научный сотрудник отдела филологических исследований, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (426004, Российская Федерация, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1783-0380>, sandra199608@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Averyanova N. A. Slozhnopodchinennye predlozheniya v zerkale korpusa oshibok inofonov [Complex sentences in the mirror of the corpus of the errors made by foreign students]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Theory & Practice, 2018, no 11, part 2, pp. 274–278. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.12>
2. Van Ilin, Voeikova M. D. Iz"yasnitel'noe pridatochnoe pri otsenochnykh sushchestvitel'nykh [Explanatory clauses with evaluative nouns]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena* = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, 2020, no 196, pp. 230–238. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/izyasnitelnoe-pridatochnoe-pri-otsenochnyh-suschestvitelnyh> (accessed 08.07.2021). (In Russ.).
3. Gusev V. Yu. O kamasinskom postpozitivnom uslovno-vremennom soyuze *dak* [About Kamas postpositive conditional-temporal conjunction *dak*]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* = Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 2020, no 4 (26), pp. 76–89. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45697820> (accessed 08.07.2021). (In Russ.).
4. Zholudeva L. I. Konkurenciya prichinnykh / poyasnitel'nykh soyuzov v ital'yanskom yazyke XVI – nachala XVII veka [Rivalry of causal / explanatory conjunctions in the 16th – early 17th century Italian]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya"* = Herald of Tver State University. Series: Philology, 2018, no 2, pp. 14–21. Available at: <https://readera.org/konkurencija-prichinnyh-pojasnitelnyh-sojuzov-v-italjanskom-jazyke-xvi-146281236> (accessed 08.07.2021). (In Russ.).
5. Kelmakov V. K. Ob otglagol'nykh poslelogakh *shuysa* i *luysa* v udmurtskom yazyke [On the verbal postpositions of *shuysa* and *luysa* in the Udmurt language]. *Voprosy udmurtskogo yazykoznanija* = Questions of Udmurt Linguistics, 1973, issue 2, pp. 123–151. (In Russ.).

6. Perevoshchikov P. N. Udmurt kylyn slozhnopodchinnoi predlozhenios [Complex sentences in the Udmurt language]. *Udmurt kylyn morfologiya no sintaksis vopros'es. 1-ti sbornik* = Morphological and syntactical questions in the Udmurt language. The 1st collection, 1938, pp. 31–74. (In Udm.).
7. Perevoshchikov P. N. Slozhnopodchinennye predlozheniya v udmurtskom yazyke [Complex sentences in the Udmurt language]. Izhevsk, 1939, 75 p. (In Russ.).
8. Timbekova A. A. K voprosu o perevode angliiskoi konstruktii "slozhnoe dopolnenie" na udmurtskii yazyk [On the question of translating the English construction "complex object" into the Udmurt language]. *Bogatstvo finno-ugorskikh narodov: materialy IV Mezhdunarodnogo finno-ugorskogo studencheskogo foruma* = The Wealth of the Finno-Ugric Peoples: Materials of the IV International Finno-Ugric Student Forum, 2017, pp. 163–165. Available at: https://marsu.ru/events/finno_ygr_forum/files/sbornik4.pdf (accessed 08.07.2021). (In Russ.).
9. Shibano A. A. Funktsional'nye omonimy v udmurtskom yazyke. Soyuzy i soyuznye slova [Functional homonyms in the Udmurt language. Conjunctions and connective words]. *Komi-permyatskii yazyk i kul'tura: proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. 60-letiyu komi-permyatskogo russkogo otdeleniya PGGPU* = Komi-Permian language and culture: past, present, future: materials of the All-Russian scientific-practical conference with international participation, dedicated to the 60th anniversary of the Permian Komi-Permian Russian branch of Perm State Pedagogical University, 2015, issue XII, pp. 96–101. (In Russ.).
10. Shutov A. F. Postpozitivnye soyuzy v slozhnopodchinennykh predlozheniyakh udmurtskogo yazyka [Postpositive conjunctions in complex sentences of the Udmurt language]. *Permistika: Dialekty i istoriya permskikh yazykov: sbornik statei* = Permistics: Dialects and history of the Permian languages: collection of articles, 1992, pp. 169–173. (In Russ.).
11. Yashina R. I. Sintaksicheskie konstruktii so slovom shuysa v udmurtskom yazyke [Syntactic constructions with the word shuysa in the Udmurt language]. *Istoriko-kul'turnye svyazi permskikh narodov (po dannym fol'klora i yazyka)* = Historical and cultural connections between the Permian peoples (according to folklore and language), 1981, pp. 78–95. (In Russ.).
12. Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: SUS, 2000. 238 p. (In Finn.) Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/19524742.pdf> (accessed 10.07.2021).
13. Georgieva E. Non-finite adverbial clauses in Udmurt. PhD dissertation. Szeged, 2018. 211 p. Available at: http://doktori.bibl.u-szeged.hu/id/eprint/10022/1/Georgieva_PhD_2018.pdf (accessed 08.07.2021). (In Eng.)
14. Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch wotjakischen Wörterbuche. Reval, 1851. 390 p. (In Ger.).
15. Winkler H. Der Uralaltaische Sprachstamm, das Finnische und das Japanische. Berlin, F. Dümmler, 1909. 316 p. (In Ger.).

(12, 14, 15 нужны названия на английском языке)

The article was submitted 02.08.2021; approved after reviewing 23.09.2021; accepted for publication 29.09.2021.

About the author

Alexandra F. Utkina

Postgraduate student, Junior Researcher of the Department of Philological Research, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of RAS (4 Lomonosov St., Izhevsk 426004, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1783-0380>, sandra199608@rambler.ru

The author has read and approved the final manuscript.

УДК 81-114

DOI 10.30914/2072-6783-2021-15-4-495-502

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА *ВОСПИТАТЕЛЬ* В СЛОВАРЯХ СИНОНИМОВ

М. Г. Юрченко

Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Кыргызская Республика

Аннотация. Введение. Несмотря на то, что концепты педагогического дискурса привлекают внимание многих исследователей, в научной литературе отсутствуют работы, посвященные исследованию понятийных признаков концепта *воспитатель*. Этим обусловлена научная новизна представляемой работы. **Цель данной статьи:** выявление и описание понятийных признаков концепта педагогического дискурса *воспитатель* по словарям синонимов. **Материалы и методы.** Представляемая работа основана на методике Санкт-Петербургско-Кемеровской школы, включающей поэтапное изучение структуры концепта. Дополнительно в статье используются следующие методы лингвистического анализа: описательный – прием анализа языковых фактов; концептуальный – для выявления признаков, формирующих структуру концепта и интерпретативный. В качестве иллюстративных сведений был использован дискурсивный материал Национального корпуса русского языка. Для определения понятийных признаков концепта *воспитатель* взяты словари синонимов. **Результаты исследования, обсуждение.** Изучение словарей синонимов позволило обнаружить 36 понятийных признаков концепта *воспитатель*. Одна часть этих признаков была найдена на предыдущих этапах исследования. Вторая часть понятийных признаков – новая, она включает признаки, не обнаруженные в проанализированных ранее словарях. **Заключение.** Как показывает анализ языкового материала, не все указанные в словарях синонимов понятийные признаки концепта *воспитатель* актуальны для современного русского языка. Одна часть понятийных признаков иноязычного (инокультурного) происхождения не встречается в контекстах со словами, репрезентирующими изучаемый концепт. Эти понятийные признаки актуальны, но примеры, их объективирующие, немногочисленны. Другая часть инокультурных понятийных признаков актуализируется в контекстах со словами-репрезентантами изучаемого концепта.

Ключевые слова: концепт *воспитатель*, педагогический дискурс, понятийные признаки, словарь синонимов, структура концепта

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Юрченко М. Г. Актуализация понятийных признаков концепта *воспитатель* в словарях синонимов // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 4. С. 495–502. DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-495-502>

ACTUALIZATION OF CONCEPTUAL SIGNS OF THE EDUCATOR CONCEPT IN THE DICTIONARIES OF SYNONYMS

M. G. Iurchenko

Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Abstract. Introduction. Even though the concepts of pedagogical discourse attract the attention of many researchers, the academic literature contains next to no works on the conceptual signs of the *educator* concept, which explains the research novelty of the presented work. **The aim of this article:** to identify and describe the conceptual signs of the *educator* concept of pedagogical discourse in the dictionaries of synonyms. **Materials and methods.** This article is based on the methodology of the St. Petersburg–Kemerovo school, which includes a step-by-step study of the concept structure. The following methods of linguistic analysis are used: descriptive, for analyzing linguistic facts; conceptual, to identify the features that form the structure of the concept, and interpretive. The discursive material of the Russian National Corpus was used as illustrative data. Dictionaries of synonyms were taken to determine the conceptual signs of the *educator* concept. **Research results, discussion.** The study of the dictionaries of synonyms has found 36 conceptual signs of the *educator* concept. A part of these signs was found during the previous stages of research. The second part of the conceptual signs is new; it includes signs not found in previously analyzed dictionaries. **Conclusion.** As the analysis of the linguistic material shows, not all the conceptual signs of the *educator* concept indicated in the dictionaries of synonyms are relevant for the modern Russian language. One part of the conceptual signs of foreign-language (foreign-cultural) origin

is not found in the contexts with words representing the concept under study. These conceptual signs are relevant, but the examples objectifying them are few. The other part of foreign-cultural conceptual signs is actualized in the contexts with the words-representatives of the studied concept.

Keywords: *educator* concept, pedagogical discourse, conceptual signs, dictionary of synonyms, concept structure

The author declares no conflict of interests.

For citation: Iurchenko M. G. Actualization of conceptual signs of the *educator* concept in the dictionaries of synonyms. *Vestnik of the Mari State University*. 2021, vol. 15, no. 4, pp. 495–502. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-4-495-502>

Введение

Концепты педагогического дискурса привлекают внимание многих исследователей. Ю. А. Гуляева и Е. Б. Никитина рассмотрели метафорическую репрезентацию концептов *учитель* и *ученик* в аспекте эмоционального выгорания педагога [1]. Н. Ю. Чайникова обратилась к исследованию особенностей метафорического моделирования ключевых концептов в педагогическом дискурсе Ж.-Ж. Руссо и Дж. Локка [10]. Модель воспитателя дошкольных образовательных учреждений представлена в работе А. А. Листопада [6]. Результаты экспериментального анализа концепта *учитель* обобщены в цикле работ Е. Н. Заречневой [2; 3]. Концепт в рамках данного исследования «с позиций когнитивной лингвистики <...> понимается как заместитель понятия, трактуется как индивидуальный смысл в отличие от коллективного, словарно закреплённого значения. Совокупность концептов образует концептосферу данного народа и соответственно данного языка» [4, с. 18].

В научной литературе отсутствуют работы, посвященные исследованию понятийных признаков концепта *воспитатель*. Этим обусловлена научная новизна представляемой работы. Цель статьи – выявление и описание понятийных признаков концепта педагогического дискурса *воспитатель* по словарям синонимов. Рабочим термином в статье является понятийный признак, под которым, согласно М. В. Пименовой, понимаются «признаки концепта, актуализированные с словарных значениях в виде семантических компонентов (сем) слова-репрезентанта концепта» [7, с. 314].

Методы и материал исследования

Представляемая работа основана на методике Санкт-Петербургско-Кемеровской школы, основанной на поэтапном изучении структуры концепта (В. В. Колесов и М. В. Пименова) [5; 7; 8; 9]. В статье используются такие методы лингвистиче-

ского анализа, как: описательный – прием анализа языковых фактов; концептуальный – для выявления признаков, формирующих структуру концепта, и интерпретативный. Дискурсивный материал Национального корпуса русского языка¹ был использован в качестве иллюстративных сведений.

Результаты и обсуждение

Для определения понятийных признаков концепта *воспитатель* взяты словари синонимов. Н. Абрамов в своем словаре указывает следующий ряд синонимов слова *воспитатель*: *гувернер* (*гувернантка*), *ментор*, *наставник*, *наставитель*, *пестун*, *учитель*; *дядька*, *бонна*².

В словаре З. Е. Александровой дается только два синонима: устаревшее *пестун* и современное *наставник*³. К глаголу *воспитать* указаны синонимы *вырастить*, *привить*; к глаголу *воспитывать* – *растить*, *прививать*⁴.

В словаре Ю. Д. Апресяна приводится развернутый ряд синонимов: *учитель*; *тренер*; *инструктор*; *наставник*; *гуру*; устар. *мэтр*; *бонна*; *гувернер*; *гувернантка*; *предметник*; *химик*; *физик*, *словесник*; *англичанка*⁵.

Только один синоним предлагает к слову *воспитатель* «Словарь русских синонимов. Контекст 5.0»: *наставник*⁶.

¹ Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 19.10.2021).

² Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/20883/воспитатель (дата обращения: 11.10.2021).

³ Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М.: Русский язык, 2001. С. 64.

⁴ Там же.

⁵ Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд. М.; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. С. 1228.

⁶ Словарь русских синонимов. Контекст 5.0 – Информатик. 2012. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/20883/воспитатель (дата обращения: 11.10.2021).

В «Словаре русских синонимов» к слову *воспитатель* приводятся такие синонимы: *гувернёр, ментор, наставник, наставитель, пестун, учитель, усатый нянь, дядька, образователь, атабек, педагог*¹.

Один из самых развернутых рядов синонимов находим в словаре В. Н. Тришина: *атабек, выхаживатель, гувернер, детовод, детоводитель, дядька, ментор, мосье, наставитель, наставник, образователь, паотец, педагог, пестователь, пестун, учитель*². В электронном «Словаре сино-

ним.org» приводится самый обширный список дополнительных синонимов к указанным в словаре В. Н. Тришина: *тьютор, воспитательница, вожатый, физрук, старшой, инструктор, бонна, репетитор, господин, педант, регент, властитель, организатор, руководитель, просветитель, основоположник, создатель*³.

«Электронный словарь синонимов» предлагает такой синонимический ряд к слову *воспитатель*: *гувернер (гувернантка), ментор, наставник, наставитель, пестун, учитель; дядька, бонна*⁴.

Таблица / Table

Понятийные признаки концепта *воспитатель* в словарях синонимов /
Conceptual signs of the educator concept in the dictionaries of synonyms

| № /
no. | Понятийные признаки /
Conceptual signs | Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / N. Abramov. Dictionary of Russian synonyms and expressions | Александрова Э. Е. Словарь синонимов русского языка / Dictionary of synonyms of the Russian language | Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов / Yu. D. Apresyan. New explanatory dictionary of synonyms | Словарь синоним.org /
Dictionary of Synonyms.org | Словарь русских синонимов. Контекст 5.0 /
Dictionary of Russian synonyms. Context 5.0 | Словарь русских синонимов /
Dictionary of Russian synonyms | Тришин В. Н. Словарь синонимов ASIS /
V. N. Trishin. Dictionary of synonyms ASIS | Электронный словарь синонимов /
Electronic dictionary of synonyms |
|------------|--|---|--|--|---|--|---|---|--|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 | 10 |
| 1. | ‘атабек’З | – | – | – | + | – | + | + | – |
| 2. | ‘бонна’З | + | – | + | + | – | – | – | + |
| 3. | ‘вырастить’З – ‘выращивать’ (растения/ животных)2 – ‘взрастить’З (о растениях) (мотивир.)1 | – | + | – | – | – | – | – | – |
| 4. | ‘властитель’З | – | – | – | + | – | – | – | – |
| 5. | ‘вожатый’З | – | – | – | + | – | – | – | – |
| 6. | ‘выхаживатель’З ^{1 2 3 4} | – | – | – | + | – | – | + | – |
| 7. | ‘господин’З | – | – | – | + | – | – | – | – |
| 8. | ‘гувернер’1,3 | + | – | + | + | – | + | + | + |
| 9. | ‘гувернантка’З | + | – | + | – | – | – | – | + |

¹ Словарь русских синонимов URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonyms/20883/воспитатель (дата обращения: 11.10.2021).

² Тришин В. Н. Словарь синонимов ASIS. 2013. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonyms/20883/воспитатель (дата обращения: 11.10.2021).

³ Словарь синоним.org URL: <https://sinonim.org/s/воспитатель> (дата обращения: 11.10.2021).

⁴ Электронный словарь синонимов URL: http://slovoonline.ru/slovar_synonimov/b-2/id-2469/vospitatel.html (дата обращения: 11.10.2021).

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
10.	‘гуру’З	–	–	+	–	–	–	–	–
11.	‘детовод/ детоводитель’З	–	–	–	+	–	–	+	–
12.	‘дядька’З	+	–	–	+	–	+	+	+
13.	‘инструктор’З	–	–	+	+	–	–	–	–
14.	‘ментор’З	+	–	–	+	–	+	+	+
15.	‘мосье’З	–	–	–	+	–	–	+	–
16.	‘мэтр’З	–	–	+	–	–	–	–	–
17.	‘наставитель’З – ‘наставник’ ^{2,3} – ‘наставление/ наставлять’ ¹	+	+	+	+	+	+	+	+
18.	‘образователь’З – ‘образование’ ²	–	–	–	+	–	+	+	–
19.	‘организатор’З	–	–	–	+	–	–	–	–
20.	‘основоположник’З	–	–	–	+	–	–	–	–
21.	‘паотец’З	–	–	–	+	–	–	+	–
22.	‘педагог’ ^{2,3}	–	–	–	+	–	+	+	–
23.	‘педант’З	–	–	–	+	–	–	–	–
24.	‘пестун/ пестователь’З	+	+	–	–	–	+	–	+
25.	‘предметник: химик, физик/ словесник/ англичанка’З	–	–	+	–	–	–	–	–
26.	‘привить/ прививать’ ^{2,3}	–	+	–	–	–	–	–	–
27.	‘просветитель’З	–	–	–	+	–	–	–	–
28.	‘регент’З	–	–	–	+	–	–	–	–
29.	‘репетитор’З	–	–	–	+	–	–	–	–
30.	‘руководитель’З	–	–	–	+	–	–	–	–
31.	‘создатель’З	–	–	–	+	–	–	–	–
32.	‘старшой’З	–	–	–	+	–	–	–	–
33.	‘тренер/ физрук’З	–	–	+	–	–	–	–	–
34.	‘тьютор’З	–	–	–	+	–	–	–	–
35.	‘усатый нянь’З	–	–	–	–	–	+	–	–
36.	‘учитель’З	+	–	+	+	–	+	+	+

Изучение словарей синонимов позволило обнаружить 36 понятийных признаков концепта *воспитатель*. Одна часть этих признаков была найдена на предыдущих этапах исследования: 1) ‘вырастить/ взрастить’ (‘взрастить’ (о растениях) (мотивир., XVIII–XIX вв.) – ‘выращивать’ (растения/животных) (XX–XXI вв.); 2) ‘гувернер’ (XVIII–XIX вв., XX–XXI вв.); 3) ‘наставитель’ (XX–XXI вв.) – ‘наставник’ (XX–XXI вв.) – ‘наставление/наставлять’ (XVIII–XIX вв.); 4) ‘об-

разователь’ – ‘образование’ (XX–XXI вв.); 5) ‘педагог’ (XX–XXI вв.); 6) ‘привить/прививать’ (XX–XXI вв.).

Вторая часть понятийных признаков – новая, эти признаки в проанализированных ранее словарях не были обнаружены. Это признаки: ‘атабек’, ‘бонна’, ‘властитель’, ‘вожатый’, ‘выхаживатель’, ‘господин’, ‘гувернантка’, ‘гуру’, ‘детовод/детоводитель’, ‘дядька’, ‘инструктор’, ‘ментор’, ‘мосье’, ‘мэтр’, ‘организатор’,

‘основоположник’, ‘паотец’, ‘педант’, ‘пестун/пестователь’, ‘предметник: химик, физик/ словесник/ англичанка’, ‘просветитель’, ‘регент’, ‘репетитор’, ‘руководитель’, ‘создатель’, ‘старшой’, ‘тренер/ физрук’, ‘тьютор’, ‘усатый нянь’, ‘учитель’.

Анализ словарей синонимов позволил дополнить список понятийных признаков. Проверим на языковом материале их актуальность:

– ‘атабек’ («Смерть не могил, и ты не **Атабек-Абубекр**: от нее не откупишься золотом»¹),

– ‘бонна’ и ‘гувернантка’ («**Инну воспитывали**, помимо мамы, **бонны и гувернантки**»²),

– ‘властитель’ («Приговаривая гомеопатию к изгнанию из ведомства „научной“ медицины как ересь и ненаучное заблуждение, **властные** наши руководители и **воспитатели** юношества очень не прочь...»³),

– ‘вожатый’ («Как только японский диверсант рывкнул свой свинский напев, так дети, забыв о руководителях «огонька», **вожатых** и **воспитателях**, сорвались с мест, потесня тех к стенкам, и захватили инициативу»⁴),

– ‘выхаживатель’ («Директор и **воспитатели** корпуса заботились не только о том, чтобы из корпуса **выходили** люди со знанием, но и о том, чтобы они действительно были казаками»⁵),

– ‘господин’ («Наверно, ему наш классный **воспитатель господин** Кочкин что-нибудь наговорил»⁶),

– ‘гуру’ («Но в этом – сегодня, вне всяких сомнений, ключевом – вопросе они почему-то даже своего **гуру** слушать не желают»⁷),

– ‘детовод/детоводитель’ («**Детоводитель** (греч. педагог) – тот служитель, который сопровождал детей до места учения, но сам отнюдь не преподавал»⁸),

– ‘дядька’ («Помощниками офицеров-**воспитателей**, в кадетском корпусе их называли „**дядьки**“, были **сержанты**»⁹),

– ‘инструктор’ («Борьба за безаварийность восхождений, политическое воспитание альпинистов в духе партии Ленина-Сталина, повышение роли **инструктора-учителя и воспитателя** молодых альпинистов, овладение передовой техникой – на этой основе советские альпинисты добиваются новых побед»¹⁰),

– ‘ментор’ («Мичурин обогатил биологическую науку и сельскохозяйственную практику новыми приемами перделки природы растений: методом вегетативной гибридизации, методом вегетативного сближения перед отдаленной половой гибридизацией, методом **ментора-воспитателя**, который, будучи привит растению, направляет в необходимую сторону развитие молодого гибрида»¹¹),

– ‘мосье’ («У сестер были русские, французские и немецкие воспитательницы, занимавшиеся языками и с нами; у нас же был, кроме того, превосходный **воспитатель мосье** Венсан – швейцарец, спортсмен, гимнаст, фехтовальщик, верховой ездок»¹²),

– ‘мэтр’ («Славящийся неординарным мышлением **мэтр** мирового кино приехал в Москву и дал мастер-класс в день открытия „Святой Анны“»¹³),

– ‘организатор’ («Бригада сидит на болоте, и ты там для них – инженер, **организатор, воспитатель**»¹⁴),

– ‘основоположник’ («В отличие от предшествующих теоретиков, неправомерно трактовавших **воспитание** как самостоятельную силу, направляемую волей и сознанием **воспитателей, основоположники** марксизма установили, что **воспитание** обусловлено господствующими в данное время общественными отношениями, которые в свою очередь определяются способом производства»¹⁵),

– ‘паотец’ (–),

– ‘педант’ («Совершенно безалаберный в бытовом плане, но **педант** в науке»¹⁶),

¹ Бунин И. А. Смерть пророка. 1911.

² Рязанов Э. Мой первый друг, мой друг бесценный... 2001.

³ Федоровский Н. Ф. Гомеопатия и государство // Доклад общему собранию членов С.-Петербургского Общества самопомощи в болезнях 13 мая 1901 г.

⁴ Митьки. Подросток. 1988.

⁵ Палий. Казаки и Донской кадетский корпус // «Вольное казачество» № 53. 1930.

⁶ Воскресенская З. И. Сердце матери. 1963–1965.

⁷ Привалов А. Об идеальном шторме // «Эксперт». 2015.

⁸ Кураев А. Нищие духом // «Альфа и Омега». 1994.

⁹ Васильев Г. Роли, которые нас выбирают. 2002.

¹⁰ Антонович И., Гутман Л., Ходакевич С. Техника альпинизма. 1939.

¹¹ Жданов Ю. А. Во мгле противоречий // Вопросы философии. 1993.

¹² Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. 1925–1928.

¹³ Престиж золотой середины // «Культура». 2002.04.08.

¹⁴ Борозин М. Этот совсем взрослый Глебов // «Техника – молодежи». 1976.

¹⁵ Шабаева М. История педагогики. 1981.

¹⁶ Нестерова Н. В. Лялька, или Квартирный вопрос. 2012.

– ‘пестун/пестователь’ («Шестьдесят лет назад в Красноярском крае было лишь два частных детских сада, а сейчас почти две тысячи детских садов и яслей, где 14 тысяч **воспитателей пестуют** 200 тысяч малышей»¹),

– ‘предметник: химик, физик/словесник/англичанка’ («На самом деле мама ее терпеть не может – плохой, мол, **предметник**, плохой **воспитатель** и вообще ни то ни се»²),

– ‘просветитель’ («Сложное чувство таилось у нее к этому гордому, умному и **просвещенному** человеку, первому сановнику империи и **воспитателю** её сына Павла»³),

– ‘регент’ (примеры только XIX в.: «И вамъ, конечно, какъ **воспитателю** и ближайшему лицу къ наследнику престола слѣдуетъ быть этимъ **регентомъ**»⁴; «В Англии Кальвин вдохновлял герцога Сомерсета, **регента** и **воспитателя** Эдуарда VI, писал отеческие наставления юному королю, переписывался со знаменитым архиепископом Кранмером»⁵),

– ‘репетитор’ («При переходе нашем в отрочество, англичанок и француженок постепенно стали вытеснять отечественные **воспитатели** и **репетиторы**...»⁶),

– ‘руководитель’ («Н. К. Крупская считала, что **воспитатель** должен умело руководить играми детей, не стесняя их инициативу и не навязывая им свои игры»⁷),

– ‘создатель’ («Перед пионерской организацией стояли немалые задачи — помочь **воспитателям** **создать** коллектив крепкий и дружный, способный выйти с честью из любых испытаний»⁸),

– ‘старшой’ («Пусть завтра **старшой** разбирается, – сказал Жора»⁹),

– ‘тренер/физрук’ («Дед ее, **воспитатель** и **тренер**, не только веревчато-крепкие мышцы ей нарастил, но и в характер ей вплел такие нити, что любое дело она делала насмерть, дотла, до полного уничтожения»¹⁰),

– ‘тьютор’ («**Тьютор** (в переводе с английского tutor) означает „домашний учитель, репетитор, наставник, опекун“»¹¹),

– ‘усатый нянь’ («Дело в том, что среди его **воспитателей** появился „усатый нянь“ – 23-летний Михаэль Фрибе, сменивший профессию автослесаря на работу с детьми»¹²),

– ‘учитель’ («Писатель должен быть **воспитателем** и **учителем**»¹³).

Заключение

Как показывает анализ языкового материала, не все, указанные в словарях синонимов понятийные признаки концепта **воспитатель**, актуальны для современного русского языка. Примеров актуализации признака ‘паолец’ не обнаружено. Понятийный признак ‘регент’ встречается только в контекстах XIX века.

Одна часть понятийных признаков, инокультурного происхождения, не встречается в контекстах со словами, репрезентирующими изучаемый концепт. Эти понятийные признаки актуальны, но примеры, их объективирующие, немногочисленны: ‘атабек’, ‘гуру’, ‘детовод/детоводитель’, ‘мэтр’, ‘педант’, ‘тьютор’.

Другая часть инокультурных понятийных признаков актуализируется в контекстах со словами-репрезентантами изучаемого концепта: ‘бонна’, ‘гувернантка’, ‘инструктор’, ‘ментор’, ‘мосье’, ‘организатор’, ‘репетитор’.

¹ Башарина В. Растим наследников // «Работница». 1980.

² Щербакова Г. Мальчик и девочка. 2001.

³ Шишков В. Я. Емельян Пугачев. 1939–1945.

⁴ Салиас Е. А. Петербургское действо. 1880.

⁵ Порозовская Б. Д. Жан Кальвин. 1898.

⁶ Набоков В. В. Другие берега. 1954.

⁷ Шабеева М. История педагогики. 1981.

⁸ Шебеко М. Пионерская дружина в детдоме // «Вожакий». 1945.

⁹ Климонтович Н. Последняя газета. 1997–1999.

¹⁰ Улицкая Л. Ветряная оспа. 1998.

¹¹ Борисова О. В. Эффективные технологии производственного обучения. 2013.

¹² «Усатый нянь» // «Труд». 1988.04.01.

¹³ Олеша Ю. К. Речь на I Всесоюзном съезде советских писателей. 1934.

1. Гуляева Ю. А., Никитина Е. Б. Влияние эмоционального выгорания на метафорическую репрезентацию концептов «Учитель», «Ученик» // Филологический класс. 2013. № 3 (33). С. 59–61. URL: https://filclass.ru/images/Filologiceskij_klass_333_2013_st.-10.pdf (дата обращения: 18.10.2021).

2. Заречнева Е. Н. Экспериментальное исследование концепта «учитель»: лингвокультурный аспект // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 3 (10). С. 52–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eksperimentalnoe-issledovanie-kontseptachitel-lingvokulturnyy-aspekt> (дата обращения: 15.10.2021).

3. Заречнева Е. Н. Учитель // Антология концептов / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2011. Т. 8. С. 282–291.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. URL: <https://bookree.org/reader?file=670964&pg=1> (дата обращения: 18.10.2021).
5. Колесов В. В. Концепт культуры: образ, понятие, символ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2: История, языкознание, литературоведение. 1992. № 3. С. 30–40.
6. Листопад А. А. Концептуальная модель формирования профессионально-творческого потенциала будущих воспитателей дошкольных образовательных учреждений // Концепт. 2015. № 5 (май). ART 15144. URL: <http://e-koncept.ru/2015/15144.htm> (дата обращения: 19.10.2021).
7. Пименова М. В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография / Серия «Концептуальные исследования» Кемерово: КеМГУ, 2007. № 9. 500 с.
8. Пименова М. В. Методика анализа и теоретические установки Кемеровской школы концептуальных исследований // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Лінгвістика». 2013. Вип. 18. С. 50–59. URL: <http://ekhsuir.kspu.edu/handle/123456789/991> (дата обращения: 12.10.2021).
9. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2–2. С. 127–131. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/typy-kontseptov-i-etapy-kontseptualnogo-issledovaniya> (дата обращения: 14.10.2021).
10. Чайникова Н. Ю. Особенности метафорического моделирования ключевых концептов в педагогическом дискурсе Ж.-Ж. Руссо и Д.Ж. Локка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8–1 (50), в 3-х ч. Ч. I. С. 194–200. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23609297> (дата обращения: 10.10.2021).

Статья поступила в редакцию 22.10.2021 г.; одобрена после рецензирования 17.11.2021 г.; принята к публикации 24.11.2021 г.

Об авторе

Юрченко Марина Геннадьевна

кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, Кыргызско-Российский Славянский университет (720000, Киргизская Республика, г. Бишкек, ул. Киевская 44), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7464-711X>, m4rinaiurchenko@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

1. Gulyaeva Y. A., Nikitina E. B. Vliyaniye emotsional'nogo vygoraniya na metaforicheskuyu reprezentatsiyu kontseptov "Uchitel'", "Uchenik" [Influence of the "emotional burning" of the teachers on the metaphoric representative concepts "teachers", "pupils"]. *Filologicheskii klass* = Philological Class, 2013, no. 3 (33), pp. 59–61. Available at: https://filclass.ru/images/Filologiceskij-klass_333_2013_st.-10.pdf (accessed 18.10.2021). (In Russ.).
2. Zarechneva E. N. Eksperimental'noe issledovanie kontsepta "uchitel'": lingvokul'turnyi aspekt [Experiment research of the concept "teacher": linguistic-cultural aspect]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = The World of Science, Culture and Education, 2008, no. 3 (10), pp. 52–56. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/eksperimentalnoe-issledovanie-kontsepta-uchitel-lingvokulturnyy-aspekt> (accessed 15.10.2021). (In Russ.).
3. Zarechneva E. N. Uchitel' [Teacher]. *Antologiya kontseptov* = Anthology of Concepts, edited by V. I. Karasik, I. A. Sternin. Volgograd, Paradigma Publ., 2011, vol. 8, pp. 282–291. (In Russ.).
4. Karasik V. I. Yazykovi krug: lichnost', kontsepty, diskurs: monografiya [Language circle: personality, concepts, discourse: monograph]. Volgograd, Peremena Publ., 2002, 477 p. Available at: <https://bookree.org/reader?file=670964&pg=1> (accessed 18.10.2021). (In Russ.).
5. Kolesov V. V. Kontsept kul'tury: obraz, ponyatie, simvol [Concept of culture: image, concept, symbol]. *Vestnik SPbGU, Seriya 2, Istoriya, yazykoznanie, literaturovedenie* = Vestnik of Saint Petersburg University, Series 2, 1992, no. 3, pp. 30–40. (In Russ.).
6. Listopad A. A. Kontseptual'naya model' formirovaniya professional'no-tvorcheskogo potentsiala budushchikh vospitatelei doskol'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii [Conceptual model of forming of professional-creative potential of future educators of preschool educational establishments]. *Kontsept* = Concept, 2015, no. 05 (May), art. 15144. Available at: <http://e-koncept.ru/2015/15144.htm> (accessed 19.10.2021). (In Russ.).
7. Pimenova M. V. Kontsept serdtse: obraz, ponyatie, simvol: monografiya [The concept of *heart*: image, concept, symbol: monograph]. Series "Conceptual Studies", Kemerovo, KemGU, 2007, vol. 9, 500 p. (In Russ.).
8. Pimenova M. V. Metodika analiza i teoreticheskie ustanovki Kemerovskoi shkoly kontseptual'nykh issledovaniy [Methodology of analysis and theoretical attitudes of Kemerovo school of conceptual research]. *Naukoviy visnik Kherson'skogo derzhavnogo universitetu. Seriya "Lingvistika"* = Scientific Bulletin of Kherson State University. Series "Linguistics", 2013, no. 18, pp. 50–59. Available at: <http://ekhsuir.kspu.edu/handle/123456789/991> (accessed 12.10.2021). (In Russ.).

9. Pimenova M. V. Tipy kontseptov i etapy kontseptual'nogo issledovaniya [The types of concepts and the stages of conceptual structure analysis]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Kemerovo State University, 2013, no. 2–2, pp. 127–131. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-kontseptov-i-etapy-kontseptualnogo-issledovaniya> (accessed 14.10.2021). (In Russ.).

10. Chainikova N. Yu. Osobennosti metaforicheskogo modelirovaniya klyuchevykh kontseptov v pedagogicheskom disкурse Zh.-Zh. Russo i Dzh. Lokka [The peculiarities of the metaphoric modeling of the key concepts in the pedagogical discourse of J.-J. Rousseau and J. Locke]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philology. Theory and Practice, Tambov, Gramota Publ., 2015, no. 8(50), part 1, pp. 194–200. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23609297> (accessed 10.10.2021). (In Russ.).

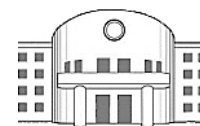
The article was submitted 22.10.2021; approved after reviewing 17.11.2021; accepted for publication 24.11.2021.

About the author

Marina G. Iurchenko

Ph. D. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Kyrgyz-Russian Slavic University (44 Kievskaya St., Bishkek 720000, Kyrgyz Republic), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7464-711X>, m4rinaiurchenko@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МАГИСТРАТУРЫ МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

THE MAIN MASTER'S DEGREE PROGRAMS OF THE MARI STATE UNIVERSITY

ФИЛОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ¹

В Марийском государственном университете продолжается подготовка специалистов по направлению 45.04.01 Филология (профиль «Филология в системе современного гуманитарного знания»). В 2021–2022 гг. по данному направлению подготовки завершают свое образование восемь человек. Среди них выпускники направления 44.03.05 Педагогическое образование (профиль «Русский язык и литература») и 42.03.02 Журналистика (профиль «Журналистика и реклама»). В течение двух лет обучающиеся должны овладеть навыками самостоятельно анализировать системы языка, фольклора и литературы; осуществлять оценку, реферирование, оформление и продвижение результатов собственной научной деятельности; редактировать научные публикации; совместно разрабатывать проекты в области филологии и другое. В соответствии с заявленным направлением подготовки в центре внимания магистрантов данного выпуска находятся проблемы современной филологии: мировое классическое наследие и современный мир, взаимодействие в пространстве современной культуры разных ее типов, особенности функционирования разнообразных пластов русского языка и их значимость и другое. Студенты осваивают современные подходы к изучению текстов разных типов, овладевают методикой анализа сложнейших феноменов современной культуры: постмодернистских текстов, сетевой литературы, нарративов компьютерных игр и тому подобное. Обучающиеся также получают возможность апробировать свои знания в процессе прохождения производственных практик на базе лаборатории аналитической филологии МарГУ: знакомятся с основными направлениями научно-исследовательской деятельности опорного вуза РМЭ, с опытом работы его ведущих специалистов, совместно с научными руководителями разрабатывают проекты, связанные с проблематикой выпускных квалификационных работ. При этом они ставят перед собой действительно амбициозные задачи: показать, какие функции выполняют в современном обществе компьютерные игры и в каком аспекте их могут изучать филологи; что такое визуальная игра и можно ли ее считать самостоятельным жанром сетевой литературы; как актуализировать тексты произведений «забытых» авторов и обратить внимание на новые имена; способствует ли деконструкция текста успеху коммуникации. Пытаются ответить на вопрос, способны ли провинциальные театры отвечать на запросы современного зрителя; закрепятся ли в арсенале мировой и отечественной литературы постмодернистские авторские стратегии и другое. В очередной раз «Вестник Марийского государственного университета» знакомит читателей с концепциями выпускных квалификационных работ филологов-магистрантов.

PHILOLOGY IN THE SYSTEM OF MODERN HUMANITARIAN KNOWLEDGE²

Mari State University continues to train specialists in the direction of 45.04.01 Philology (profile “Philology in the system of modern humanitarian knowledge”). In 2021–2022, eight people are completing their education in this field of training. Among them are graduates of the direction 44.03.05 Pedagogical education (profile “Russian language and literature”) and 42.03.02 Journalism (profile “Journalism and advertising”). Within two years, students are to master the skills to independently analyze the systems of language, folklore and literature; to evaluate, refer, design and promote the results of their own scientific activities; to edit scientific publications; to jointly develop projects in the field of philology, etc. In accordance with the stated direction of training, the

¹ Составление Т. А. Золотовой, д-ра филол. наук, профессора МарГУ; Е. А. Плотниковой, канд. филол. наук, доцента МарГУ.

² Compiled by T. A. Zolotova, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, MarSU; E. A. Plotnikova, Ph. D. (Philology), Associate Professor, MarSU.

problems of modern philology are in the focus of the undergraduates: the world classical heritage and the modern world, interaction in the space of modern culture of its various types, the peculiarities of the functioning of various layers of the Russian language and their significance, and more. Students master modern approaches to the study of texts of various types, the methodology of analyzing the most complex phenomena of modern culture, such as postmodern texts, network literature, narratives of computer games and the like. Students also get the opportunity to test their knowledge in the process of internship on the basis of the MarSU laboratory of analytical philology: they get acquainted with the main directions of research activities of the key university of the Republic of Mari El and with the experience of its leading specialists; together with scientific supervisors they develop projects related to the problems of final qualifying works. At the same time, students set really ambitious tasks for themselves: to show what functions computer games perform in modern society and in what aspect they can be studied by philologists; what a visual game is and whether it can be considered an independent genre of online literature or not; how to update the texts of the works of "forgotten" authors and pay attention to new names; if the deconstruction of the text contributes to the success of communication. They try to answer the question whether provincial theaters are able to respond to the requests of modern viewers; whether postmodern author's strategies will gain a foothold in the arsenal of world and domestic literature, etc. Once again, the "Vestnik of the Mari State University" introduces readers to the concepts of final qualifying works by undergraduate philologists.

Нарративы компьютерных игр как феномен современной культуры

Е. Н. Исакова

Игра как феномен культуры выполняет разнообразные функции в жизни современного общества. Отличается многозначностью и само слово: игрой называют действия актеров на сцене, исполнение музыкальных произведений, широко известна и словесная игра (шутка или каламбур) и прочее.

Представления об игре и ее роли в нематериальной культуре человечества значительно менялись в ходе исторического развития. Однозначно исследователи сходятся только в одном – в выделении опорных временных точек в ее осмыслении и интерпретации (Античность, Средневековье, Новое время).

В античный период игра воспринималась как средство воспитания, а сам процесс игры был сакральным. Платон называл человека «выдуманной игрушкой бога», а призвание его видел в том, чтобы жить, «играя в прекраснейшие игры». Позже Аристотель расширил платоновское понятие игры, разработал первую ее классификацию. Ученый обозначил как разновидности игры два вида искусств: мусические, то есть игры, предназначенные для получения удовольствия и развития души, и гимнастические, соревновательные игры, гармонизирующие и воспитывающие тело.

Теологическое сознание, присущее эпохе Средневековья, определяло игры и зрелища как занятия недостойные, являющиеся пережитком

языческих времен. Только детская игра если не поощрялась, то хотя бы и не встречала явного порицания.

В эпоху Просвещения интерес к осмыслению природы и сущности игры возвращается. Сначала появляются «Критические размышления о поэзии и живописи» аббата Ж.-Б. Дюбо, где игра рассматривается как проявление одной из естественных потребностей человека – потребности занять себя. А затем и труды И. Канта и Ф. Шиллера, ознаменовавшие собой становление теории игры.

Определенное влияние на развитие теоретического аспекта игры оказал и социальный дарвинизм XIX века в лице Г. Спенсера. Наблюдая за играми высших животных и сравнивая их с играми человека, Спенсер пришел к выводу, что игра имеет тренировочную природу и призвана оттачивать необходимые для выживания навыки, поэтому в рамках дарвинизма проводилась четкая граница между игрой и эстетической созидательной деятельностью.

Однако серьезный прорыв в области изучения игры был совершен уже в XX веке нидерландским историком культуры Йоханом Хейзингой / в книге «Homo ludens. Человек играющий» (1938). В ней ученый систематизировал модели поведения человека в юриспруденции, искусстве, религии, науке и многих других сферах нематериальной культуры человека и сделал заключение об игровой природе человеческой культуры вообще. Это чрезвычайно широкое понимание игры так или иначе нашло отражение в большинстве последующих трудов, посвященных изучению данного феномена.

Во второй половине XX века происходит еще одно событие, серьезно изменившее представление об игре. Появляются прототипы того явления, которое позже станет компьютерной игрой в современном понимании. Первая компьютерная игра была своеобразной шуткой студентов и сотрудников Массачусетского технологического института, использующих уникальное компьютерное оборудование (персональных компьютеров тогда еще не существовало) для моделирования виртуального космического сражения. В классификации современных компьютерных игр она более всего напоминает так называемые аркады.

Помимо очевидной коммерческой значимости, данное открытие стало принципиально важным и в культурологическом смысле. Оно значительно изменило и углубило понимание игры. Согласно Й. Хейзинге, игра замкнута в границах определенного места и времени и не должна выходить за их пределы. В противном случае она может соприкоснуться с повседневной жизнью и утратить свою автономность. Благодаря успешному эксперименту молодых американских ученых, игра отделилась от обыденной реальности окончательно.

Понятие компьютерной (или электронной, так более корректно называть первые образцы) игры тесно связано с понятием виртуальной реальности. При этом игровая деятельность человека в этом контексте приобретает ряд специфических особенностей:

1. Виртуальные игры носят массовый характер и не ограничены пространством, поэтому игроки образуют более крупные и более сложные игровые сообщества, чем когда-либо.

2. Виртуальные игры влияют на сферу хобби, ценностные ориентиры и стиль жизни вне игрового пространства.

3. Виртуальное пространство игры доступно пользователю практически всегда и из любой точки земного шара, поэтому принцип, согласно которому игра имеет определенное место и время, полностью осуществляется в виртуальной реальности. Соответственно, понятие места и времени заменяется топосами игрового нарратива и временем игровой сессии (или условным временем игрового нарратива).

Для того чтобы осмыслить особенности функционирования игры в виртуальном пространстве, ее соотношение с играми в том виде, в котором они существовали на протяжении многих веков, необходимо обратиться к понятию игрового нарратива

и шире – текста игры в целом. Принципиально новое бытование игры создает необходимость переосмысления таких важных литературоведческих категорий, как жанр и текст применительно к компьютерной игре и ее составляющим (нарратив и другие внутриигровые тексты).

Нарратив, в широком понимании, это повествование, изложение, описание как вид коммуникативного взаимодействия. Под игровым нарративом понимается совокупность сюжета, топосов игрового пространства и геймплея, то есть возможностей игровых механик и их визуального отображения. Очевидно, игровой нарратив не ограничен сценарием как воплощением повествования. В пространстве компьютерной игры нарратив – это целостный опыт, полученный игроком. Например, роль локации в понимании логики игры настолько велика, что существует мнение, что компьютерная игра как вид искусства ближе к архитектуре, чем к кино или к литературе. Основной опыт, важнейшие впечатления, получаемые игроком, основаны не на диалогах и информативных текстовых вставках, а на локусе, в котором находится персонаж, и на оценке того, какие действия он может совершать в данной точке пространства.

Зрительные впечатления и восприятие пространства действительно преобладают в каждой конкретной локации, однако не способны передать общей идеи компьютерной игры как целостного произведения. За целостность игры как произведения в любом случае ответственен сценарий.

Чтобы провести смысловозначительную черту между непосредственно сценарием и нарративом в игре, можно обратиться к простой аналогии. В игровой индустрии сценарист и нарративный дизайнер – это две разные специализации. Сценарист (чаще группа сценаристов) создает текст как сюжетную основу, а нарративный дизайнер разрабатывает совокупность всех способов приобретения опыта игроком, то есть то, как в игре будут выглядеть определенные механики, какими возможностями передвижения по локации будет обладать игрок и так далее.

Сценарий и текстовое наполнение игры, хотя и играют важную смыслообразующую роль, но в некоторых играх настолько вторичны по отношению к игровым механикам, что прописываются уже после создания механик или даже дизайна игры. Чем масштабнее, шире мир игры, тем большее значение в нем имеет сценарий (часто

множество вариантов сценария, развитие которого по тому или другому пути зависит от стратегии, выбранной игроком). Но в небольших играх с простой, но увлекательной механикой сюжет играет роль необязательной легенды, которую можно «пролистать».

Особое положение игрового сценария и текстового наполнения игры, то есть диалогов, предысторий и т. д., также вынуждают задаться и вопросами авторства текстов в игре. Если работа авторского коллектива над одним сценарием (основная форма работы со сценарием игры) не является чем-то новым, то особенности создания текстового наполнения игры крайне интересны.

Прописывание характеров героев, их биографий, привычек и других деталей, способных повлиять на сюжет или на опыт, получаемый игроком, а также создание текстового наполнения для отдельных локаций или квестов – это то, чем может заниматься коллектив авторов, не взаимодействующих друг с другом непосредственно.

Поскольку сценарий игры часто имеет большое количество вариантов, каждый из вариантов сценария игры не может быть создан одним человеком. Сценарист или команда сценаристов прописывают основную сюжетную канву, то

есть, образно говоря, точку А, из которой выходит персонаж, и точку В, к которой он направляется, а также называет несколько вариантов, каким образом можно пройти этот путь. Для прохождения каждого пути в рамках общего сценария игры необходим свой сценарий, свое текстовое наполнение.

Поскольку вовлеченность большого количества людей в процесс создания текстов и ограниченность времени на их создание часто не позволяют создателям полноценно взаимодействовать друг с другом, отдельные части целостного произведения пишутся практически изолированно, их объединяет только общая концепция.

Таким образом, нарратив и сюжет компьютерной игры – это результат совместной работы большого авторского коллектива, феномен культуры, существующий на пересечении технологий и искусства. Нарративность и текстуальность компьютерной игры объясняют интерес к ней не только философов и культурологов, но и, безусловно, филологов. Изучению принципов создания текстов современных компьютерных игр, а также выявлению их специфики и посвящена и настоящая выпускная квалификационная работа.

Процесс восприятия современных мультимедийных текстов: психолингвистические аспекты

Р. Б. Агаев

Восприятие речи – это сложный процесс, который основан на распознавании вербальных, аудиальных и визуальных образов. От того, насколько удачно будут переданы и обработаны данные образы, зависит успех или провал коммуникации.

Особенно важен процесс восприятия речи в средствах массовой информации, которые делают упор на передачу сообщения при помощи медиасредств: в аудио- и видеоформатах. Психолингвистика, которая рассматривает среди главных вопросов процессы восприятия и порождения речи, на современном этапе находится в поиске наиболее удачных способов передачи сообщений.

Данное исследование посвящено проблеме восприятия зрителем или слушателем медиаматериалов современных СМИ, которые отличаются

интертекстуальностью и контекстуальностью: эти черты медиа позволяют рассматривать электронные СМИ в составе постструктуралистского дискурса.

Объектом исследования являются способы восприятия речи адресатом в процессе получения медиасообщений. Конкретным предметом изучения в данном исследовании выступает деконструкция как способ, который определяет степень понимания и выбор реакции на медиасообщения адресатом.

В качестве материалов исследования выбраны подкасты современных журналистов: KuJi Podcast, ТЕД на русском, Arzamas, Лекториум, ПостНаука. Подкасты рассматриваются как цифровые аналоги теле- и радиопередач, которые существуют в виде файлов или потокового мультимедиа.

Именно эти положения: объект, предмет, материал и методологический подход к решению обуславливают актуальность и новизну предлагаемой работы.

Цель исследования заключается в анализе и систематизации способов восприятия современных мультимедийных текстов и реакции на них адресата на основе: 1) включения мультимедийных сообщений в состав постструктуралистского дискурса; 2) теоретико-методологических достижений современной психолингвистики и ее авторитетных представителей.

Рассмотрим научные гипотезы восприятия речи, необходимые для реализации цели исследования.

Так, в попытке классифицировать теории восприятия речи А. А. Леонтьев в книге «Основы психолингвистики» выделяет две большие группы теорий: первая включает в себя моторную и сенсорную гипотезы, вторая – активную и пассивную форму восприятия.

Согласно А. Леонтьеву, моторная функция основана на расшифровке речи через управляющие моторные сигналы, которые посылает говорящий реципиенту. В процессе восприятия реципиент рекомбинирует эти сигналы и пытается трактовать их при помощи собственного языкового словаря.

Моторные сигналы рассматриваются А. А. Леонтьевым как необходимые для производства сообщения. Они трактуются реципиентом так же, как и услышанное им.

В качестве моторных функций при этом рассматриваются не только артикуляционно-жестовые сигналы, но и речедвигательные. В качестве аргумента сторонники моторной теории приводят пример музыкальной речи: такое сообщение построено на особом сокращении связей и нервных связей.

Главными теоретиками моторной функции выступили Л. А. Чистович, А. В. Венцов и М. П. Гранстрем, которые в исследовании «Физиология речи. Восприятие речи человеком» подчеркнули, что человек в процессе обучения формирует библиотеку характерных изображений сигналов, которые позже классифицирует по схожим признакам. В качестве характерных сигналов теоретики моторной функции предложили рассматривать звуки, а в качестве класса – фонемы. При этом реципиент сам устанавливает цель действия.

Таким образом, в процессе восприятия речи реципиент считывает моторные функции, которые были задействованы для моделирования звука, цель этих функций, затем полученный звук как сигнал, несколько позже определяет его фонему как класс и находит соответствие.

Что касается сенсорной модели, то А. А. Леонтьев определяет ее как надстройку над моторной основой. Здесь моторные сигналы рассматриваются как побочный эффект. Сторонники сенсорной теории утверждают, что реципиент воспринимает в первую очередь акустические сигналы и сопоставляет их с эталонами.

Такая модель восприятия речи получила название акустической. Ее разрабатывали Р. О. Якобсон и Г. Фант, которые утверждали, что реципиент воспринимает акустические сигналы шаг за шагом: сначала он идентифицирует отдельные звуковые сигналы и только затем высказывание целиком. Данная модель описана ими в известной работе «Введение в анализ речи».

Отдельные звуковые сигналы, согласно Г. Фанту, рассматриваются на низком уровне восприятия, а высказывания в целом – на высоком уровне. Однако при обоих уровнях анализа реципиент отождествляет полученные сегменты сообщения с образами памяти.

При этом приверженцы сенсорной теории утверждают, что сообщение и восприятие человека не зависят существенным образом от моторных сигналов.

Таким образом, исследователи пришли к выводу, что моторные и акустические сигналы совпадают друг с другом в своем семантическом значении, поэтому могут рассматриваться как взаимодополняющие.

Полемика между психолингвистическими школами была прекращена по трем причинам, выделенным А. А. Леонтьевым:

1. В качестве примеров обе школы рассматривали стандартные ситуации речи, но не учитывали физиологические различия между речью: сообщение может быть построено на слуховой имитации или представлять собой первосигнальный раздражитель.

2. Обе школы не учитывали девиации, в соответствии с которыми речепорождение или восприятие речи могут опираться на неадекватный компонент.

3. Моторная и сенсорная теория основаны на сопоставлении речи со сформированным эталоном в языковом словаре реципиента.

В качестве эталона А. Леонтьев предлагает рассматривать звуковой облик целого слова. Реципиент сопоставляет услышанную совокупность звуков с похожей последовательностью в языковом словаре и устанавливает соответствие.

Также в качестве эталона могут выступать отдельные звуки, к библиотеке которых реципиент прибегает в случаях, когда целый звуковой облик был воспринят не полностью.

При этом Леонтьев отмечает, что реципиент воспринимает не отдельные фонемы, но сложную структуру предложения. Процесс восприятия речи, по мнению исследователя, идентичен процессу порождения: реципиент выстраивает синтаксическую модель услышанного высказывания.

Этот же механизм распознавания речи описал И. А. Чистович. Ученый представил эксперимент, при котором человеку удавалось определить начало и конец не только предложений, но и лексических единиц на незнакомом языке. И. Чистович заявляет, что для успешного распознавания речи человеку нужно определить не только один звук, но и слово целиком.

Таким образом, обе теории восприятия рассматривают процесс коммуникации как сопоставление услышанного с эталоном языкового словаря, после которых реципиент рекомбинирует высказывание. Это значит, что и сенсорная, и моторная теории позволяют рассматривать деконструкцию как элемент восприятия речи в психолингвистике.

Деконструкция, согласно Ж. Деррида, – это процесс деструкции и реконструкции текста. Впервые понятие «деконструкция» было введено М. Хайдеггером применительно к философскому тексту. Ж. Деррида предложил рассматривать деконструкцию в контексте языка потому, что весь мир и явления представлял в качестве текста.

Деконструкцию Ж. Деррида характеризует разрушением структуры и ее рекомбинацией. Полученный реципиентом текст неизменно разрушается на единицы, после чего воссоздается заново. В процессе этой рекомбинации полученный текст дополняется контекстом, который присущ реципиенту.

Теория деконструкции начинается с разделения речеформы на означающее и означаемое, то есть на знак и смысл. Ж. Деррида предлагает рассматривать процесс восприятия как процесс чтения знаков и поиск подходящих значений в языковом словаре реципиента. Также он добавляет, что значения говорящего и реципиента могут значительно отличаться друг от друга в зависимости от индивидуального социокультурного контекста.

Рассматривая деконструкцию в восприятии текстов, постструктуралисты Йельской школы, такие как П. де Ман, Дж. Х. Милдер, Дж. Хартман, Х. Блум, настаивают на невозможности авторства как постулирования оценок. Йельская школа утверждает, что интерпретация независима от текста точно так же, как текст независим от интерпретации.

В оппозиции к Йельской школе, находятся представители герменевтической деконструкции У. Спейнос, Дж. Риддел, П. Бове, Д. О'Хара, Д. К. Хой. Они предполагают существование истинных формаций в языковом словаре реципиента, то есть универсальных эталонов, которые позволяют воспринимать текст. Представители герменевтического деконструктивизма считают, что истинные формации влияют на сознание ментальных структур. Именно эти формации являются объектом герменевтической деконструкции.

Таким образом, самые крупные школы деконструктивизма основаны на том, что реципиент в процессе прочтения текста также деструктурирует кодовое сообщение на отдельные составляющие, ищет соответствие единиц в языковом словаре, после чего рекомбинирует сообщение.

С учетом того, что моторная и сенсорная теории восприятия речи в психолингвистике основаны на существовании в памяти человека категорий, в которые включены первичные моторные или акустические сообщения, можно рассматривать деконструкцию как структурный элемент восприятия речи в психолингвистике.

В рамках моторной психолингвистической теории реципиент деконструирует исходное сообщение, чтобы найти эталонное соответствие артикуляционно-жестовым и речедвигательным сигналам собеседника. После того как сообщение было деконструировано, а эталоны найдены, реципиент рекомбинирует сообщение.

В рамках сенсорной психолингвистической теории реципиент деконструирует звуковое сообщение на отдельные первичные звуки с учетом соседствующих звуков, после чего находит соответствие в библиотеке эталонных звуков и реконструирует сообщение.

Поскольку деконструкция как процесс включает в себя и деструкцию, и поиск похожих значений в языковом словаре, и рекомбинацию текста, деконструкция лежит в основе психолингвистических теорий восприятия – речи.

Чтобы доказать данную гипотезу, необходимо провести комплексный анализ авторских мультимедиа-текстов или подкастов: установить модусные конструкции в тексте, авторскую позицию, отраженную в материале, и оценку материала слушателем или зрителем.

Подобный анализ позволит определить, насколько эффективны мультимедиа-тексты как инструмент массмедиа для трансляции авторской позиции. В случае если коммуникативный успех не будет достигнут, и материал в воспри-

ятии реципиента будет отличаться от авторской концепции, подтвердится влияние деконструкции на восприятие текста.

Таким образом, восприятие современных медиаматериалов, в том числе подкастов, стоит рассматривать через процесс деконструкции в ходе прослушивания или просмотра. Также деконструкция, как фактор восприятия речи, позволяет изучать подкасты с точки зрения постструктуралистской теории и поднимать вопросы об авторстве медиаматериалов.

Визуальная новелла как жанр сетевой литературы

С. А. Румянцева

С появлением сети Интернет у пользователей появилась возможность создавать свои собственные тексты. При этом необходимо учитывать существующую среди знатоков и профессионалов такого рода литературы дифференциацию текстов: тексты профессионального характера и тексты любительские. Особенность текстов любительских изначально заключалась в том, что они не были предназначены для чтения в привычном значении этого слова (чтение романов, повестей и так далее). Авторы не вкладывали в это понятие художественный смысл, другое дело, что с течением времени такого рода образцы появились. Произошел переход текстов любительских в разряд профессиональных.

Для обозначения данного явления на рубеже XX–XXI веков появился и специальный термин – сетература. Однако и в настоящее время он все еще не приобрел однозначного толкования. Существует по крайней мере две позиции в его определении. Согласно первой из них, под сетературой понимают любые тексты, выложенные в Интернет. При этом основным признаком принадлежности текста к сетературе становится способ доступа к нему. Такой подход к пониманию термина несколько ограничивает его содержание. По этой причине и возникает другое его толкование: сетература – это тексты, которые созданы на платформе Интернета и вне этой платформы существовать не могут. В качестве примера можно привести текст любой игры. Если попробовать, например, перенести диалоги персонажей игры

в письменный формат, то потеряется и их смысл, и их обаяние. Именно в симбиозе содержания текста и формы его презентации в Интернете и заключается основное отличие литературы сетевой от литературы традиционной.

Принципиально важно заметить, что в пространстве сетевой литературы читатель получает возможность участвовать в создании произведения. Первыми в этом плане были опыты по совместному созданию пользователями Интернета текстов игрового характера («Буриме», «Сад расходящихся хокку» и другие). Но уже и такого рода эксперименты открывали новые возможности общения в режиме онлайн, способствовали появлению значимых имен в культуре и литературе. При этом речь шла не только о новом типе литературы – сетературе, но и о иных путях познания мира и человека.

В этом контексте важно уточнить основные отличия сетевой и издаваемой традиционным способом литературной продукции. Так, тексты, созданные и функционирующие в Сети, не имеют определенной целевой аудитории. Их авторам интересен сам процесс, а не его результат. Подобные установки существовали уже в культуре и литературе постмодернизма, однако современные технологии значительно упрощают коммуникацию, а значит, ускоряют процесс. Одновременно, благодаря этому, авторы получают возможность откликаться на события практически в момент их осуществления, что значительно повышает актуальность и остроту их материалов. Важно и то, что коммуникация между всеми участниками процесса позволяет тексту трансформироваться в сторону запроса. Что касается принципов публикации текстов сетературы, то их зачастую отождествляют

с самиздатом – они позволяют начинающим авторам заявить о себе, а со временем и выйти на литературную арену.

Известным разнообразием отмечена и система жанров сетевой литературы. Среди них:

1. Гестбук – гостевая книга. Почти на каждом сайте сейчас можно найти вкладку с подобным названием («отзывы», «обратная связь» и так далее). В их пространстве пользователи обмениваются своими впечатлениями, делятся мнениями о темах сайта в целом. Нередко гестбуки становятся «болталками» – форумами, где ограничения по обсуждаемым темам снимаются.

2. Виртуальная личность. Этот жанр имел большую популярность в начале XXI века. Сейчас пользователи встречаются с ним гораздо реже. Однако стоит отметить влияние жанра на современную сетературу. Речь идет о тенденции создания феномена публичной личности в социальных сетях, широко используемого в коммерческих целях (пиар-кампании людей или продуктов крупных компаний). Также стоит отметить личные странички супер-героев комиксов, которые дают ответы на некоторые сюжетные загадки или, напротив, создают дополнительную интригу перед выходом нового фильма.

3. Обзоры. Этот жанр проявил себе широко как в тематическом плане (музыка, кино, культура, спорт, новости, книги и т.д.), так и в плане использования средств передачи информации (аудиоформат, видеоформат, текстовая форма).

4. Порталы – этот жанр значительно выделяется на фоне перечисленных явлений, так как он существует не только в рамках литературы (сетературы). Портал – веб-сайт, предоставляющий пользователю Интернета различные интерактивные сервисы, такие как почта, поиск, погода, новости, форумы, обсуждения, голосования. На данный момент обращают на себя внимание крупные сайты-порталы, такие, например, как Yohoo.com.

По нашему мнению, одной из новых разновидностей сетевой литературы стала и так называемая визуальная новелла – интерактивный текст с заранее прописанными сценариями. При этом пользователь сам определяет, какой из предложенных вариантов он хочет использовать («пройти» / прочитать). Определению ее природы и сущности, а также специфических особенностей функционирования и посвящена настоящая выпускная квалификационная работа.

В первую очередь хотелось бы обратить внимание на те характерные признаки визуальной новеллы, которые позволяют ей считаться частью сетературы. Данный текст может существовать только в сети Интернет, вне этого пространства он не только теряет способы распространения, но и смысловую целостность. Создание произведения также может осуществляться только онлайн, авторы коммуницируют друг с другом через Интернет, благодаря чему обеспечивается быстрое дополнение историй. Пользователи, пусть и опосредованно, но также участвуют в разработке сюжетных линий. Это происходит благодаря хорошо развитой обратной связи – форумы, социальные сети, огромные фанатские сообщества, имеющие прямую связь с авторами. А интерактивность внутри самого текста (выбор сценария для истории) создает ощущение того, что читатель сам пишет историю. Необходимо отметить и некоторое размытие авторской позиции личности – лояльность к любым проявлениям человеческой природы, в частности к персонажам нетрадиционной сексуальной ориентации, которые нередко оказываются главными героями.

Таким образом, визуальная новелла, с одной стороны, вписывается в понятие сетературы, так как обладает типичными чертами направления, но, с другой стороны, и особенно в последнее время, начинает очень быстро приобретать специфические черты. Во-первых, этому способствует современная форма подачи – качественная графика, музыкальная составляющая оформления, современная и хорошо понятная молодежи лексика. Во-вторых, важное значение в процессе популяризации визуальных новелл приобретает их «поэтика». Тексты одновременно используют приемы массовой литературы (ориентация на определенные жанры и эскапизм), и постмодернизма (гипертекстуальность, участие читателя в развитии сюжета истории). Используя уже апробированные, ставшие общепринятыми методы работы с текстом, визуальная новелла вносит в них новое прочтение и осмысление, другими словами – вводит оригинальную оптику. В-третьих, большую роль в становлении новелл как отдельного жанра играет и ее коммерческая ориентация. Это не первые произведения, которые стали приносить прибыль их создателям (например, ведение блога с обзорами или администрирование гестбука также приносит доход), но именно они способствовали их официальной профессионализации. Для выпуска произведения названного жанра

необходимы целые коллективы специалистов: аниматоров, графических художников и дизайнеров, сценаристов, различного рода менеджеров. Кроме того, после выпуска первых успешных проектов и быстро нарастающего интереса к явлению, в России стали появляться отдельные премии и гранты для визуальных новелл, что стимулировало создателей работать быстро и качественно. В настоящее время коммерческую основу для новелл стали составлять и «платные выборы». Так, если пользователю нужна история, которая отвечает именно его интересам, необходимо внести плату или посмотреть рекламу.

Необходимо более подробно охарактеризовать и названные выше особенности визуальной новеллы. Среди них гипертекстуальность, или процесс создания нового текста с опорой на уже известные произведения. Важно отметить, что основой текста той или иной визуальной новеллы может стать любое другое произведение культуры. Так, новелла «Клуб Романтики» предлагает несколько различных по жанрам историй, однако каждая из них имеет своим прототипом известные голливудские продукты (фильмы «Сумерки», «Пираты Карибского моря»; мультфильмы «Покахонтас», «Золушка»). Сейчас вселенная «Клуба Романтики» настолько разрослась, что стала полноценной мультивселенной. В новых историях создатели уже позволяют себе внутритекстовые отсылки (собственные, созданные ранее истории).

Авторские стратегии в романе В. Г. Сорокина «Манарага»

А. В. Антышев

К явлению литературного канона ученые, авторы и общественность обращаются регулярно. Появление в арсенале русской литературы в любую эпоху текстов и авторов, резко контрастирующих с доминирующими и привычными аудитории концептами, как правило, всегда означает обновление текущего статуса этой дискуссии. Что под канонем понимается сегодня? Являются ли каноничные тексты все еще образцовыми? Что оставить в рамках беллетристики, а что поставить в один ряд с классиками русской литературной традиции? Ответы на эти вопросы всегда давала интеллектуальная элита.

Также визуальная новелла принципиально ориентирована на жанры массовой литературы – детективы, любовные романы, приключения и триллеры. Их общей чертой является эскапизм. Бегство от реалий жизни в варианте счастливого финала – типичная черта и всех визуальных историй. Несмотря на то, что пользователь, казалось бы, сам выбирает дальнейшее развитие сюжета, число финальных исходов ограничено.

Используются в визуальной новелле и некоторые литературные архетипы, например, вечные образы (Гамлет или Дон-Жуан).

Существующие на данный момент исследования сетературы относятся по преимуществу к рубежу XX–XXI веков. В то же время за последние десятилетия в рамках этого феномена произошло много изменений. С одной стороны, появились абсолютно новые жанры, которые не могут существовать вне Интернета, с другой – многие произведения перешли из онлайн-формата на книжные полки магазинов и удачно вписались в литературную систему. Все эти процессы требуют описания и многостороннего исследования для объективного понимания современных тенденций и путей развития литературы. Визуальная новелла – одно из таких явлений. Важно отметить и тот факт, что коммерческая основа приложения выводит работу с текстом еще на один уровень, что позволяет в целом говорить о визуальной новелле как еще одном самостоятельном жанре сетературы.

Однако в какой-то момент феномен массовой литературы стал значительной угрозой для состоявшихся авторов. Именно концепт определения элитой литературного канона, представление иерархии произведений в виде некой внутренней «кухни», изображенной В. Г. Сорокиным буквально, в бытовом понимании, и был положен в основу сюжета последнего на данный момент романа современного литератора под названием «Манарага». Цель статьи – обозначить нарративные и жанровые стратегии в романе В. Г. Сорокина «Манарага».

Роман был опубликован 13 марта 2017 года и стал одиннадцатым на счету писателя. Книга во многом содержит отсылки на ранее вышедшее произведение автора «Теллурию» (2013), воплощая образ нового средневековья – мира, пережившего

исламские войны, сотканного из сюрреалистично-ироничных конструктов и находящегося в шаге от полного фарса. Однако в этот раз, в отличие от романа 2013 года, В. Сорокин берет в основу всего одну историю – повара Гезы, в мире, отказавшемся от печатной книги.

Геза не просто повар, он – book’n’griller, специалист кухни нового времени, готовящий изысканные блюда на русской контрабандной литературе. Печатные копии произведений А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого – неоспоримый канон «Кухни» (преступный синдикат поваров, использующих книги как топливо для приготовления собственных блюд), а по мнению Гезы, и лучшее топливо для будущих бараньих стейков, шашлыков из осетрины и фаршированных куриных шеек по-одесски. Другое дело – авторы постсоветской России. С ними на «Кухне», кажется, не имеет дел никто. Да и лучшие образцы соцреалистической эпохи также не в тренде, думается Гезе. Редкое дело. Есть ли что хуже их? Подделки. А еще хуже – точные молекулярные копии. Совсем плохо – абсолютно точные молекулярные копии канонических святынь. Невообразимо плохо – их тираж. Адская машина уже запущена. В центре горы Манарага печатается «Ада» В. В. Набокова. Таким видится Сорокину конец мирного процветания Кухни. Наступление массовой литературы уничтожит ее, превратит запретный обряд в рядовой поход в ресторан.

Доступность ремесла, контроль канона – вот две четко определяемые темы романа. И хотя в серьезности выдвигаемых обвинений легко усомниться (В. Г. Сорокин легко парировал любые нападки в свой адрес вездесущей ироничной неопределенностью), не отметить глубины исследования ранее обозначенных тем не удастся. Писатель с лихвой компенсирует небольшой объем и рваную структуру романа довольно обширным комплексом авторских стратегий.

Сегодня понятие *авторская стратегия* активно применяется в исследовании модернистских и постмодернистских произведений для выявления авторской направленности на читательское сознание. Выявление не только лингвистических, но и экстралингвистических категорий в современных текстах – достижение исследователей последних десятилетий. И хотя сам термин восходит к теориям А. Н. Веселовского и М. М. Бахтина, категория авторской

позиции в соотнесении с художественным методом, собственно определение контекста среды связаны уже с именем В. Шмида. Ряд положений его теории были развиты на рубеже XX–XXI веков С. А. Байковой, Н. П. Дворцовой и других.

Так, согласно современным исследованиям, под авторской стратегией понимается сознательно избранная тем или иным художником повествовательная модель с особым, индивидуально-авторским набором приемов, тем, сюжетов, мотивов, образов и вовлечением в повествовательный дискурс автора – текста – читателя. Это определение в ряде случаев дополняется возможностью коррелирования индивидуально-авторских стратегий друг с другом в контексте не только литературной традиции, но и в контексте современной авторам литературной ситуации. К каким образцам апеллирует Сорокин?

Прежде всего перед нами жанровая литература. Следовательно, в дискуссии наравне с автором выступает и массовый читатель. В. Г. Сорокин использует жанр как возможность максимально быстрого установления контакта с аудиторией. Знакомые тропы, ирония, элементы сюрреализма, новая неизведанная фантастическая реальность, вскрытие социальных нарывов – все это знакомо читателю еще до обращения к роману. «Манарага», по утверждению самого автора, – антиутопия, а потому дневниковое повествование, изображение мира наизнанку и неизбежное поражение героя присущи ей так же, как и любому другому подобному произведению. Задача автора – сразу захватить воображение тысяч читателей и максимально быстро добиться их расположения, обращаясь к ранее пережитому читательскому опыту.

Но массовый читатель не так прост. Одним лишь жанром на современном рынке произведений определенно никого не заманить, поэтому писатель использует еще одну стратегию, на этот раз обращенную к человеческим желаниям и инстинктам. Столь желанный миллионам читателей натурализм – не обязательный факт развития настоящего нарратива. Но если он используется, то смакуется со всеми возможными подробностями и изображается в самых необычных ракурсах. Подробные сцены секса, убийств, употребления наркотических средств и активное использование обсценной лексики – инструментарий, давно знакомый аудитории автора.

Нельзя не упомянуть и о стратегии обращения к национальному вопросу. Под сомнительной формулировкой скрывается обычное стремление автора вести диалог со многими этносами. Обращение к аудиториям разных стран, то есть расширение аудитории, обращение к ее полигамной стороне – очевидная стратегия в борьбе за массовый рынок. Большую часть книги герой путешествует по странам Европы, изготавливая разнообразные блюда на русских «дровах». Турция, Португалия, Польша, Италия, Швейцария – картина кулинарного тура у автора получается довольно внушительной. Практически каждая сцена представляет собой «культурный суп». Когда в Португалии советские евреи и русский повар говорят то на одном, то на другом языке, удивления это не вызывает. Наоборот, подобная картина смотрится весьма органично.

Необходимо обратиться и к мифопоэтической стороне произведения. Стратегия, обращенная к мифологическому, легендарному и устно-поэтическому текстам, призвана обосновать процессы самоидентификации автора и читателя по отношению к изображаемому на уровне подсознания. Так, автор активно манипулирует сферой бессознательного. Например, главный герой пользуется помощью умных блох – духов-помощников. Его акции с книгами можно рассматривать как своего рода обряд передачи энергии – от книги к пище. Геза совершает и паломничество на священную гору, охраняемую духом горы – медведем. Также роман пестрит легко декодируемыми читателем классическими сказочно-мифологическими типами героев: Герой (Геза), Вредитель (Анри), Даритель (Zokal), Помощник (умные блохи) и так далее.

Используя вышеперечисленные стратегии, автор обращается к массовому читателю, устанавливая быструю и крепкую связь на уровне прошлого опыта, подсознания и культурного кода. Кроме того, с помощью этих стратегий писатель адаптирует текст в соответствии с законами рынка. На этом можно было бы и закончить, однако «Манарага» – произведение постмодернистского и далеко не народного автора, а потому назвать его произведение однозначно товаром массового потребления не получится. Другой стороной своей многогранной

формы оно обращено к более требовательному читателю.

Решение эстетических задач произведения связано с еще одной стратегией, ориентированной на традиции постмодернистской литературы. Юмор и необычный язык – столпы этого аспекта романа. Если обратиться к юмору, то можно заметить существование комических конструкций практически на всех уровнях текста.

Так, на лексическом уровне автор строит свой мир и выдерживает тон произведения с помощью гротеска, пародии и иронии. На синтаксическом и морфологическом – использует гиперболу, литоту, оксюморон, сравнение, проклятье, ругательство, аллегорию, ситуативный контраст и так далее. Фонетический уровень комического представлен звукоподражаниями, аллитерациями и ассонансами, а также нарочитым отклонением от произносительной нормы. Прибегает автор и к приемам стилевому и языкового контрастов, индивидуально-авторским неологизмам и экзотизмам.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что, используя вышеперечисленные стратегии, обращенные как к массовому, так и к более искушенному читателю, автор одновременно апеллирует сразу к двум разным рыночным категориям. Для первой писатель подготовил натуралистическую остросюжетную антиутопию, открытую для большого количества подсознательных мотивов и образов, обращенную к мультикультурной аудитории. Для второй – изобличительный ироничный монолог о контроле канона и банальной любви к печатной литературе, написанный в традициях современной постмодернистской прозы.

Хотя «Манарага» и не стала бестселлером и была принята читателями и критиками весьма сдержанно, на ее примере можно наблюдать процесс сращения жанровой и элитарной литературы. Процесс с нее, конечно же, не начался – он идет уже давно и коснулся не только литературы, но и, например, кинематографа. В каком плане эта тенденция будет развиваться дальше? Предугадать трудно, однако фиксация любых направлений культурной трансформации, на наш взгляд, определенно способствует выявлению путей развития культуры и литературы будущего.

**Особенности интерпретации буддийских
мотивов в современной массовой литературе
(на материале романа Д. Орехова
«Будда из Бенареса»)**

А. А. Якимова

Определенный смысл, вложенный в понятия «личность», «душа», «я», формирует представления о мире, его устройстве и месте человека в нем, а также является важной частью построения онтологии, этики, ценностных ориентиров. Философия, мировые религии, наука, и шире – культура, по-разному дают ответ на вопрос о смысле существования человека в мире. В ряде случаев принципиально важным становится обращение представителей определенной национальной культуры к пониманию его (смысла) с точки зрения носителей другой культуры. Так, интерес к буддийским идеям среди деятелей русской культуры периодически возникает в переломные/кризисные эпохи как в искусстве в целом, так и в личной жизни того или иного художника.

Известно, что в конце 1870 – начале 1880-х годов Л. Н. Толстой обратился к буддийской философии, именно это время в его жизни называют периодом духовного кризиса. В философском произведении «Исповедь» (1882) писатель в ходе размышлений задает себе вопрос, существует ли такой смысл в его жизни, который бы не уничтожался неизбежной ее конечностью. По мнению Л. Толстого, выход из этого личностного конфликта может состояться при условии отрицания личности, самоотречения в пользу других существ и признания в себе бесконечного божественного начала. Иными словами, истинная жизнь возможна, только если ей сопутствует любовь. Нельзя не заметить в этих тезисах Л. Толстого сходство с буддийскими учениями о «не-я», или «Анатме» (отсутствии вечного «я»), и с понятием сострадания в буддизме. И. А. Бунин, в чьем творчестве буддийские реминисценции также занимают особенное место, говорил о Толстом как об одном из мудрецов, оказавшихся способным «разорвать Цепь», освободиться от тщетности индивидуальной жизни, ведущей к неизбежному земному концу.

Рецепции буддизма обнаруживаются и в творчестве К. Бальмонта, Д. Мамина-Сибиряка, И. Анненского, М. Волошина, В. Хлебникова и других. Увлечение же современных писателей

восточными мирами продиктовано к тому же общественным интересом к учению и практикам буддизма, в особенности к йоге. Так, черты тибетского и дзен-буддизма находят свое отражение в произведениях В. О. Пелевина. Наполняет свои произведения мотивами восточной философии и Б. Акунин. Детективы «фандоринского цикла», начиная со «Смерти Ахиллеса», отсылают к культуре Японии. Но наиболее ярким романом с этой точки зрения является книга «Ореховый Будда» (2018) из серии «История Российского Государства». В ней рассказывается о ступенях принятия монашеского пути героиней по имени Ката. Она достигает истинной мудрости при помощи своего учителя Симпэя.

Массовая литература как никакая другая следует за общественными интересами, поэтому выявление особенностей интерпретации буддийских мотивов в современной «формульной» литературе представляется весьма продуктивной задачей. Таким произведением, примечательным в плане обращения к инокультурным феноменам, является роман Д. Орехова «Будда из Бенареса». Воссоздавая легенду о Сиддхартхе Гаутаме Шакьямуни, автор вводит еще одного героя, второго Будду – двоюродного брата Сиддхартхи, Девадатту. Он также является исторической личностью, известен своей попыткой совершить один из расколов в монашеской общине.

Романный герой, Девадатта, решает пойти в ученики к брату только потому, что Амбапале, его возлюбленная, отдавала предпочтение перед ним истинному мудрецу Сиддхартхе. Она была уверена в том, что Девадатта никогда не наберется мужества стать отшельником, как его брат. В свою очередь, Амритодана – отец Девадатты, гордый и упрямый человек, советует Девадатте пойти в ученики к Сиддхартхе Львиноголому. Но не только для того, чтобы завоевать расположение танцовщицы, но и стать «шпионом» во вражеском лагере, среди отшельников. Это не случайно, так как учение о сансаре находило все больше сторонников среди представителей всех сословий, от брахманов до шудр. Стоит обратить внимание на то, как показан контраст между двумя Буддами: Сиддхартха окружен магическим ореолом, он то излучает голубое сияние, то творит необъяснимые чудеса. При этом остается верным своему учению, наставляя на Срединный Путь или Путь освобождения и учеников, и других людей, которых встречает в путешествии.

Словом, его образ лишен лукавства, в то время как даже во внешнем описании Девадатты показана его двуликость: один его глаз был серым, другой – карим. Когда Девадатта начинает постигать мудрость, которую несет Сиддхартха, он скорее «чувствует радость от сознания своей избранности», чем действительную решимость придерживаться учения. Герой так и не смог оставить в прошлом свой дом, семью, возлюбленную, как того требует Путь. Девадатта начинает подозревать Сиддхартху в умышленном «недеянии», когда тот отказывается вмешиваться в разгоревшуюся в то время войну. А затем обманным путем занимает место брата во главе общины. Но совершает ошибку, так как нельзя просто «объявить себя» Буддой, Просветленным. Им можно лишь стать, освободившись от искушений и переживаний и следуя по Срединному пути, где жизнь в роскоши и аскетизм, или более абстрактные понятия, такие как добро и зло, жизнь и смерть, определяются как крайности, и ни один из этих путей не является верным.

Роман массовой литературы неизбежно сводится к конкретной схеме, или штампу, в области повествования. Согласно Дж. Кэмпбеллу, Девадатта и Сиддхартха проходят все стадии разворачивания нарратива посвящения. Во-первых, это «исход», так как все начинается с «зова к странствиям», у героев разные на то причины (у Сиддхартхи – совершенствование сознания, у Девадатты – стремление обладать женщиной), но, тем не менее, путешествие начинается. Далее оба находят сверхъестественного покровителя: исторический Сиддхартха встречает нескольких Просветленных прежде, чем обрести собственный путь, в романе Девадатта становится учеником Сиддхартхи. Затем герои проходят через преодоление себя, избавление от искушений прежней жизни обремененных высоким статусом царевичей, переходят на следующую стадию «инициации». Девадатта встречает Сиддхартху в момент, когда тот уже прошел эту стадию, поэтому стадия «инициации» дана с точки зрения двоюродного брата будущего Будды. Девадатта всюду следует за учителем, постигает его мудрость, осваивает нужные практики и навыки, в результате чего ему удается осуществить странствие вне тела, в ходе которого он посещает Амбапале и узнает о грядущей угрозе Бенаресу и, в частности, его отцу, Амритодане. Герой начинает осознавать силу «слова», но не самого учения, собирает мо-

нахов и обретает власть, тем самым он получает награду в конце своего пути, но так и не достигает покоя, к которому ведет Срединный Путь.

Стадия «возвращения» целиком посвящена Сиддхартхе, после неудачной попытки его убийства Девадаттой, герой теряет все, чего достиг в плане следования учению о сансаре. Воспользовавшись силой «иддхи», он спасает собственную жизнь, показав тем самым, что он изменил себе. Сиддхартху находят местные жители (помощь из обыденного мира), выхаживают его, но через некоторое время он уходит из деревни, услышав зов великого Ганга. Во время медитации возле реки Сиддхартха начал осознавать смысл всего, и в то же время ничего, он был очень близок к тому, чтобы освободиться, достигнуть конца своих скитаний. Враждебные силы в лице Ангулималы, чьи последователи приносили богам человеческие жертвы, взяли в плен Сиддхартху и ребенка. Вопреки учению, в последний момент герой спасает мальчика от секиры Ангулималы. В итоге то, в чем Сиддхартха искал освобождения от чувств, желаний, искушений, оказывается бессильным перед человеческим сердцем, любовью к другому существу, в этом, в трактовке Д. Орехова, герой обретает гармонию, сохранив целостность личности, но за рамками буддистской картины мира. Из этого следует, что образ Сиддхартхи приобретает особую значимость, так как он, а не его двоюродный брат, проходит все стадии «квеста».

Мифологема «пути», или «квеста», лежит в основе не только текста романа Д. Орехова, но в буддийском учении в целом. Категория Пути, «Паддхи» в буддизме – это то, с чего начинается осмысленное существование человека, а не простое следование течению жизни. Пробуждению и последующему освобождению, уходу в нирвану, способствуют три этапа Благородного восьмеричного Пути: этап мудрости, этап нравственности и этап усердной практики, работы с сознанием. Вступив на этот Путь, человек уже не является тем «вульгарным», посредственным существом, которое придерживается жизни, текущей самой по себе, он становится путником, стремящимся усовершенствовать свое сознание усердной работой над ним.

Итак, обращение представителей элитарной и массовой литературы к инокультурным феноменам, особенно к Востоку, продиктовано общечеловеческим стремлением к постижению смысла

человеческой жизни и средства, с помощью которого можно его осознать, – правильного пути становления личности. Л. Толстой, пропустив буддийские идеи через сознание, приходит к собственному пониманию смысла истинной жизни. Современный писатель массовой литературы, Д. Орехов, воссоздает легенду о Будде, Сиддхартхе Гаутаме и его двоюродном брате Девадатте, в основе которой лежит мифологема «квеста», «пути». Два параллельных странствия

героев имеют разный итог: в случае с Сиддхартхой квест оказывается состоявшимся, герой обретает смысл в другом человеческом существе, в любви к нему. Что касается Девадатты, то он, достигнув желаемого, так и не познал гармонии. Таким образом, ценности иной культуры, воплощенные в литературном произведении, могут осваиваться и присваиваться читателем как часть личного опыта, в результате чего формируется новое понимание мира и места человека в нем.

Субстандартный вариант молодежного языка в современном интернет-пространстве

Н. Л. Лобанова

Жизнь современной молодежи сегодня уже нельзя представить без Интернета как особой информационной и коммуникативной среды. Общение молодых людей тесно связано с миром информационных технологий и проходит в рамках сетевого общения, в частности, в многочисленных форумах и чатах. Неразрывная связь современной жизни молодежи и социальных сетей приводит к активному употреблению языка интернет-пространства и в повседневном общении. Многие разговорные слова в контексте коммуникативно-сетевого опыта искажаются, переосмысливаются и принимают новые значения.

Словарный состав русского языка, по сравнению с другими языковыми уровнями, подвержен, как известно, наибольшим изменениям, что связано с общественной природой языковых единиц. Среди лексики, в свою очередь, наиболее подвижным является молодежный жаргон, отражающий возрастные, психологические, статусные особенности подрастающего поколения. Языковые особенности интернет-коммуникации характеризуются значительным объемом сокращений и аббревиатур, отражают формирование нелитературной лексики, приближение графической формы слова к звуковой, нарушение орфографических, грамматических и синтаксических норм, применение эмодиконов. Функциональные особенности молодежного жаргона прослеживаются в текстах социальных сетей, форумов.

Исследовательский интерес к изучению данного языкового явления на материале социальных сетей, форумов, чатов объясняется тем, что такого рода материал, с одной стороны, отража-

ет речевую практику молодого поколения как носителя языка, а с другой – оказывает воздействие на формирование активного словаря социума.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью комплексного изучения молодежного интернет-жаргона.

Исследование сетевого пространства при сложности его феномена, бесспорно, требует междисциплинарного подхода. Так, Интернет, как известно, является наиболее универсальным средством передачи информации в молодежной среде. Он оперативно распространяет информацию актуальных событий как внутри страны, так и во всем мире, расширяет кругозор молодежи. Кроме того, при передаче разнообразных сведений социальные сети оказывают воздействие на аудиторию, формируют их мировоззрение, восприятие, поведение и оценку окружающего мира.

Степень научной разработанности темы определяется наличием как работ, посвященных вопросам функционирования интернет-коммуникаций в целом, так и специфике исследований по проблемам функционирования жаргона в коммуникации онлайн-пространства.

Методологической основой настоящего исследования явились работы классиков языкознания В. В. Виноградова, И. А. Бодуэна де Куртене, Л. В. Щербы, Р. Якобсона, Л. П. Якубинского и другие.

Основополагающими в этой области явились также работы В. М. Жирмунского, Е. Д. Поливанова, А. М. Селищева. В дальнейшем проблемами развития языковых социальных подсистем занимались В. Д. Бондалетов, Ю. Д. Дешериев, К. В. Косцинский, Б. А. Ларин, Б. А. Серебренников, Л. И. Скворцов, А. Д. Швейцер и другие.

В последние десятилетия пристальное внимание исследователей русского языка привлекает проблема взаимодействия языка и общества, которая наглядно отражается в функционировании молодежного жаргона. Существенный вклад в исследование избранной нами темы внесли работы О. А. Анищенко, Е. И. Бегловой, Э. М. Береговской, Е. Г. Борисовой-Лукашинец, С. В. Вахитова, Т. М. Веселовской, М. А. Грачева, К. Н. Дубровиной, В. С. Елистратова, Т. В. Зайковской, М. М. Копыленко, Л. П. Крысина, О. Д. Миралаевой, В. М. Мокиенко, Т. Б. Щепанской и других. Важное значение в исследовании субкультуры молодежи имели работы С. И. Левиковой, которая характеризует молодежную культуру многоаспектно, в разнообразии ее проявлений.

Существенную роль в освоении проблемы развития и функционирования молодежного жаргона сыграли лексикографические работы, отражающие эмпирический языковой материал: В. М. Мокиенко (2001), С. И. Левиковой (2003), В. С. Елистратова (2000), Т. Г. Никитиной (2003) и других.

В отечественной лингвистике существует большое количество работ, посвященных изучению разных типов жаргона. Так, язык молодежи уже становился предметом исследований, прежде всего при создании словарей: Никитина 1996; Митрофанов, Никитина 1998; Максимов 2002; Левикова 2003; Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005; Грачев 2006; Белов 2007; Андреев 2009; Липатов, Журавлев 2009. Кроме того, исследованию молодежного жаргона в разных аспектах посвящен и ряд кандидатских диссертаций: Гойдова 2004; Шмачкова 2005; Цибизова 2006; Иванова 2007; Чжао 2013; Ван 2020.

Различные аспекты проблемы развития современного языка особенно интенсивно рассматриваются в лингвистической науке последних двух десятилетий в работах Н. С. Валгиной, И. Б. Голуб, П. А. Горшкова, Л. П. Крысина, М. В. Панова, Ю. В. Рождественского и других.

В последнее время актуализируется проблема взаимодействия языка и общества, которая наглядно отражается в расширении функционирования жаргона и его разновидностей. Существенный вклад в исследование избранной проблематики внесли работы Е. Г. Борисовой-Лукашинец, С. В. Вахитова, М. А. Грачева, В. С. Елистратова и других.

Применение русского языка в интернет-пространстве на сегодняшний день показывает

особенный интерес ученых к сетевому контенту. Так, Т. Г. Бочина и А. З. Маликова, рассматривая специфический язык различных форумов, чатов, анализировали лексемы, которые созданы под влиянием «олбанского языка» и показывали не только грамматическую, но и графическую трансформацию. Однако отдельного развернутого исследования молодежного жаргона в интернет-пространстве до сих пор не проводилось.

Научная новизна работы заключается в комплексном изучении молодежного интернет-языка, специфике функционирования жаргонных единиц в речи молодежи, выявлении особенностей лексики и стилистики современного интернет-языка, а также потенциальные его возможности в развитии системы современного русского языка.

Материалом нашего исследования стала лексика, используемая в молодежной интернет-среде. Выделяется ряд признаков, по которым слово относится к молодежному жаргону: тематика, характер функционирования, лексические и стилистические особенности, наличие семантического аналога в литературном языке.

Источниками материала исследования являются разнонаправленные молодежные форумы, социальные сети, чаты; анкетирование; результаты опросов, проведенных среди различных молодежных субкультур.

Междисциплинарный характер исследования, касающегося функционирования молодежного жаргона в молодежной интернет-среде, обуславливает обращение к целому ряду областей научных знаний: лингвистике, социологии, психологии.

Теоретическая значимость работы состоит в осмыслении информационного пространства Интернета как особой сферы речевой коммуникации, выявлении закономерностей формирования языкового сознания в подростковом возрасте в связи с включением виртуальной коммуникации.

Результаты проведенных исследований могут найти применение в дальнейшем изучении как жаргонной лексики, так и молодежных субкультур в целом, при разработке курсов по лингвистике, социолингвистике, психолингвистике, межкультурной коммуникации.

Таким образом, коммуникация молодежи в интернет-среде совершается быстро и в максимально упрощенной форме, пользователи

производят отбор языковых средств, наиболее удобных для данного вида общения, что отвечает важной потребности современного информационного общества. Молодежный интернет-

язык представляет собой уникальный феномен живого разговорного русского языка, со своими специфическими особенностями, и вызывает большой интерес для исследования.

Календарные рассказы в творчестве

А. Т. Аверченко

Д. Г. Самойлова

В человеческом сознании по-разному воспринимаются праздники (время сакральное) и будни (время «профанное»). Подобный хроно-топ проявляется и в так называемой календарной литературе, повествующей о тех или иных событиях в жизни человека в соотношении с определенными календарными (временными) циклами, чаще всего с христианскими праздниками. Соответственно, календарный сюжет становится предлогом для выражения определенной концепции реальной действительности, индивидуально-авторского понимания сущности человека.

К категории календарной литературы обычно относят святочные, рождественские, крещенские и пасхальные рассказы. Традиции календарных рассказов изучены в отечественной литературе достаточно основательно. Исследователи выявили их сущность, показали приуроченность к определенным временным циклам (И. А. Есаулов, В. Н. Захаров), жанровую специфику (Е. В. Дущечкина, Н. Н. Старыгина).

Отмечая общие моменты названных выше жанровых разновидностей (святочные, рождественские, пасхальные), исследовали подчеркивали и их специфические черты.

Так, святочным рассказам свойственны сентиментальные представления о жизни; проповедь ценности человеческой жизни, добра; нравственный смысл как доминанта содержания; приуроченность к Святкам; чудеса, предопределяющие душевную метаморфозу героя, счастливая развязка. Во второй половине XIX столетия святочный рассказ был значимым явлением городской культуры, которое поддерживало связь с древней фольклорной традицией и вместе с тем вобрало в себя опыт рождественской беллетристики первой половины столетия. Своеобразие святочного рассказа как литературного жанра обусловлено развитием журнального и газетного дела, распро-

странением книг для народа и произведений, предназначенных для детей.

Рождественскому рассказу присущи описания атрибутов праздника (ель, звезда, ясли, свечи, подарки, традиционные герои – семья, сироты); приуроченность к Сочельнику или Рождеству; наличие чуда. Чудо может проявиться как неожиданная помощь, обновление жизни, любовь, традиции рождественской благотворительности. Примечательно, что иногда рождественские рассказы могли утрачивать мистический элемент и закреплять «сюжет чуда» в душе. В качестве главного, объединяющего всех людей момента, авторы часто изображают дом/домашний очаг.

Для пасхальных рассказов характерны приуроченность к праздникам пасхального цикла; назидательность; напоминание читателю евангельских истин; причем первые две характеристики являются обязательными. С 80-х годов XIX столетия пасхальный рассказ стал массовым жанром газетно-журнальной беллетристики: редакторы заказывали для пасхальных номеров своих изданий стихи и рассказы, а авторы выполняли данные заказы. Жесткая жанровая форма и обилие произведений обозначенных жанров привели к однообразию и шаблонности текстов. Календарные рассказы стали использоваться как орудие в эстетической и политической борьбе. Также появилось множество произведений, создаваемых в сатирическом или пародийном ключе.

Своеобразным исключением в этом ряду стали произведения А. Т. Аверченко – блистательного прозаика и драматурга первых десятилетий XX столетия. Его жизнь была тесно связана с журналами «Сатирикон» и «Новый Сатирикон».

К жанру календарных рассказов он обращается в 10-е годы XX века. При этом некоторые из них сопровождается подзаголовками, прямо указывающими на их приуроченность к определенному временному периоду. Например, «рождественский рассказ» («Большое сердце», 1910; «Первый дебют», 1911; «Куклы», 1915; «Тайна зеленого сундука», 1915; «Продувной мальчишка», 1922);

«святочный рассказ» («Зеркальная душа», 1912, «Страшное издание», 1914); «пасхальный рассказ» («Дебютанты», 1914, «Под столом», 1922). Встречаются произведения, имеющие подзаголовки «неорожественский рассказ» («Сухой праздник», 1915) и «рождественская история» («Первый дебют», 1911). При этом один из рассказов писателя получил название по его основной жанровой принадлежности – «Рождественский рассказ» (1909).

Актуальность настоящей работы связана с попыткой анализа календарных рассказов А. Т. Аверченко в контексте литературного процесса рубежа XIX–XX вв. и первых десятилетий XX в., соотношения традиций и новаций, расширения тематического и жанрового своеобразия данного типа повествований.

Аверченко создавал календарные рассказы на протяжении всего творческого пути, который, к сожалению, был довольно коротким. В 1925 году писатель ушел из жизни.

Писатель в основном сохраняет характерные для календарных рассказов традиционные черты: приуроченность к христианскому празднику; наличие его символики; душевную метаморфозу героев; счастливый финал. Стоит, однако, отметить, что в большей части рассказов А. Аверченко превалирует трагический финал, однако в целом это также не противоречит традиции, ибо в русской литературе, по мнению Е. В. Душечкиной, например, рассказы с несчастливыми концовками встречаются не реже, чем со счастливыми.

Жанрообразующие признаки рождественского рассказа наиболее ярко представлены в таких рассказах писателя, как «Рассказ о колоколе» (1913), «Рождественский день у Киндяковых» (1914), «Детвора» (1916), «Выходец с того света» (1924), «Индейка с каштанами» (1925). Во всех отсутствует счастливая развязка.

В свою очередь черты пасхального рассказа воспроизведены в произведениях: «Буржуазная пасха» (1913), «Смерть африканского охотника» (1914), «Маня мечтает» (1916), «Кулич» (1922), «Новая Пасха» (1923). Тематически связаны с Пасхой и рассказы «Визит» (1910), «Чудеса» (1910), «Пасхальная метель» (1912), «Революционер» (1912), «Роскошная жизнь» (1913), «Пасхальные советы» (1924).

В то же время для календарных рассказов А. Т. Аверченко характерен широкий социальный

фон: в текстах можно найти точное указание статуса героев, упоминания служебной иерархии. Это противоречит сути христианских праздников (Рождество, Пасха), центральной идеей которых является разрушение социальных границ.

В календарных рассказах, как и в других произведениях писателя, обращает на себя внимание и критика современной действительности: дети лишены средств к существованию, вынуждены работать («Маня мечтает», 1916; «Продувной мальчишка», 1922), герой-ребенок умирает («Тысяча первая история о замерзающем мальчике», 1914), растет преступность («Большое сердце», 1910; «Рассказ о колоколе», 1913); люди живут в нечеловеческих условиях («Рождественский день у Киндяковых», 1914, «Индейка с каштанами», 1925).

В творческом наследии А. Т. Аверченко есть группа рассказов, в которых присутствует резкая критика произведений современников. Внешне они опираются на традиции XIX века, но по существу создают клишированные тексты исключительно ради заработка. Так, в произведении под названием «История одного рассказа» (1911) выведен некий Василий Покойников. Фамилия персонажа в данном случае говорит сама за себя. Он сочинил один текст и теперь занимается тем, что постоянно переделывает его то под рождественский, то под пасхальный рассказ.

Похожий сюжет имеет и рассказ «Без елочек» (1916), в котором Кривобоков, не успевший вовремя сдать в редакцию рождественский рассказ, пытается переделать его в пасхальный.

В рассказе «Тысяча первая история о замерзающем мальчике» (1914) двое мужчин, встретив на улице в Сочельник замерзающего ребенка, перебирают признаки, характерные для рождественских произведений, но не помогают ребенку, поскольку убеждены в том, что он, по счастливой случайности, проснется в теплой кровати. В итоге ребенок умирает, так и не подозревая, что он не что иное как «затасканный сюжет».

Итак, календарные рассказы А. Т. Аверченко продолжают традиции классических жанров рождественских, святочных и пасхальных рассказов писателей XIX века (Н. С. Лескова, А. П. Чехова), одновременно содержат некоторые новации: сатирическую направленность, критику шаблонности рождественских, святочных и пасхальных рассказов современных А. Аверченко авторов. Писатель показывает несоответствие

светлых христианских праздников и окружающей действительности, поведения людей. Рождественские, святочные и пасхальные рассказы прозаика зачастую пробуждают воспоминания о добром, прекрасном, они противопоставлены пошлости, несовершенству современной А. Аверченко действительности. Обращаясь к жанру календарного рассказа, писатель не только

пытается закрепить его в литературной традиции, сохранить для потомков образ жизни, поведение и мировоззрение людей, которые в нем представлены, но и показать, как изменился мир. Послереволюционная действительность уже не следует традиционному «календарю», и автор скрупулезно регистрирует как приобретения, так и утраты нового советского образа жизни.

Русская классика и особенности ее интерпретации в региональных театрах (на примере АРТД им. Г. Константинова)

Т. А. Золотова, М. А. Охотникова

В настоящее время уже никто не сомневается в том, что русская классическая литература имеет непреходящую ценность, является универсальным языком, который понятен всему миру. Русская классика была и остается сокровищницей тем, мотивов и образов, а также одним из способов создания новых текстов (комиксов, ремейков, фанфиков и т.п.). Остро встает вопрос, где проходят границы ее интерпретации, в том числе и на сцене. Общеизвестны факты блестящих постановок классических произведений XIX века на столичной сцене (МХАТ им. Горького, МХТ, Малый театр и другое). Одновременно в профессиональных журналах по театру («Театр», «Театральная жизнь» и др.), междисциплинарных научных журналах («НЛО» и др.), средствах массовой информации активно обсуждаются и оцениваются новаторские подходы к интерпретации классики, например, опыты К. Богомолова, Ю. Крымова и другие. Так, одна из последних постановок Ю. Крымова пьесы А. Чехова «Чайка» получила название «Костик» и заставила одну из ведущих российских актрис Викторину Исакову сделать парадоксальное признание о том, что, с одной стороны, это совсем не Чехов, но с другой, именно Чехов!

Определенный опыт в этом плане накоплен и провинциальными театрами, в частности АРТД им. Константинова. На сцене его в разное время ставились произведения А. Н. Островского («Гроза», «Аферисты»), Н. Лескова («Леди Макбет Мценского уезда») и другое. В центре внимания данного исследования – анализ репертуара Йошкар-Олинского драматического театра на рубеже XX–XXI вв. и в первые десятилетия

XXI века, выявление в нем произведений русской классики (по преимуществу от Пушкина до Чехова), определение доли этих произведений в репертуаре в разные периоды жизни театрального коллектива, демонстрация общих закономерностей и одновременно индивидуальных особенностей трактовки одних и тех же сюжетов, образов разными режиссерами и соответственно труппами.

Особенное внимание уделяется изучению театрального сообщества данного театра «изнутри», с точки зрения взаимодействия в коллективе официальных и неформальных профессиональных традиций. При этом принципиальный акцент в этом процессе сделан именно на неформальных профессиональных традициях, под которыми в настоящее время обычно понимают «набор или систему стереотипизированных представлений, практик и текстов, бытующих и воспроизводящихся в профессиональной среде в процессе повседневных коммуникаций» (Т. Б. Щепанская). Ставится задача определить, оказывают ли данные традиции влияние на характер репертуара, в частности выбор для постановок пьес, особенностей их трактовки, восприятия и оценкой членами коллектива границ интерпретации классики на сцене АРТД и тому подобное.

Методологически значимыми в этом плане являются прежде всего исследования петербургских социологов по антропологии профессий, представленные на страницах «Журнала социологии и социальной антропологии» (2003), а также в известной монографии руководителя данного коллектива Т. Б. Щепанской «Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX – начало XXI в.)» (2010). Соответственно, заявлены методы социально-культурной антропологии, этнографии и фольклористики (В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, С. Ю. Неклюдов, В. В. Головин,

К. А. Богданов, С. Б. Адоньева, А. Н. Власов, В. Л. Кляус, Т. Б. Щепанская и др.). Использование их способствует выявлению механизмов формирования профессиональных (официальных и неформальных) сообществ, особенностей отношения актеров к профессии, ее функций в современном обществе. Как и в случае других профессиональных сообществ, описание стереотипизированных элементов повседневного дискурса, символика пространства профессии, ее предметного мира, а также создание медиаимиджа и повседневных практик профессионалов и неформалов (Т. Б. Щепанская) требует обращения и к фольклорно-этнографическим методам. Наблюдение, глубинное интервью, личные и автобиографические документы, публикации местной прессы и другие рассматриваются в данном случае как базовые методы сбора необходимой информации.

Так, в исследовании широко используются материалы, полученные в результате анкетирования и глубинного интервьюирования представителей АРТД и его зрителей. Анкетирование проводили студенты-филологи и преподаватели Марийского государственного университета (июль 2019 года). Анкета включала вопросы, позволяющие сформировать представление о роли и значимости театральных сообществ в культурной жизни столицы, а также предпочтениях в данной области различных групп населения республики. Было обработано более тысячи ответов. Параллельно осуществлялось глубинное интервьюирование ведущих театральных деятелей, а также театральной молодежи АРТД (лето 2019–2020 гг., 14 полуторачасовых интервью). Среди опрошенных представлены художественный руководитель театра В. Константинов, молодые режиссеры и одновременно актеры И. Немцев, С. Васин, ведущие актеры Н. Сулейманова, Ю. Синьковский, Ю. Охотникова, К. Немиро, А. Типикин, известные молодые актеры Т. Шумаев, Е. Сорокин, Т. Милютина, Н. Ложкина и другие.

Вслед за петербургскими учеными элементы профессиональных традиций рассматриваются

как «средство культурного конструирования социальной реальности». Отсюда распределение материала по двум направлениям: «профессионал – объект деятельности» и «профессионал – сообщество». Оба направления соответственно включают в себя анализ взаимодействия актера и зрителя, но если в рамках первого демонстрировалась оценка актером зрительской аудитории, ее способности понять значимые установки театрального сообщества, то второй, наоборот, соотношен с оценкой профессионализма актеров сообществом зрителей. В первом случае обратила на себя внимание некоторая двойственность восприятия актерами зрителей. Она нашла свое выражение в категориях поляризации, декоммуникации, особом знании и стигме, которые выделяют актера на фоне социума. Профессионализм актера, по мнению участников труппы АРТД, проявляется в умении «держат зал», наделении его свойствам и живого существа (персонификация и анимация). Одновременно специфичность понятия «профессионализм», с точки зрения актеров, соотносена с особым рода мистикой: сакрализацией сцены, верой в существование духов театра, отрицательными эмоциями, испытываемыми актерами при исполнении определенных ролей. Важное значение в становлении актера имеют посвятельные ритуалы.

В свою очередь анализ взаимодействия актеров и зрителей по линии «профессионал – сообщество» показал в целом высокую оценку зрителями возможностей и перспектив развития Академического русского театра драмы им. Г. Константинова: в частности, живой интерес зрителей вызывает репертуар театра, соотношение в нем классических и современных пьес, яркая игра актеров, совпадает отношение к возможностям интерпретации классики как актерами АРТД, так и зрителями. Можно говорить и о том, что к настоящему моменту русский театр имеет своего зрителя, а его актеры – поклонников, заинтересованных в развитии театра, повышении его статуса как в РМЭ, так и в театральной жизни России в целом.

ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ОБЛАСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹

В Марийском государственном университете второй год осуществляется подготовка специалистов по направлению 44.04.01 Педагогическое образование профиль «Языковое образование в области русского языка и русской литературы». В течение двух лет магистранты должны овладеть навыками проектирования и реализации образовательного процесса в области языкового образования, в том числе с использованием образовательных технологий, соответствующих возрастным особенностям обучающихся; реализовывать основные и дополнительные образовательные программы с использованием современных технологий в сфере непрерывного языкового образования; анализировать, систематизировать и обобщать результаты научных и научно-методических исследований по русскому языку и литературе; организовывать самостоятельную деятельность школьников, направленную на создание учебных проектов и тому подобное. Основное внимание магистрантов, обучающихся по данной программе, сосредоточено на проблемах современного языкового образования: сочетание традиционного филологического знания с современными образовательными технологиями; организация проектной и учебно-исследовательской деятельности обучающихся в области русского языка и литературы; использование технологий искусственного интеллекта в гуманитарных исследованиях и прочее. Студенты изучают современные подходы к преподаванию русского языка и литературы: методику организации и реализации дистанционного обучения, методику проектирования индивидуальных маршрутов учебно-исследовательской деятельности учащихся, технологии организации проектной деятельности учеников, современную методику организации внеурочной деятельности и создания элективных курсов и так далее. Магистранты имеют возможность пройти учебные практики на базе лаборатории компьютерной лингвистики МарГУ: они знакомятся с основными образовательными технологиями, самостоятельно готовят материалы для электронного банка научно-исследовательских и проектных находок обучающихся, в сотрудничестве с научными руководителями создают проекты, связанные с тематикой выпускных квалификационных работ. При этом они пытаются решить актуальные для языкового образования задачи: показать, какие методы, приемы и образовательные технологии помогут школьникам лучше усвоить учебный материал, а также позволят генерировать идеи, которые выявят креативный потенциал учащихся 5–9-х и 10–11-х классов.

LANGUAGE EDUCATION IN THE FIELD OF RUSSIAN LANGUAGE AND RUSSIAN LITERATURE²

For the second year Mari State University trains specialists in the direction of 44.04.01 Pedagogical Education (profile “Language education in the field of Russian language and Russian literature”). Within two years, students are to master the skills of designing and implementing the educational process in the field of language education, including using educational technologies appropriate to the age characteristics of schoolchildren; to implement basic and additional educational programs using contemporary technologies in the field of continuous language education; to analyze, systematize and summarize the results of scientific and methodological research on the Russian language and literature; to organize independent activities of schoolchildren aimed at creating educational projects, etc. The main attention of students studying under this program is focused on the problems of modern language education: the combination of traditional philological knowledge with modern educational technologies; the organization of project and educational research activities of schoolchildren in the field of Russian language and literature; the use of artificial intelligence technologies in humanitarian research, etc. Students study modern approaches to teaching Russian language and literature: methods of organizing and implementing distance learning, methods of designing individual routes of schoolchildren's educational and research activities, technologies for organizing schoolchildren's project activities, modern methods of organizing extracurricular activities and creating elective courses, etc. Students also have the opportunity to get practical training at the Laboratory of Computational Linguistics of MarSU: they get acquainted with the basic educational technologies, independently prepare materials for the electronic bank of

¹ Составление Е. Г. Тонковой, канд. филол. наук, доцента МарГУ; Е. П. Карташовой, д-ра филол. наук, зав. кафедрой русского языка, литературы и журналистики МарГУ.

² Compiled by E. G. Tonkova, Ph. D. (Philology), Associate Professor, MarSU; E. P. Kartashova, Dr. Sci. (Philology), Head of the Department of Russian Language, Literature and Journalism, MarSU.

research and design findings of schoolchildren, in cooperation with scientific supervisors create projects related to the topic of final qualifying works. At the same time, they are trying to solve problems that are relevant for language education: to show which methods, techniques and educational technologies will help students better assimilate educational material, as well as generate ideas that will reveal the creative potential of schoolchildren in grades 5–9 and 10–11.

**Лингвокреативная составляющая языка
современных СМИ как объект
учебно-исследовательской деятельности
обучающихся**

Е. Г. Тонкова, Л. Г. Куклина

Обращение к анализу языка современных СМИ всегда вызывает интерес, поскольку именно в публицистических текстах процветает словотворчество. Это касается не только окказионального словообразования, которым традиционно «славится» речь журналистов, но и неузального формообразования. В последние годы все чаще звучит мысль о том, что в аспекте выявления креативного потенциала грамматики язык масс-медиа сопоставим с языком художественной литературы.

Понятие креативные возможности (иначе – креативный потенциал) является относительно молодым в лингвистике. Как правило, под ним понимаются скрытые возможности слова, которые реализуются в конкретной речевой ситуации или в тексте. Под воздействием социума изменяются характеристики языка, появляются новые понятия, слова приобретают новые лексические, морфологические, синтаксические свойства и так далее. Для языка СМИ типичными являются отступления от грамматической нормы. Например, весьма интересные грамматические возможности в публицистических текстах демонстрируют русские прилагательные. Уже многие годы ряд лингвистов признают привычное разделение всех прилагательных по трем ЛГР (качественные, относительные, притяжательные), не соответствующим современному состоянию языка.

Зыбкость границ между качественными и относительными, качественными и притяжательными прилагательными заставляет говорить о существовании промежуточной ступени – качественно-относительных и относительно-притяжательных прилагательных. Сторонники выделения подобных подгрупп базируются на различиях в значениях и морфологических при-

знаках каждого из разрядов, но, главное, учитывают постоянное стремление того или иного адъектива перейти в несвойственную ему группу в результате определенных семантических процессов. В итоге у прилагательного могут появиться новые грамматические формы, которых раньше просто не существовало. См.: *Если, к примеру, бросить щепотку этого порошка в куриный бульон, он будет казаться более наваристым, то есть более «куриным»* (Росс. газета. 2014. № 165); *Вслед за ней в 1980 году «более международное» название получила и нынешняя “MasterCard”* (Мар. правда. 2011. № 105). В данных примерах у относительного прилагательного появляется аналитическая форма сравнительной степени.

В текстах СМИ можно обнаружить и потенциальные формы (термин, предложенный Е. Н. Ремчуковой) суперлатива, не совпадающие с узальными формами превосходной степени, напр.: *На юбилейной программе к 50-летию игры соберется самый звездный состав* (Комс. правда. 2011. № 44-т); *Я искренне восхищалась – передо мной был народнейший артист больших и малых театров, сцена плачет по такому таланту* (Коллекция «Караван историй». 2011. № 1).

Кроме того, заметим, что в языке СМИ необычные грамматические свойства могут проявиться и у существительных. Так, некоторые вещественные и собирательные существительные, которые теоретически не поддаются счету, подверглись в живой русской речи семантической трансформации. При этом у таких существительных появилась возможность образовывать формы множественного числа и употребляться с количественными числительными (в отличие от омонимичных им собирательных существительных русского литературного языка). Средства массовой информации не упускают возможности представить такие формы в публицистических текстах. По-видимому, журналисты не хотят выглядеть банальными, отсюда проистекает их стремление к гиперэкспрессии во всем, в том числе русской грамматике.

Смотрите примеры нетривиального образования и употребления форм сущ. *singularia tantum*, обнаруженные в публицистических статьях: **Одно из «мыл»** гласило: «Приходи завтра и выбери эту чертову дыру. Ужин и напитки в 4 часа. Принеси вино и икру. Только» (Комс. правда. 2012. № 43-т) [мыл – ‘сообщение, письмо, отправленное по электронной почте’]; **Не тут-то было:** в сентябре 2012 года купертиновцы торжественно представили миру очередной самобытный самопал – коннектор *Lightning* и, желая, видимо, еще больше досадить европейским законодателям, выбросили на рынок еще и переходник (с безумным, как водится, ценником) – от *Lightning* к *mini USB*. Вместо одного *e-waste* вышло сразу **два** электронных мусора!¹

Как представляется, изучение особенностей языка современных СМИ может привлечь внимание учеников старших классов, поскольку он гораздо ближе и понятнее им, чем язык классической литературы XIX – 1-й пол. XX века, который чаще всего представлен в учебниках русского языка.

В процессе реализации учебного исследования учитель русского языка и литературы должен помочь своим ученикам сформулировать задачи и наметить этапы работы. В первую очередь обучающиеся должны узнать то, что изучение русской грамматики – интересный и увлекательный процесс. В разных типах речи, включая и газетно-публицистическую, можно обнаружить множество нетривиальных фактов, требующих глубокого лингвистического комментария.

В свете вышесказанного полезным для обучающихся будет изучение монографии Е. Н. Ремчуковой «Креативный потенциал русской грамматики» (2016), в которой раскрываются специфические черты русской грамматики, встречающиеся в разговорной речи, научно-публицистическом стиле и языке СМИ, в текстах художественной литературы.

Кроме того, необходимо объяснить ученикам практический смысл осуществляемого исследования: оно поможет лучше узнать систему грамматических норм русского языка. В последнее время изучению грамматики уделяется большое внимание как в вузе, так и в школе, так как под

влиянием просторечия, жаргонов и арго литературная норма расшатывается и во многих случаях нивелируется. Школьники должны понимать, что владение нормами русской литературной речи значительно облегчает процесс коммуникации. Это важно и для создания письменных текстов. Так, для углубленного изучения русской орфографии и пунктуации требуются глубокие знания в области грамматики. Данную точку зрения подтверждает учебное пособие И. В. Родиной «Русское письмо на основе грамматики» (2019), в котором автор убедительно доказывает гипотезу о том, что специфика русской письменной речи во многом базируется на особенностях русской грамматики, и предлагает запомнить сведения из области морфемики, морфологии и синтаксиса, помогающие лучшему усвоению орфографических и пунктуационных правил.

В процессе реализации учебного исследования обучающиеся смогут познакомиться с содержанием терминов «лингвокреативная деятельность», «лингвистика креатива», а также высказать мнение о том, устоится ли в русском языкознании термин «грамматика креатива» (иначе – «креативная грамматика»).

Следующим шагом будет изучение существующих креативных ресурсов морфологии, словообразования и синтаксиса русского языка (для сравнения можно привлечь опубликованные исследования, посвященные изучению грамматических «девиаций» («аномалий») в языке А. И. Солженицына, грамматических инноваций в языке современных поэтов и другое). Параллельно с этим школьники будут собирать картушку нетривиальных грамматических форм, обнаруженных в публицистических текстах.

Самый важный этап – анализ собранного материала. На основе полученных результатов обучающиеся самостоятельно определяют, какой тип грамматических девиаций чаще остальных представлен в языке СМИ, как он репрезентирован в заголовках статей и непосредственно в текстах, выведут процентное соотношение различных неконвенциональных способов выражения грамматических значений и представят их рейтинг. В процессе изучения лингвокреативной составляющей языка современных СМИ школьники смогут составить собственное представление об особенностях публицистического стиля речи, а также медийного и рекламного

¹ Гаджет: ремонтировать или покупать. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/03/15/84331-gadzhiet-remontirovat-ili-pokupat> (дата обращения: 15.03.2020).

дискурсов. Это тем более важно, потому что подрастающее поколение практически не демонстрирует навыков сформированной читательской грамотности.

Если интерес к исследованию окажется устойчивым, можно продолжить работу, посвятив ее изучению грамматических контрастов в языке художественной литературы (на наш взгляд, для обучающихся в этом плане будут интересны произведения В. Маяковского, А. Ахматовой, М. Цветаевой, Е. Евтушенко, А. Вознесенского и некоторых других авторов).

Таким образом, все чаще при изучении тех или иных фактов русского языка появляется необходимость оценки явлений, которые не

вмещаются в рамки привычных представлений о русской грамматике. На наш взгляд, обучающимся необходимо сформировать навыки лингвистического комментария, который будет основываться на современных представлениях о системе русского языка. Более тщательное осмысление фактов публицистической, поэтической, профессиональной, разговорной и других видов речи, их влияния на литературную норму дадут школьникам возможность самостоятельно представлять суждения об уместности употребления той или иной словоформы в устной и письменной речи и сформировать оценочное отношение к отбору языковых средств.

Применение дерева зависимостей при изучении синтаксического и пунктуационного анализа в школе

Е. В. Матвеева, Е. Г. Тонкова

Синтаксис современного русского литературного языка является одним из сложных разделов русистики, вызывающих затруднение не только у школьников, но и преподавателей. Причиной этому служит то, что синтаксис базируется не только на уровнях морфемики, лексикологии, морфологии, но и зависит от семантической составляющей предложения поэтому первоначальным этапом при работе с синтаксисом текста и его элементами является семантический анализ. Особую актуальность данный факт приобретает при синтаксическом и пунктуационном анализе текста.

Тема «Синтаксический и пунктуационный разбор предложения» традиционно завершает блок «Синтаксис» на каждой ступени обучения, обобщая знания по новым и ранее изученным темам. Синтаксический разбор представляет собой анализ предложения с точки зрения его членности на отдельные компоненты, установление взаимосвязей между ними, границ между отдельными блоками, описание характеристик предложения с различных позиций, схематическое изображение его структуры. На основе синтаксического разбора выполняется пунктуационный разбор – разъяснение по постановке знаков препинания.

Самой сложной для школьников является та часть работы, которая предусматривает выяснение взаимосвязей внутри предложения. Линейная схема, обычно применяемая на уроках, не позволяет увидеть структурное расположение членов предложения, а следовательно, правильно и грамотно расставить знаки препинания, поэтому более эффективным инструментом при выполнении заданий такого типа представляется использование уровневых схем, или дерева зависимостей.

Дерево зависимостей представляет собой такую модель представления структуры предложения, в которой выстраивается иерархический порядок членов предложения и для каждого элемента имеется лишь один узел. Вершиной дерева является один элемент (глагол), который не зависит от остальных элементов. Например (см. рис. 1):

Рассмотрим также пример сложного предложения:

[И так велика была власть души Соломона]¹, ([что повиновались ей даже животные]²: [львы и тигры ползали у ног царя, и терлись мордами о его колени, и лизали его руки своими жесткими языками]³, (когда он входил в их помещения)⁴]. (А. И. Куприн «Суламиф»).

Данное предложение является сложным по своей структуре, поэтому моделирование дерева зависимостей целесообразно осуществлять от общего к частному (см. рис. 2, табл. 1).

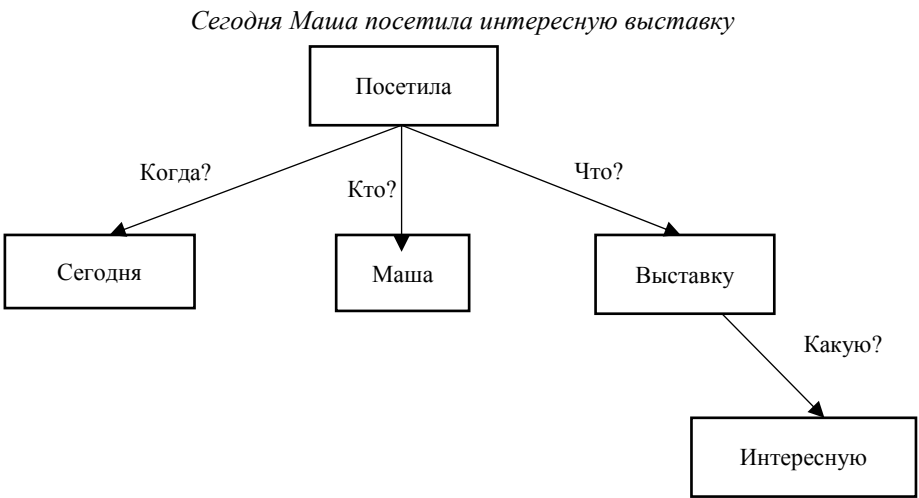

Рис. 1. Дерево зависимостей простого предложения / Fig. 1. Simple sentence dependency tree

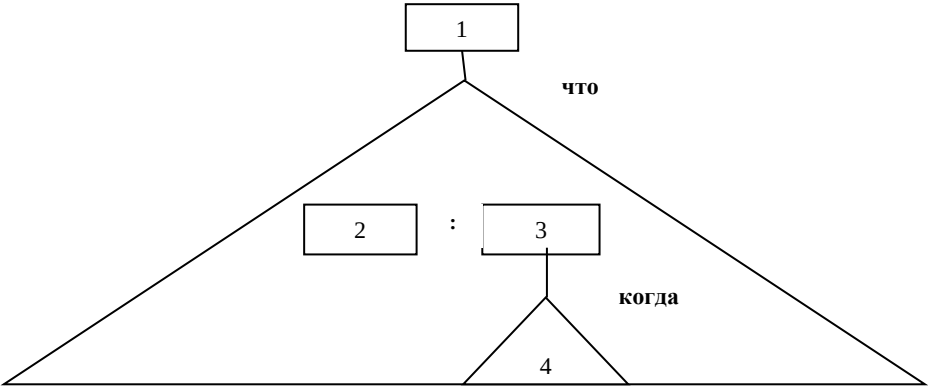

Рис. 2. Общая схема дерева зависимостей сложного предложения / Fig. 2. General scheme of the dependency tree of a complex sentence

Таблица / Table

Развернутая схема частей сложного предложения / Detailed scheme of the parts of a complex sentence

Часть сложного предложения / Part of a complex sentence	Дерево зависимостей элемента сложного предложения / Dependency tree of an element of a complex sentence
1	2
И так велика была власть души Соломона,	<pre>graph TD; A[велика была] --> что? B[власть]; A --> как? C[так]; B --> чего? D[души]; D --> кого? E[Соломона];</pre>

Окончание табл.

1	2
что повиновались ей даже животные:	<pre> graph TD A[повиновались] -- кто? --> B[животные] A -- кому? --> C[ей] </pre>
львы и тигры ползали у ног царя, и терлись мордами о его колени, и лизали его руки своими жесткими языками,	<pre> graph TD A[ползали] -- где? --> B[у ног] A -- кто? --> C[львы] A -- кто? --> D[и тигры] B -- кого? --> E[царя] </pre>
	<pre> graph TD A[терлись] -- чем? --> B[мордами] A -- обо что? --> C[о колени] C -- чьи? --> D[его] </pre>
	<pre> graph TD A[лизали] -- чем? --> B[языками] A -- что? --> C[руки] B -- чьими? --> D[своими] B -- какими? --> E[жесткими] C -- чьи? --> F[его] </pre>
когда он входил в их помещения	<pre> graph TD A[входил] -- куда? --> B[в помещения] A -- кто? --> C[он] B -- чьи? --> D[их] </pre>

Дерево зависимостей помимо своего главного преимущества – наглядности – обладает рядом других не менее важных достоинств. Во-первых, оно применимо на всех ступенях обучения. На уровне 5–6 классов дерево зависимостей помога-

ет закрепить знания о членах предложения, отличать простые предложения от сложных. Начиная с 7 класса данный вариант представления информации является хорошим подспорьем для работы с большими массивами информации

(простыми обособленными и сложными предложениями всех видов). Однако стоит учитывать тот факт, что в школьном синтаксисе вершиной дерева будет являться грамматическая основа.

Во-вторых, дерево зависимостей позволяет исследовать отдельные компоненты предложения (части сложного предложения, словосочетания).

В-третьих, уровневая структура дерева за счет своей ацикличности демонстрирует грамматические связи, тем самым предупреждая частотные ошибки в согласовании отдельных членов.

В-четвертых, при работе с деревом зависимостей внимание школьника будет уделено таким элементам, как обращения, вводные слова и конструкции, хотя они и не являются членами предложения.

Однако у данного метода есть и недостатки. Дерево зависимостей, как и линейная схема, спо-

собно работать лишь с общей структурой и правилами постановки знаков, но не объясняет исключения и трудные случаи пунктуации. В то же время, благодаря этому, у исследователей появляется возможность разрабатывать новые методы, облегчающие восприятие трудностей пунктуационного оформления.

Несмотря на некоторые ограничения в возможности применения данного метода, необходимо отметить, что дерево зависимостей выходит на первый план в работе над современным синтаксисом, в частности, в компьютерной лингвистике. Сегодня многие школьники занимаются программированием, которое во многом основывается на уровневом подходе к решению задач, поэтому использование описанного способа будет особенно актуально на уроках русского языка в наше время.

Классические тексты и современная рок-поэзия

Е. П. Карташова, А. А. Сменова

На волне «оттепели» (рубеж 1950–1960-х годов) на страницах литературных журналов стали появляться прозаические произведения, поэтические тексты и статьи, сыгравшие роль возбудителя общественного мнения и социальной активности, что впоследствии привело к острой полемике читателей и критиков. В этот период поэтическое искусство впервые было адресовано народным массам: известные поэты и писатели выступали на стадионах, городских концертных площадках, собирая огромные аудитории. Одновременно с феноменом «массовизации» поэтического искусства широкую популярность приобретает жанр авторской песни, которая развивалась благодаря «поющим поэтам» (А. Городницкий, Е. Клячкин, Б. Окуджава, В. Высоцкий, Н. Матвеева, Ю. Кукин и многие другие). Как считает В. И. Новиков, авторская песня с самого начала воспринималась и оценивалась в зависимости от качества стихотворного текста – качества и формального, и содержательного. С течением времени авторская песня стерла границы между музыкальным и поэтическим, что предвосхитило ее эволюционирование в новый культурный феномен – рок-поэзию.

Рок-поэзия в конце 1960-х годов находилась на этапе зарождения и воспринималась общественностью как закрытая субкультура. В настоящее время она обрела собственно поэтический статус и является важным литературно-языковым объектом для изучения. Г. В. Шостак, достаточно долгое время работая над исследованием рок-поэзии как литературно-языкового феномена, отмечал, что она обращена к личности, противопоставляется массовой субкультуре по характеру адресата, так как имеет приоритет слова над музыкой, глубокую содержательность и искренность, социальную направленность, честность, комбинаторное приращение смысла, опору на классические традиции русской литературы. Некоторые исследователи подчеркивают, что рок-поэзию нужно признать и вовсе поэзией, лирикой или стихами, поскольку в настоящее время многие рок-тексты изданы в виде поэтических сборников («Снежный Барс», «Тильда», «Редкая птица», «Стихи», «Литература про меня», «Бег», «Сталкер», «Колыбельная по-снайперски» Д. Арбениной; «Весь этот бред», «Парижский сплин» А. Васильева, «Приключения гнома Фиолетика» З. Рамазановой, «Горизонт событий» Е. Бортника и другие). Кроме того, в настоящее время опубликованы антологии русского рока, выпущена энциклопедия русского

рока («Русский рок. Малая энциклопедия» под редакцией А. Трофимова), активно пополняется библиография научных трудов по изучению данного феномена.

В литературоведении, лингвистике и стилистике появились первые труды по систематизации различных аспектов изучения рок-поэзии. Особый интерес среди них представляют работы, устанавливающие связь с литературными традициями Серебряного века. Поэзия Серебряного века, исторически соотносящаяся с эпохой 1890–1917-х гг., представлена самыми разными литературными направлениями и яркими индивидуально-авторскими поэтическими стилями, отличающимися богатой мелодикой и тональностью.

Символисты (В. Брюсов, А. Блок, А. Белый, С. Соловьев, З. Гиппиус, К. Бальмонт, Д. Мережковский) основой своих поэтических прозрений видели разрешение глобальных философских вопросов, где важную роль играет мелодизм и сложные музыкально-словесные конструкции.

Футиристы (В. Маяковский, И. Северянин, Б. Пастернак, Д. Бурлюк, А. Кручёных, В. Хлебников), выдвигая идею разрушения культурных стереотипов, стремились подчеркнуть «текучесть» поэтической речи специфическим исполнением.

Акмеисты (Н. Гумилёв, А. Ахматова, С. Городецкий, М. Зенкевич, О. Менделштам, В. Нарбут) провозглашали предметность тематики и образов, строили изобразительный, пластический, живописный образ в поэзии. Имажинисты (С. Есенин, А. Мариенгоф, А. Кусиков, В. Шершеневич) приходили к уподоблению поэтического творчества процессу развития языка через метафору.

Оригинальность языкового стиля поэтов Серебряного века, колоритность поэтических личностей, актуальность проблематики творчества, соответствующей запросам современности, – все это привело к тому, что поэзия этого периода стала не только постоянным источником вдохновения для современных рок-поэтов, но и, как следствие, источником прецедентности и интертекстуальности, проявляющейся в многочисленных авторских интерпретациях классических текстов.

Проблемы соотношения понятий «интертекстуальность» и «прецедентность» активно изучаются отечественными и зарубежными учены-

ми, но практически все они разделяют точку зрения, что эти феномены строятся на различных формах присутствия в одном произведении элементов других текстов, которые называются прецедентными единицами. К ним относятся аллюзивные отсылки, цитаты, имена, названия произведений и другие элементы.

Проведенные наблюдения показывают, что значительное количество классических поэтических текстов Серебряного века взято в основу поэтического репертуара современных рок-исполнителей. Анализ прецедентных единиц в поэтических текстах, написанных рок-музыкантами и вошедших в поэтические сборники 2000–2021 годов, демонстрирует, что наиболее продуктивно используется цитирование. Так, рок-группы «Сплин» и «Сансара» вводят в свои поэтические тексты стихотворения В. Маяковского. Группа «Сансара» полностью цитирует стихотворение «Письмо Татьяне Яковлевой». Современные рок-исполнители также интерпретируют стихотворение «Лиличка» В. Маяковского в рамках проекта «Живой Маяковский». Подчеркнем, что рок-поэты изменили название этого произведения на «Маяк», которое отсылает к фамилии поэта. Важным в творчестве рок-группы «Сплин» является стихотворение Саши Черного «Под сурдинку», она выпустила свой первый альбом под этим названием и стала известной благодаря тексту «Пыльная боль». Поэтический текст этой же группы «Дай, Джим, на счастье лапу мне» соотносится со строками известного стихотворения С. Есенина «Собаке Качалова». Интересно рассмотреть выражение «Дым табачный воздух выел. / Комната – глава в крученыховском аде» из поэтического текста «Маяк» является прямой отсылкой к поэме А. Крученых «Игра в аду», написанной в соавторстве с В. Хлебниковым.

Отсылки к стихотворениям А. Ахматовой, М. Цветаевой, С. Есенина встречаются в творчестве современной рок-исполнительницы З. Рамазановой. Так, например, стихотворение М. Цветаевой «Анне Ахматовой» было переименовано в «Я полюбила вас». Рок-поэтесса сохранила перекрестную рифмовку и композиционное строение стихотворения, однако в последней строфе вместо обращения «Анна Ахматова», З. Рамазанова уточняет, что для нее это – «Марина Цветаева». Рок-исполнительница цитировала и стихотворения С. Есенина, к примеру, взяла

за основу своего текста стихотворение «Да. Теперь решено. Без возврата», ранее оно звучало в интерпретации группы «Монгол Шуудан», но изменений в форме не претерпело. Стоит отметить, что в творчестве современных рок-поэтов Дианы Арбениной и Светланы Сургановой фиксируются отсылки к стихотворениям «Реквием», «Любовное настроение» М. Цветаевой.

Таким образом, рок-поэты в собственном творчестве интерпретируют поэтические тексты Серебряного века с разных позиций: содержательно,

ритмически, ассоциативно – на основе множества межтекстовых связей на уровне использования цитат, аллюзивных отсылок, эксплицитно включенных в рок-тексты. Прецедентные и интертекстуальные единицы, используемые в поэтических рок-текстах, во многих случаях являются решающими элементами в понимании авторского замысла читателем, которому необходимо иметь общекультурный кругозор, чтобы адекватно интерпретировать эстетические, содержательные сигналы текста-источника.

Займствования конца XX – начала XXI вв. в романе В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам»

Е. П. Карташова, А. К. Бутырева

В 2014 году В. О. Пелевин представил читателям свой двенадцатый роман-антиутопию «Любовь к трем цукербринам». Композиционно роман сложен, состоит из 6 глав и включает мифы разных народов, виртуальные миры, синергию религиозных взглядов и концепций людей обычных и переместившихся жить на орбиту Земли в дома-капсулы. Повествование ведется от лица рассказчика, автор называет его Киклоп. Язык персонажей и повествователя-киклопа насыщен иноязычными займствованиями.

По данным анализа лексики романа В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам», выяснилось, что текст содержит 224 уникальных включения займствованных лексических и фразеологических единиц, фраз, цитат, не считая повторений и однокоренных слов. Уже само название романа представляет собой композит-окказионализм, объяснение которого содержится в тексте: «Цукербрин, понял Кеша, это термин, появившийся впервые в десятых годах двадцать первого века. Он был образован из имен двух титанов тогдашнего интернета – Цукерберга и Брина, и означал некоего метафорического Смотрящего – как бы заэкранного надзирателя, глядящего на пользователя сквозь тайно включенную камеру планшета или компьютера...». Стоит отметить, что сема «цукербрин» до полного объяснения встречалась в тексте 6 раз, а после него – 43. Можно сделать вывод, что автор осознанно включил окказионализм в свое произведение только после объяснения. При предыдущем упо-

реблении (6 раз) автор надеялся заинтриговать читателя и обратить внимание на данное ключевое слово. За названием следуют «Объяснения и оправдания» на русском языке и эпитафия на английском языке: «*The universe is made of stories, not atoms*» с переводом, представляющим собой параллельный текст. Фраза американской поэтессы Мюриэль Рюкэйзер является не единственным англоязычным вкраплением, используемым В. Пелевиным на уровне макроструктуры романа «Любовь к трем цукербринам». Таким образом, писатель дает пример параллельного включения иностранной лексики в текст, не нарушая процесс восприятия информации, т. е. вся релевантная информация дана на русском языке.

Выше упоминалось, что роман делится на 6 глав, каждая из которых состоит из нескольких параграфов. Название каждой главы представляет собой иноязычные вкрапления или займствования: «*FUCK THE SISTEM*» (англ.); «*DUM SPERO SPIRO*» (латинск.); «*ВЕЛИКИЙ HAMSTER*», «*Фейсбук*», «*Lovebook bedroom*», «*Анонимус*», «*Метадата*», «*War on war*», «*Фраза "LUCID"*», «*Метадата 2*», «*Needless and pins*».

Оригинальный и смелый язык произведений В. Пелевина изобилует иноязычными вкраплениями и займствованной лексикой.

Понятие «иноязычного вкрапления» было введено в языкознание А. А. Леонтьевым. Ученый относит к вкраплениям не только факты использования элементов иностранного языка в русской речи, но и лингвистические явления другого происхождения, например, случаи передачи «иностранного акцента» и варваризмы. Ю. В. Листрова-Правда квазисинонимом понятия «иноязычное вкрапление» считает выражение «иносистемные языковые явления».

Диапазон состава иноязычной лексики, используемой В. Пелевиным, колеблется от обособленных неологизмов, окказионализмов до полного цитирования строк текстов песен, названий компаний, продуктов и прочее. Все включенные в роман иностранные слова следует классифицировать по социальным сферам коммуникации и по соотношению с системами контрастирующих языков. Рассмотрим типы иноязычных вкраплений, используемые в романе В. Пелевина «Любовь к трем цукербринам».

Полные вкрапления или отрезки текста на иностранном языке без изменения в русском языке могут быть представлены полными или частичными цитатами из известного источника, фразеологическими оборотами. Приведем примеры: цитация: «Опасность для мира представляли только особые критические события – говоря фигурально, ситуации, про которые Гамлет в свое время сказал: *“The time is out of joint”*»; «Мировые возмущения и дисбалансы, устранявшиеся мною, были именно угрозами этой гамлетовской связи времен – в масштабах одной региональной, как это ни обидно звучит, проекционной будки... *o cursed spite // That ever I was born to set it right!*»; фразеологические обороты: «Я никак не комментирую эти слова. Как говорят, *sapienti sat*»; «Многие его ненавидят, в то время как стоило бы пожалеть: чаще всего это сборщик хлопка, из последних сил делающий вид, что он *анфан террибль* золотого миллиарда»; «Единственная заповедь, исполнения которой требовала цивилизация, была простой: *Thou shalt not get caught. Sin smart*»; «Сперо улыбнулась. На самом деле это латинское изречение звучало иначе – *«dum spiro spero»* – «пока дышу, надеюсь». Но в измененном порядке слов был свой смысл. О котором здесь знала она одна».

Следующей продуктивной группой вкраплений являются частичные вкрапления – слова, словосочетания или фразы, включенные в синтаксические отношения в составе русского предложения. Как правило, частичные вкрапления включаются в пространстве художественного текста В. Пелевина: для погружения читателя в ирреальный мир: «Вид висящего среди облаков кластера был принудительным роликом, которым система блокировала возможность самостоятельного путешествия в фазе *LUCID*»;

«*Sharenomics*, пришедшая на смену *Economics*, поставила человечество на рельсы бесконечного роста»; «Содрогаясь от балалаечного *crescendo*, Кеша побрел по кожистому коридору»; «Слушать диспут целиком не было сил, и Кеша мигнул появившейся перед ним кнопке *“abridge”*»; «Во-первых, на груди старика висела табличка с крупной надписью: *READ ME*»; «Приведу только один пример, доказывающий, что наш *brave new world* с самого начала строился по чертежам всемирного кагала»; «А завтра он сам будет стоять на *фейстоне* – между Ксю Бабой и Анонимусом, *no less*»; «Кеша не понимал смысла слов *“NREM SWS”* – он знал лишь, что это какой-то из подвидов лечебного сна, куда ему положено погрузиться».

Некоторые иноязычные вкрапления 2-ой группы имеют интересную особенность. Следует заметить, что В. Пелевин использует не только язык оригинала, но и русскую транслитерацию некоторых слов, сохраняя при этом номинативную функцию этих включений. К таким иноязычным вкраплениям в тексте романа «Любовь к трем цукербринам» относится вкрапление «*sharing points*». На английском языке данное словосочетание используется 7 раз, а на русском «шэринг поинтс» – 9. Русский и английский языки в тексте романа будто взаимозаменяются, образуя целостный образ денежной валюты. Примечательно то, что нулевой баланс или трата валюты каким-либо героем в произведении всегда изображена в русской транслитерации: «А вот вкус зависит от готовности тратить *шэринг поинтс*»; «А были бы *шэринг поинтс*, жил бы на Еврайхе»]; «Нулевой баланс *шэринг поинтс*».

Такой же особенностью обладает сема «*facebook*». В тексте она используется в английском варианте всего 2 раза, а в русском 5. В английском варианте она используется лишь при написании слова «*Facebook free*», что означает «свободный от социальной сети». В русском языке сема «фейсбук» означает саму социальную сеть. Таким образом, Пелевин показывает, что сема «фейсбук» обрусела, а вот понятие «*Facebook free*» остается еще достаточно новым. Например: «Она была, как выражался Гай Фокс, *facebook free*, и даже не особо представляла идейную направленность «Контры», где работала»; «Щас допьем, потусим в *фейсбуке* и спать».

Слова LOVEBOOK BEDROOM и ЛАВБУК ИУВКЩЦЬ, ДФЗЫ и LAPS не являются исключениями. Такой иронический прием был использован для того, чтобы показать абсурдность транслитерации слов, которые в ней не нуждаются. На языке оригинала фраза LOVEBOOK BEDROOM встречается 3 раза, а в русском варианте ее можно увидеть 11 раз. LAPS – 1 раз, ДФЗЫ – 3 раза. *«В правой половине Кешиного поля зрения зажглась большая синяя “L”. А под ней, уже красным, загорелись русские слова – “ЛАВБУК ИУВКЩЦЬ”. Вот почему словосочетание “LOVEBOOK BEDROOM” было – пусть уродливо – локализовано, а Little Sister – нет?»; «Кеша остановился на беге с ширмами. Надписи исчезли, и на доске возник последний вопрос: ДФЗЫ? LAPS, понял Кеша, это с про-*

шлого раза сделали локализацию, чтобы нам было удобнее. Три дфзы на пять дней хватит. Меньше все равно нельзя».

Изучение иноязычной лексики в прозе В. Пелевина имеет широкое перспективное поле для дальнейших исследований. Так, в процессе классификации выделенной иноязычной лексики было установлено, что ее можно разграничить на следующие тематические группы: социальные сети, поисковые системы, молодежный сленг, компьютерный сленг, названия компьютерных игр, фильмов, научная терминология. Отдельного внимания заслуживает изучение способов словообразования окказионализмов, образованных на основе заимствованных слов, а также способы адаптации иноязычных заимствований в русской постмодернистской прозе.

РЕЦЕНЗИЯ

REVIEWS

**РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ: ЗОЛотова Т. А., ПЛОТНИКОВА Е. А.,
ЕФИМОВА Н. И. ТРАДИЦИИ ФОЛЬКЛОРА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ XX–XXI ВЕКОВ /
МАРИЙСКИЙ ГОС. УН-Т. ЙОШКАР-ОЛА, 2020. 155 с.**

**REVIEW OF THE TEACHING AID: ZOLOTOVA T. A., PLOTNIKOVA E. A., EFIMOVA N. I.
FOLKLORE TRADITIONS IN THE RUSSIAN CULTURE OF THE XX–XXI CENTURIES
MARI STATE UNIVERSITY, YOSHKAR-OLA, 2020, 155 p.**

Познавательное, воспитательное, эстетическое значение фольклора в современной культуре достаточно велико и требует осмысления и изучения. В учебно-методическом пособии «Традиции фольклора в отечественной культуре XX–XXI веков», подготовленном профессором Т. А. Золотовой, доцентами Е. А. Плотниковой, Н. И. Ефимовой, рассматриваются актуальные проблемы современной культурологии и фольклористики, а точнее – влияние народного творчества на разные аспекты профессиональной культуры в XX–XXI веках.

Пособие построено так, что в нем как для студентов, так и для преподавателей открывается целый ряд исследований, которые составляют теоретическую основу для дальнейшего изучения и исследования феномена фольклоризма кинематографии, литературы, а также современных текстов молодежной субкультуры.

Необходимо отметить, что проблема использования традиций фольклора в литературе, кинематографе и молодежной культуре, а также в пространстве современного города не так часто привлекала внимание исследователей; еще в меньшей степени ее составляющие были освещены в учебниках и методических пособиях. Именно поэтому выход этой книги закрывает большую лакуну в области методики преподавания традиционной культуры в вузах и других учебных заведениях.

Важно отметить, что все разделы пособия построены по одному рациональному принципу:

вводная статья по определенной теме, список рекомендуемой литературы и разнообразные задания, которые помогут обучающимся понять сущность феномена фольклоризма, его типы, причины и особенности обращения к фольклору представителей различных областей современной культуры. Авторы предлагают и оригинальную программу курса «Фольклор и современная культура», которая, несомненно, будет востребована преподавателями, студентами и магистрантами.

Авторы пособия начинают с фольклоризма в кинематографии. Эта проблема осмыслялась прежде всего киноведами, а не исследователями традиционной культуры. Авторы приводят целый ряд фамилий известных киноведов, занимавшихся изучением этой проблемы: Н. М. Зоркая, М. И. Туровская, Н. Ю. Спутницкая, В. И. Фомин, Н. А. Хренов; комментируют наиболее интересные положения их работ, показывают значимость обращения киноведов к фольклористическим трудам, в частности В. Я. Проппа, а также дают ссылки на эти работы.

Органичен в этот разделе и материал, связанный с анализом творчества известных режиссеров-постановщиков сказок и фольклорных произведений: А. А. Роу, А. Л. Птушко, С. М. Овчарова. Их киносказки вошли в «золотой» фонд советского кино, поэтому знакомство и разбор сценариев, режиссерских ходов, актерской игры позволяет студентам, магистрантам, аспирантам понять художественный замысел режиссеров и особенности его реализации.

Привлекают внимание и методические разработки традиций в современных отечественных фильмах жанра фэнтези. Этот жанр мало исследован, тем более в связи с традиционной культурой и фольклором. Авторы пособия приводят мнения ряда теоретиков кино, в частности Н. Ю. Спутницкой, которые высказывают критические замечания постановщикам фильмов-фэнтези в использовании магии и национальных сказочных традиций, а также высказывают свою оригинальную точку зрения по этим вопросам.

Второй раздел пособия раскрывает фольклоризм литературы, в частности традиции сказки у многих современных писателей. Авторы отмечают, что «к сказке обращаются представители как элитарной (в отечественной традиции, например, Татьяна Толстая и Людмила Петрушевская и др.), так и мидл-литературы». Именно поэтому в пособии, помимо творчества Л. Петрушевской, рассматриваются и произведения таких уже известных литераторов, как А. Ганиева, Е. Бабушкин, Д. Ахметшин.

В сказках Л. Петрушевской, с одной стороны, авторы отмечают полную реализацию «пропповской модели волшебной сказки», а с другой – раскрывается «образ детства». Так Л. Петрушевская «мастерски прописывает внутренний мир ребенка», поэтому ее сказки, как бы рассказанные самими детьми, по мнению авторов, и делают их «настоящими».

В пособии также анализируется сборник А. Ганиевой «Странные сказки». Созданные писательницей сюжеты воспроизводят современную российскую действительность, но в то же время используют фольклорные модели и мотивы. Так же, как у Л. Петрушевской, у А. Ганиевой, главные герои сказок – дети, это усиливает восприятие «сказочности, чудесности». Авторы пособия отмечают оригинальность находок А. Ганиевой в заглавиях и подзаголовках сказок. В них часто обозначается некий нравственный императив, а еще писательница дает краткие авторские ремарки с детским рисунком.

Что касается сказок Е. Бабушкина, то в них, считают авторы пособия, часто изображается «два мира: реальный и ирреальный (волшебный)». Интересно то, как сказочник использует «низкого героя», сказочные формулы и тому подобное. Отмечено, что Е. Бабушкин, один из немногих в нашей литературе, кто создает такие ситуации в сказках, когда «герои не решают

стоящих перед ними задач и не побеждают противников».

Как и Е. Бабушкин, Д. Ахметшин – один из лауреатов премии «Дебют», соединяет в своих сказках элементы сказочной реальности и современную действительность. Авторы пособия анализируют его цикл «Короткие сказки». Для данного автора, по наблюдениям авторов, характерны поиски в жанре литературной сказки, подчеркнутый интерес к мистической стороне, использование мотивов сказок разных народов.

Третий раздел пособия «Фольклор и молодежная культура» как бы объединяет и развивает на новом витке два предыдущих раздела. В нем рассматривается визуальная и текстовая молодежная культура, в которой «самодетельные тексты», написанные по произведениям известных писателей («фанфики», «фанфикшн»), «иллюстрируются» не только изображением, но вербальным оформлением. Авторы подчеркивают, что «кадры» из некоторых популярных молодежных фильмов дополняются различными словесными клише. Важным выводом является то, что авторы пособия раскрывают жанр мема как феномен современного фольклора, который, «во-первых, отвечает критериям фольклора, во-вторых, существует в нынешнем временном пласте, создается вслед актуальному литературному и кинематографическому источнику и при помощи цифровых технологий. Важно и то, что мемы представляют собой новые формы бытования для традиционных фольклорных жанров, например, для анекдота, поскольку некоторые многочастные их формы вполне могут быть заменены нарративом со смешной и неожиданной концовкой. Также мемы и фанфикшн призваны закреплять и транслировать ценности создающей их субкультуры или сообщества.

Хочется отметить, что авторы пособия как бы «закольцовывают» проблему визуально-текстового сказочного творчества XX–XXI веков. Настоящий этап в развитии молодежной интернет-культуры продолжает и развивает сказочные (волшебные) традиции прежних лет. Новые веяния, новые технологии требуют новых осмыслений моделей сказок, новых приемов, художественных открытий. Такие проблемы поможет решить программа курса «Фольклор и современная культура», которую предлагают авторы книги. Курс рассчитан на 32 академических часа. Содержательная сторона курса достаточно

основательно проработана, выделены как основные теоретические положения, так и новые современные аспекты. Например, темы «Фольклор и кинематограф», «Молодежная культура и фольклор», «Фольклор в пространстве современного города: типы фольклорно-этнографических памятников и музеев». В пособии авторы приводят примеры методических приемов анализа разных

фольклорных и литературных жанров, сопоставления произведений, приемов анализа различных текстов современной культуры.

В пособии, таким образом, задача подготовки широко эрудированного человека, специалиста-филолога сочетается с задачей воспитательной, пособие расширяет горизонты человека, обладающего творческим мышлением.

Поздеев Вячеслав Алексеевич

доктор филологических наук, доцент,
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра
Уральского отделения Российской академии наук
(167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26),
slavapozd@yandex.ru

Vyacheslav A. Pozdeyev

Dr. Sci. (Philology), Associate Professor,
Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar 167982, Russian Federation),
slavapozd@yandex.ru

**ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДОСТАВЛЯЕМОМУ МАТЕРИАЛУ
В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК МАРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

Уважаемые авторы!

Редакционная коллегия журнала просит вас обратить внимание на *следующие требования*:

1. Индекс УДК статьи, код и расшифровка научной специальности (например, 10.01.01 Русская литература).
 2. Заглавие на русском и английском языках.
 3. Инициалы и фамилия автора(ов) (не более 4-х) (также транслит).
 4. **Сведения об авторе(ах)** – Фамилия, Имя, Отчество, место работы (название организации (рус./англ.) должно совпадать с названием в Уставе), город, страна, набирают строчными буквами, светлым курсивом, располагают по центру (также перевод на англ. яз.). При транслитерации ФИО автор должен придерживаться единообразного их написания во всех статьях.
 5. **Аннотация.** Набирают строчными буквами, шрифт прямой светлый, располагают по ширине. **Аннотация должна быть на русском и английском языках.** Текст аннотации должен включать не менее 200–250 слов (не менее 1000–500 знаков с пробелами). Текст должен быть структурированным, т. е. повторять в кратком виде рубрики статьи: **введение, цель исследования; материалы и методы; результаты, обсуждение; заключение.**
 6. **Ключевые слова** (6–10 слов и словосочетаний) выбирают из текста публикуемого материала. Набирают на русском и английском языках строчными буквами, шрифт прямой светлый, располагают отдельной строкой по ширине.
 7. **Благодарности** (необязательный элемент статьи). Автор выражает: признательность коллегам, научному руководителю за помощь, благодарность фондам и учреждениям за финансовую поддержку исследования.
 8. **Текст статьи** необходимо набирать 14 кг, поля – 2 см, шрифт – Times New Roman, 1,5 интервал). Объем – 10–15 страниц. *В объем входят аннотация, текст, таблицы, рисунки, список литературы.* Статья должна быть структурирована, т. е. содержать введение, цель исследования; материалы и методы; результаты, обсуждение; заключение. Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках. Статья должна содержать *внутритекстовые библиографические ссылки*, оформленные в квадратных скобках, со ссылкой на порядковый номер использованной работы в пристатейном списке литературы, например: [2]. Если ссылка приводится на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются также страницы, на которых помещен объект ссылки, например: [2, с. 81]. Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой, например: [4, с. 15; 5, с. 123].
 9. **Список литературы** (ГОСТ Р 7.0.5–2008) под заголовком «Литература» (располагается по центру), приводится в конце статьи. Список литературы включает в себя **не менее 10 наименований**, из них 5 – обязательно научные статьи по соответствующей тематике, изданные за последние 3–5 лет с указанием DOI статьи или ссылкой на нее в Интернете (например, в e-library или «КиберЛенинке»). Издания в списке располагаются в алфавитном порядке, сначала на русском, затем на иностранных языках. Далее список литературы *транслитерируется* и переводится. Внимание! В список литературы помещаются ТОЛЬКО научные статьи и монографии. Учебники, учебные пособия в библиографию не включаются. Также не следует включать в список литературы диссертации и авторефераты диссертаций из-за их труднодоступности для читателя. Источники, федеральные законы, архивные документы, акты, статистические данные литературные произведения оформляются в виде постраничных сносок.
 10. Аффiliation авторов Ф. И. О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. Приводится на русском и английском языках.
 11. Вклад соавторов. В конце рукописи авторам необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно. Приводится на русском и английском языках.
- Публикации бесплатные для аспирантов очной формы обучения (необходимо выслать скан справки из аспирантуры).
- Статьи, оформленные в соответствии с требованиями, необходимо отправлять на vestnik.margu@mail.ru
- Материалы, оформленные не по требованиям, редакцией не рассматриваются.**
- Просим обратить внимание!** Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати). Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат».
- Все спорные вопросы решаются в переписке, вся переписка сохраняется.**
- Телефон для справок: 8 (8362) 68-79-97 (1565)
- Проректор по НР и ИД – директор Программы развития опорного вуза **Леухин Анатолий Николаевич**
- Ответственный секретарь – **Крылова Ольга Сергеевна** (vestnik.margu@mail.ru)

FOR AUTHORS

Dear authors!

Please pay attention to the following requirements:

1. Article **UDC** index.

2. The title is in Russian and English.

3. Initials and surname of the author(s) (no more than 4) (also translit).

4. **Information about the author(s)** – First name, Patronymic, and Surname, place of work (name of the organization (Rus/Eng) must match the name in the Charter), city, country, should be written in lower-case letters, light italic type, and centered (as well as English translation). When transliterating first and last names, the author must adhere to uniform spelling in all articles.

5. **Abstract.** Lower-case letters, font direct light, a width. The abstract should be in Russian and in English. Abstract should be a minimum of 200–250 words (not less than 1000–1500 characters with spaces). The text should be structured, that is, should briefly repeat the heading of the article; purpose of the study; materials and methods; results, discussions; conclusion.

6. **Keywords** (6–10 words and phrases) are chosen from the text of the published material. They should be written in the Russian and English languages by lower case letters, font direct light, in the separate line by width.

7. **Acknowledgements** (optional element in the article). The author expresses his gratitude to colleagues or supervisor for help, thanks to funds and institutions for their financial support of the study.

8. **Text of article** should be printed in 14 pt, margins – 2 cm, type – Times New Roman, interval – 1,5). Volume – 10–15 pages. Abstract, text, tables, illustrations and list of references are a part of this amount. The article should be structured, i. e. contain the introduction, the purpose of the study; materials and methods; results, discussion; conclusion. All names, notes and structural elements of graphs, tables, schemes, etc. should be made both in Russian and in English. The article should contain inline bibliographic references, enclosed in square brackets, with reference to the sequence number of the work used in the list of literature, such as: [2]. If the link is to a specific piece of the text, you must specify the page on which the reference object is placed, for example: [2, p. 81]. If the reference includes several works, it is separated by semicolons inside the square brackets, for example: [4, p. 15; 5, p. 123].

9. **References** (GOST R 7.0.5-2008) under the heading “References” (located in the center) is given at the end of the article. The list of references includes no less than 10 titles, 5 of them are research papers on relevant topics, published in the last 3–5 years, with the DOI indicated of the reference to it on the Internet (e.g. e-library). Publications in the list are arranged in alphabetical order, first in Russian, then in foreign languages. Then the bibliography is transliterated and translated. Attention! The list of literature contains ONLY scientific articles and monographs. Textbooks and tutorials are not included in the references. Do not include in the list of literature dissertations and abstracts of dissertations because of their inaccessibility to the reader. Sources, federal laws, archival documents, acts, statistics, literary works are made out in the form of footnotes.

10. Author affiliation, full name, organization(s), address of organization(s) (it is required to indicate all the author's places of employment where the research was carried out (permanent place, place of project implementation, etc.)), position and academic title, ORCID ID, e-mail, phone, mailing address for sending the author's copy. It is given both in Russian and in English.

11. Contribution of co-authors. At the end of the manuscript, the authors should include the notes that explain the actual contribution of each co-author to the study done. The order of the authors and co-authors of the article is agreed independently. It is given both in Russian and in English.

Articles drawn up in accordance with the requirements, should be sent to e-mail: vestnik.margu@mail.ru

The editorial board does not accept materials written with violation of the requirements.

Please pay attention! It is not allowed to send to the editorial board already published articles or articles sent for publication in other journals. If a simultaneous submission of a manuscript to several publications is found, the published article will be retracted (called back from the printing). Monitoring of unauthorized citation is made with the “Anti-plagiarism” systems.

All dispute issues are discussed in correspondence, all correspondence is saved.

Telephone: 8 (8362) 68-79-97 (1565)

Vice-Rector for Research and Innovation, Director of the Development Program of the University – **Anatoliy N. Leukhin**

Head of the editorial board of scientific journals – **Olga S. Krylova** (vestnik.margu@mail.ru)

АЛГОРИТМ РАБОТЫ С НАУЧНОЙ СТАТЬЕЙ

